

1 499

Г. Г. МАНИЗЕР

ЭКСПЕДИЦИЯ
АКАДЕМИКА
Г. И. ЛАНГСДОРФА
В БРАЗИЛИЮ

ОГИЗ · ГЕОГРАФИЗ · 1948

ЗАПИСКИ ВСЕСОЮЗНОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
Новая серия том 5

Г. Г. МАНИЗЕР

ЭКСПЕДИЦИЯ
АКАДЕМИКА
Г. И. ЛАНГСДОРФА
В БРАЗИЛИЮ
(1821-1828)

CBGiOŚ, ul. Twarda 51/55
tel. 22 69-78-773

Wa5161863

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1948

Под редакцией,
со вступительной статьей и комментариями
Н. Г. ШПРИНЦИН

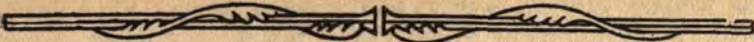

1499

NH-59613
Акк. К. 689/51

Г. И. Лангсдорф
(1774—1852)

ВВЕДЕНИЕ

Публикуемая работа покойного этнографа Г. Г. Манизера представляет единственное подробное исследование о первой русской экспедиции в Бразилию в первой половине XIX в., по правильному замечанию автора, «несправедливо забытой наукой».

Это замечание Г. Г. Манизера подтверждается обнаруженными уже после его смерти в 1930 г. полевыми материалами экспедиции, считавшимися пропавшими. Эти материалы до настоящего времени не потеряли научного значения и представляют ценный вклад в дело этнографического и отчасти лингвистического изучения индейских племен Центральной Бразилии.

О значении этих материалов можно судить уже хотя бы потому, что некоторые племена, как, например, апиакá, мундурукú, гуанá и другие и поныне почти не изучены. О них имеются лишь отрывочные, нередко даже несистематизированные сведения. Часть из числа изучавшихся экспедицией племен (гуанá, чикитó и др.) теперь уже почти полностью истреблены завоевателями и колонизаторами или ассимилировались с новым, пришлым из Европы населением Бразилии.

Эти племена разделили трагическую судьбу большей части индейского населения Латинской Америки. Наглядным примером служат ботокуды, с изучения языка которых Г. И. Лаансдорф начал собирание лингвистических и этнографических материалов.

«Прошлое ботокудов—мартиролог... Начиная с охот за рабами в XVII в. и до последних годов XIX в. все средства борьбы были хороши. Индейцев отравляли, зарзжали нарочно болезнями, издевались над женщинами и детьми, торговали ими»*.

* Манизер Г. Г., Ботокуды (боруны) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 г. Отд. оттиск из Ежегодн. Русск. антропол. общ. при Петроградском университете. П., 1916, стр. 87.

В начале XX в., когда в Бразилии начал проводиться в жизнь так называемый «план концентрации индейцев», несколько групп ботокудов были принудительно выселены на «правительственные посты». Переселение индейцев меньше всего было продиктовано заботами об улучшении их жизни. «В последние десятки лет местность изменилась больше, чем за столетия, протекавшие со времени появления в ней первых золотоискателей или беглых каторжников. Какао обещает докончить вытеснение леса и его обитателей. Так, Рио Мукури, бывшая бесспорной областью индейцев до 50-х годов, теперь сплошной сад плантации какао»*.

Одностороннее развитие экономики стран Латинской Америки в интересах империалистических государств вызвало в ряде штатов Бразилии рост плантационного хозяйства. На огромных территориях, где некогда жили индейцы—простираются плантации кофе и какао.

Приведенные нами данные о ботокудах—это лишь один из многих примеров фактического уничтожения индейцев. Десятки племен полностью исчезли с лица земли; не спас их от вымирания и созданный в Бразилии в начале XX в. так называемый «Департамент защиты индейцев». Индейцы либо впадают в полуголодное существование, либо скрываются от своих «покровителей» в джунглях тропического леса. Но и лес перестает быть надежной защитой. Зачастую только географические названия напоминают о племенах, с которыми встречалась первая русская экспедиция Лангсдорфа. Индейцев в этих местах давно уже нет.

Хранящиеся в Архиве Академии наук СССР полевые материалы экспедиции включают географические очерки нескольких районов Бразилии, этнографические описания отдельных племен и словари их языков. Особенно ценны дневники (26 тетрадей) руководителя экспедиции академика Г. И. Лангсдорфа, день за днем описывавшего содержание работ ее участников. Уникальную ценность представляют и рисунки художников экспедиции**.

Публикация настоящего очерка об экспедиции должна положить начало дальнейшему изданию научных материалов, добытых ее участниками.

Значение русской экспедиции в Бразилию станет особенно ясным, если мы, принимая во внимание уровень науки к началу XIX в., будем рассматривать ее на фоне тех данных о Южной Америке, которые были, в сущности, весьма незначительными.

* Манизер Г. Г., Ботокуды (боруны) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 г. Отд. оттиск из Ежегодн. Русск. антропол. общ. при Петроградском университете. П., 1916, стр. 87.

** Подготовка к печати архива экспедиции производится Отделом Америки Института этнографии Академии наук СССР. В настоящей работе публикуется лишь часть рисунков. Остальные материалы архива не использованы. Мы ограничились там, где это было необходимо, краткими примечаниями.

Первые сведения о Южной Америке и в частности о ее туземном населении представляют описания участников конкисты, испанцев и португальцев, завоевателей новооткрытого материка, а также следовавших за ними миссионеров, в частности иезуитов. Впрочем, надо отметить, что наиболее многочисленные и подробные описания их относятся к Центральной Америке, Мексике, Перу и другим и в меньшей степени к Бразилии. Несмотря на их неточность, они все же нередко служат единственными источниками наших знаний о населении Южной Америки XVI и XVII вв. Нам приходится сожалеть о том, что обильные материалы, относящиеся к этому времени, хранящиеся в испанских и португальских архивах, опубликованы лишь в самой незначительной степени. Пользование ими для ученых чрезвычайно затруднено, а подчас и совершенно недоступно. Часть материалов испанских архивов, повидимому, безвозвратно погибла во время фашистского мятежа.

Источники последующих веков существенно отличаются от описанных выше.

В конце XVIII и в начале XIX вв. Южную Америку посетили многочисленные экспедиции и отдельные путешественники. В большинстве случаев это были либо миссионеры, либо купцы, а также ученые-натуралисты. Для первой половины XIX в. характерны исследования, ставившие своей целью изучение геологии, флоры и фауны материка. Это обстоятельство объясняется тем, что страны-колонизаторы смотрели на Южную Америку только как на источник ценных видов сырья. Все эти экспедиции XVIII в., первой и отчасти второй половины XIX в., организованные с целью захвата богатств материка, естественно, меньше всего заботились об этнографическом изучении его исконного населения—индейцев.

Не имея специальных заданий в области этнографии, они все же не могли оставить без внимания индейские племена, встречавшиеся на их пути, пораженные своим внешним видом и удивительным образом жизни «дикарей».

Вполне понятно поэтому, что в описаниях путешественников и нередко в специальных, далеких от этнографии по своей тематике работах мы имеем ряд этнографических материалов, представляющих для нас большой интерес (например работы Гарта, Эшевеге и др.).

В отличие от них русская экспедиция Г. И. Лангсдорфа носила совершенно иной характер: наряду с изучением флоры и фауны она обратила специальное внимание на изучение туземных языков и этнографии индейцев Бразилии.

Г. И. Лангсдорф тщательно готовился к посещению индейцев. В архиве Академии наук СССР хранятся его многочисленные выписки из литературы и из материалов бразильских архивов. Он занимался изучением языков тех племен, которые ему предстояло посетить, чтобы иметь возможность непосредственного

общения с ними. Уже будучи тяжело больным, он записывает в дневнике: «Взял урок [языка] апиакá. Чувствовал себя хорошо часов до двух дня, когда снова подвергся злосчастному приступу холодной лихорадки, продолжавшемуся до ночи»*.

О том, с какой серьезностью относился Г. И. Лангсдорф к поставленной задаче, можно судить по письмам в Академию наук и договорам, заключенным с членами экспедиции.

Но русская экспедиция не ограничивалась только сбором научных материалов. Письма Лангсдорфа к губернаторам бразильских провинций свидетельствуют о том, как близки ему были интересы местного населения, в особенности индейцев. В своих дневниках он неоднократно сетует на то, что правительство совершенно не заботится об индейцах.

Гуманизм Лангсдорфа, столь характерный для блестящей плеяды русских путешественников, роднит его с Н. Н. Миклухо-Маклаем, который так страстно боролся против угнетения племен островов северо-западной части Тихого океана.

Но Лангсдорф не понимал, что в условиях бесчеловечной колониальной эксплуатации его голос в защиту прав угнетенной части человечества останется гласом вопиющего в пустыне.

Во второй половине XIX и в первой четверти XX вв. в Латинскую Америку направляется большое число специальных этнографических и лингвистических экспедиций. Организация такого рода экспедиций в значительной мере объясняется новым этапом мировой истории—эпохой империализма, одной из характерных черт которого является усиление колониальной экспансии империалистических государств.

Не случайно для этого периода то обстоятельство, что интерес ко всестороннему изучению стран Центральной и Южной Америки, экономически несамостоятельных, особенно повысился в первой четверти XX в.

Не вдаваясь в подробный анализ этого вопроса, укажем лишь на то, что отдельные области Центральной и Южной Америки изучались главным образом учеными именно тех стран, которые были в них экономически и политически заинтересованы. Естественно, что Бразилия в этом отношении не представляла исключения. Помимо местных ученых, Бразилия изучалась главным образом представителями немецкой науки, что, без сомнения, связано с далеко шедшими замыслами германского капитала и усиленной эмиграцией из Германии, в частности в Бразилию, в годы, предшествовавшие первой мировой войне.

После первой мировой войны, когда германский капитал был временно отодвинут на второй план, число немецких экспедиций сократилось, зато значительно возросло количество экспедиций США и Англии. Ценным вкладом в дело изучения археологии,

* Последний дневник Г. И. Лангсдорфа, 31 марта—20 мая 1828 г. (Архив АН, фонд 63, опись 1, № 8, л. 10).

этнографии и истории Центральной и Южной Америки являются работы местных ученых, которые с каждым годом приобретают все большее значение.

В результате работ довольно большого числа экспедиций наши знания по этнографии индейских племен Бразилии обогатились рядом исследований, и в частности монографиями по отдельным племенам.

Не ставя своей задачей дать полный перечень литературы, относящейся к племенам, с которыми встретилась экспедиция Г. И. Лангсдорфа, мы считаем необходимым в настоящей статье указать на основные сводные работы, в частности, на ставшие в настоящее время классическими описания путешествий*.

Наибольшее число их относится ко второй половине XIX в., и лишь немногие совпадают со временем работы экспедиции.

Прежде чем приступить к обзору этих работ, следует оговориться, что степень изученности культуры южноамериканских индейцев даже и в настоящее время нельзя признать удовлетворительной. Достаточно указать на то, что мы до сих пор не располагаем ни одной сколько-нибудь приемлемой классификацией индейских племен материка, не говоря уже о единой классификации.

Ввиду отсутствия выработанных общепринятых признаков, которые могли бы быть положены в основу лингвистической классификации, для определения некоторых групп применяются весьма странные критерии этнографического порядка и, в частности, отрицательного характера. Так, например, некоторые племена объединяют по признаку того, что у них отсутствует керамика, гамаки и пр.

Не говоря о том, что отсутствие какого-либо элемента не может служить положительным признаком в качестве основы для построения классификации, по меньшей мере странной кажется лингвистическая классификация, основанная не столько на собственно языковых, сколько на этнографических признаках, и притом весьма сомнительных, нередко не вполне соответствующих действительности.

Такое положение вещей до некоторой степени объясняется недостаточной изученностью языков многочисленных индейских племен и главным образом отсутствием единого, подлинно научного метода, который должен быть положен в основу классификации. Одним из наиболее ярких примеров неудовлетворительности подобных попыток является упоминаемая в работе Г. Г. Манизера так называемая «группа же», в состав которой, в сущности, входят наименее изученные племена.

В состав «группы же» (Ge, Ges, Žes) включают многочисленные индейские племена Южной Америки, главным образом

* Специальные монографии и статьи по отдельным племенам указаны нами в комментариях, помещенных в конце книги. Наши примечания, оставленные на страницах основного текста, заключены в квадратные скобки.

Бразилии. Несмотря на фактическое признание такой группы, в американистике не выработаны хотя бы немногие, заслуживающие внимания признаки. Основанием для создания именно этой «лингвистической» группы служит сходство этнографических особенностей и упомянутое выше отсутствие тех или иных явлений, главным образом в области материальной культуры.

Это, мягко выражаясь, странное явление отмечается рядом ученых. Так, один из крупнейших современных американистов, французский ученый Поль Риве (Paul Rivet), в предисловии к своей работе, посвященной классификации туземных языков Америки, считает нужным предупредить читателя: «Представляемая мной работа,—пишет он,—всего лишь, насколько возможно, полный список американских языков. В нем нельзя найти, и иначе быть не может, никакого описания этих языков»*.

«Группа же» им характеризуется следующим образом: «Эта группа, из числа южноамериканских групп, была более всего искусственно создана, она представляет собой *caput mortuum* южноамериканской лингвистики. Ее тщательная и полная проверка должна быть проведена на истинно научных основах»**.

Еще более горестное признание бессилия буржуазной науки имеется в специальной работе по этнографии этой группы: «Этнограф, который хочет заняться проблемой «группы же», должен иметь возможность опираться на точную лингвистическую классификацию. Но до сегодняшнего дня не существует никакой, достойной этого определения. Множество племен в этой лингвистической группе классифицировали наудачу, не заботясь о проверке близких между собой явлений и доводов, часто очень ничтожных»***.

Весьма остроумное замечание об этой группе высказал Г. Г. Манизер: «Все эти разговоры (о наличии «группы же» — *Н. Ш.*) следует считать праздными, ввиду сомнительности подбора признаков «народов же», куда, чего доброго, угодили бы и готтентоты, если бы их язык был так же мало известен, как южноамериканские»****.

Естественно, что исследования прошлого столетия, не говоря о более ранних работах, еще в большей мере отразили эту бессистемность. Кроме того, что нередко одни и те же племена даются под разными названиями, или, наоборот, разные племена под одним названием (например ботокуды, канганги, гуайкуру и

* Rivet P., *Langues américaines. Les langues du Monde, par un groupe de linguistes sous la direction de A. Meillet et Marcel Cohen.* Paris, 1924, стр. 603.

** Там же, стр. 697.

*** Dr. Hermann Ploetz et Dr. A. Métraux. *La civilisation matérielle et la vie sociale et religieuse des Indiens Ze du Brésil méridionale et oriental.* Revista del Instituto de Etnologia de la Universidad Nacional de Tucumán, dirigida por el Dr. A. Métraux, T. I, Entrega 2-a. Tucumán. 1930, стр. 226.

**** Манизер Г. Г. «Материалы о языках четырех племен Бразилии». Рукопись.

многие другие), отдельные группы одного и того же племени рассматриваются как самостоятельные племена. Главный недостаток их заключается опять-таки в классификации, применяемой нередко произвольно, без достаточных к тому оснований.

Использование этих материалов затрудняется также и тем, что некоторые авторы, особенно не специалисты-этнографы, описывают индейцев какого-либо района, как нечто единое, без подразделения их на племена.

При всем этом, указываемые ниже работы представляют ценность, в частности для сравнительно-исторического изучения индейцев. Использование этих материалов облегчается наличием последующих специальных исследований по этнографии и в значительно меньшей степени по языкам индейцев Южной Америки, которые позволяют, хотя бы частично, исправить ошибки в работах старых авторов.

Изучавшиеся экспедицией Г. И. Лангсдорфа племена неоднократно упоминаются во многих описаниях путешествий, специальных исследованиях и в трудах сводного характера. Многие из этих работ еще нередко служат источниками для современных исследователей Бразилии. Из большого их числа укажем на неоднократно цитируемые этнографами и, в частности, американцами труды Шарлевуа, Феликса Асара, Эшевеге, Максимилиана Вида Нейвида, Спикса и Мартиуса, Орбиньи, Сэнт Илера, Кастанельно, Чуди, Гарта, Фонсека, Эренрейха, Карла Штейнена* и др.

* Charlevoix, Pierre François Xavier, de. Histoire du Paraguay. T. I—VI, Paris, 1757.

Azara, Félix. Voyages dans l'Amérique Méridionale depuis 1781 jusqu'en 1801... Paris, 1809.

Eschewege, von. Journal von Brasilien. Weimar, 1818.

Его же. Geognostische Gemälde von Brasilien. 1882.

Wied Neuwied Maximilian. Reise nach Brasilien in den Jahren 1815—1817. 2 B. mit Atlas. Frankfurt, a/M, 1820—1821.

Spix J. B. und Martius K. F. Ph. Reise in Brasilien in den Jahren 1817 bis 1820. 3 B. mit Atlas. München 1823—1831; Martius, K. F. Ph. Beiträge zur Ethnographie und Sprachenkunde Amerikas zumal Brasiliens. Leipzig, 1827.

Его же. Von dem Rechtszustande unter den Ureinwohnern Brasiliens. München, 1832.

Orbigny Alcide. L'Homme Américain, Paris, 1830.

Его же. Voyage en Amérique du Sud. Paris, 1844.

Saint Hilaire August, de. Voyage dans les Provinces de Rio de Janeiro et de Minas Geraes, 2 v. Paris, 1830.

Castelnau Francis, de. Expédition dans les parties centrales de l'Amérique du Sud, de Rio de Janeiro à Lima, et de Lima au Para. Histoire du voyage, t. I, II, III, Paris, 1850.

Tschudi Johann Jacob, von. Reisen durch Südamerika, B. 1—5, Leipzig, 1866—1869.

Hartt Ch. Fred. Geology and Physical Geography of Brazil. Scientific results of a Journey in Brazil by Luis Agassiz and his traveling Companions. Boston—London, 1870.

Fonseca João Severiano, da. Viagem ao redor do Brazil. Rio de Janeiro, 1880—1881.

По качеству они, разумеется, далеко неравноценны, и если одни из них заключают лишь попутные замечания не специалистов-этнографов (Гарт, Эшевеге) или описания любознательных путешественников (Вид), другие являются для нас источником более полных этнографических сведений и содержат попытки анализа вопросов, являющихся объектом изучения современной американистики (Спикс и Мартиус, Чуди, Эренрейх). Что касается работ Штейнена, то их и в настоящее время не могут оставить без внимания исследователи первобытного общества. Эти авторы пытались разрешить проблемы происхождения исконного населения Южной Америки, древних и современных переселений индейцев и пр. Вопросы классификации племен, сравнительное изучение языков, хотя и устаревшие, еще не потеряли интереса для современного исследователя.

Племена Бразилии, изучавшиеся экспедицией Г. И. Лангсдорфа представляют большой интерес не только для американистики, но и для этнографической науки в целом. Наряду с немногими туземными племенами других материков они являются представителями тех этнографических групп, которые в значительной мере сохранили яркие пережитки первобытно-общинного строя.

Так, для большинства из описываемых племен характерны следы материнского рода, первобытные формы общинного производства и потребления и отсутствие частной собственности.

Именно поэтому материалы экспедиции Г. И. Лангсдорфа приобретают особенную ценность, так как во многих случаях они дают сведения о тех сторонах культуры, которые в настоящее время почти исчезли*, не говоря о том, что от некоторых, некогда многочисленных, племен сохранились немногие представители, забывшие даже свой родной язык.

В заключение мы считаем необходимым сказать несколько слов о Г. Г. Манизере, авторе публикуемой работы**.

Генрих Генрихович Манизер родился 21 сентября 1889 г. в семье художника-живописца. Десяти лет от роду, вместе со

Ehrenreich Paul. Beiträge zur Völkerkunde Brasiliens. B. I, II. Berlin, 1891.

Его же, Anthropologische Studien über die Urbewohner Brasiliens. Braunschweig, 1897, и др.

Steinen Karl von den. Durch Central-Brasilien. Expedition zur Erforschung des Schingü in Jahre 1884. Leipzig, 1886.

Его же, Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens. Reiseschilderung und Ergebnisse der zweiten Schingü-Expedition. 1887—1888. Berlin, 1894.

Впрочем, необходимо оговориться, что чрезвычайно ценные материалы Вида, в особенности по мало изученным племенам Бразилии, являются лучшими источниками нашего знания о них. Так, например, наиболее полными источниками по ботокудам считаются данные Вида и Манизера.

* Более подробно об этом см. в примечаниях к основному тексту.

** Для составления биографии Г. Г. Манизера нами использована рукопись И. Д. Стрельникова, хранящаяся в Архиве Академии наук СССР в Ленинграде.

своим братом, ныне известным скульптором М. Г. Манизером, он поступил в школу рисования Штиглица. В 1907 г. он поступил в Петербургский университет, одновременно на два факультета: историко-филологический и физико-математический (на естественное отделение).

В 1912 г., после сдачи государственного экзамена, он приступил к подготовке дипломной работы по антропологии гиялков*. Эта работа, в значительной мере проходившая под руководством профессора Л. Я. Штернберга, надолго связала Г. Г. Манизера с этнографией и в частности с Музеем антропологии и этнографии Академии наук, богатейшие собрания которого он тщательно изучал.

Весной 1914 г. в группе участников биологического кружка при Институте им. Лесгафта возникла мысль об организации путешествия в Южную Америку**. Осуществлена была эта поездка при материальной поддержке нескольких научных учреждений: Музея антропологии и этнографии и Зоологического музея Академии наук, Московского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и др., а также нескольких частных лиц. Получив соответствующее снаряжение и небольшую сумму денег (около 4 тыс. рублей), молодые исследователи отправились в путешествие, рассчитанное на 7—8 месяцев. В состав экспедиции входили этнографы Г. Г. Манизер и Ф. А. Фиельструп, зоологи И. Д. Стрельников и Н. П. Танасийчук и экономист С. В. Гейман.

Прибыв в город Корумбá (штат Матто Гроссо в Бразилии), члены экспедиции разделились на два отряда. Зоологи остались в Корумбá, а затем вели исследования в пограничных районах Боливии и в Парагвае. Этнографы же первоначально работали в южной части штата Матто Гроссо, изучая племена кадиувéо и шавантов, после чего один из участников, С. В. Гейман, направился в Чили, где занимался изучением патагонцев и огнеземельцев. Ф. А. Фиельструп совершил морем путешествие вокруг материка, возвратился в Россию, а Г. Г. Манизер продолжал вести полевую работу в Бразилии, изучая ряд индейских племен. Из их числа особенно детально были изучены ботокуды, каинганги, кадиувéо и чанé.

Работа в Бразилии сопровождалась большими трудностями. Помимо стесненных материальных обстоятельств участники экспедиции подвергались опасностям, а иногда даже находились под

* Эта работа, «Антропологические данные о гиялках», была впоследствии напечатана в «Известиях Русского Антропологического Общества» при Петербургском университете в 1916 г.

** Об этой экспедиции см. Н. Г. Шп р и н ц и н. Материалы русских экспедиций в Южную Америку, хранящиеся в Архиве АН СССР и в Институте этнографии. «Советская этнография», 1947, № 2. Полевые этнографические лингвистические материалы, этнографические и антропологические коллекции трех участников экспедиции—Г. Г. Манизера, Ф. А. Фиельструпа С. В. Геймана—хранятся в Институте этнографии Академии наук СССР.

угровой смерти. Так, например, Г. Г. Манизер и Ф. А. Фиельструп едва не погибли, когда потерпели крушение, плывя в лодке по реке Парагвай. Наступившая Первая мировая война также значительно осложнила работу. После вынужденной задержки Г. Г. Манизер в конце 1915 г. возвратился в Россию.

С этого времени начинается напряженная работа по подготовке к печати собранных в Южной Америке материалов, по изучению коллекций Музея антропологии и этнографии. Кроме того, Манизер продолжал свои занятия по общему языкознанию, философии и биологии.

В конце 1916 г. Г. Г. Манизер прервал научные занятия и поступил добровольцем в армию. Находясь на южном фронте, он заболел сыпным тифом и умер 21 июня 1917 г.

При изучении опубликованных работ и в особенности рукописей покойного становится ясным, каким ярким и незаурядным человеком он был.

Материалы, собранные им во время пребывания в Бразилии, свидетельствуют о широте его интересов и глубоких знаниях. Помимо этнографических наблюдений, изучения языков нескольких индейских племен Бразилии Г. Г. Манизер уделял внимание собиранию фольклора, нотным записям индейских песен, составлению подробных этнографических карт изучаемых районов, зарисовкам орнаментов, способов погребений, отдельных предметов и пр. Кроме того, часть времени он посвятил наблюдениям над жизнью городского бразильского населения*, изучению поведения ос, обезьян и т. д.

Сочетавший в себе лучшие качества ученого, серьезного и вдумчивого наблюдателя, Г. Г. Манизер был также широко образованным человеком, хорошим музыкантом и художником.

Из его этнографических работ в настоящее время напечатаны:

1. «Ботокуды (боруны) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 г.». Ежегодник Русского Антропологического Общества при Петроградском университете. Петроград, 1916.
2. «Музыка и музыкальные инструменты некоторых племен Бразилии». Сб. Музея антропологии и этнографии, т. V, 1918.
3. «Из путешествий по Южной Америке в 1914—1915 гг.». «Природа», Петроград, 1917.
4. Статьи в газете «Виржевые Ведомости».
5. Les Kaingang de São Paulo. Proceedings of the twenty-third International Congress of Americanists. New-York, 1930.

Работы эти, в особенности статья о ботокудах, обратили на себя большое внимание американистов. Очерк о ботокудах был переведен на французский язык и опубликован в Бразилии

* На эту тему, по возвращении в Россию, он сделал два доклада в Петроградском университете и на Географических курсах. Текст одного доклада и тезисы другого хранятся в Институте этнографии Академии наук СССР.

в 1919 г. в «Archivos do Museu Nacional de Rio-de-Janeiro, vol. XXII». Как мы указывали выше, эта статья до сих пор является лучшим описанием современных ботокудов. Статья о музыке и музыкальных инструментах в переводе на португальский язык напечатана в 1934 г., в Rev. Brasil Musica, vol. 1, Rio-de-Janeiro. Наряду с опубликованным в сравнительно короткий срок (с момента возвращения из Южной Америки до дня смерти) указанных работ Г. Г. Манизер подготовлял к опубликованию собранные им материалы. В подготовленном для печати виде неопубликованной осталась лишь рукопись об экспедиции академика Г. И. Лангсдорфа, над которой автор работал одновременно с систематизацией своих материалов с конца 1915 до начала 1917 г.

Составление биографии Г. И. Лангсдорфа и описание пути следования экспедиции представляли большие трудности, ввиду наличия в то время очень немногочисленных и весьма мало удовлетворительных по содержанию источников. Реконструкция в хронологическом порядке маршрута экспедиции и отдельных этапов ее работы потребовали кропотливого труда и исключительной тщательности. Помимо использованного опубликованного в Revista Trimensal дневника художника Флоранса, в значительной мере положенного в основу его работы, Г. Г. Манизер учел почти всю имеющуюся в его время литературу, в которой в той или иной степени упоминалось об экспедиции или описывалась личность ее руководителя*. Существенным источником для документации послужили этнографические, зоологические и ботанические коллекции, ныне хранящиеся в музеях Академии наук СССР. Они дали возможность определить географические пункты, посещенные экспедицией, а также племена, которые встречались на пути ее следования.

О тщательности работы, проделанной Г. Г. Манизером, можно судить уже хотя бы по тому, что даже этикетки на предметах коллекций, собранных экспедицией, не были оставлены им без внимания. Отдельные даты, названия местностей, племен и пр. служили одним из источников для составления схемы маршрута экспедиции и определения характера ее работы.

К сожалению, Г. Г. Манизер повидимому из-за недостатка времени, не использовал соответствующую этнографическую литературу, относящуюся к племенам, посещенным экспедицией, ограничившись лишь несколькими попутными замечаниями. Это обстоятельство вызвало необходимость составления специальных дополнений в каждом отдельном случае.

* Широкое использование наиболее интересных частей дневника Флоранса, приводимых в точном, дословном переводе с португальского языка, чрезвычайно ценно потому, что эти номера журнала даже в Бразилии стали библиографической редкостью, не говоря о том, что дневник этот вообще у нас мало известен. Части дневника Флоранса, относящиеся к провинции С. Пауло, были переизданы в 1929 г. в Revista do Museu Paulista, т. XVI.

Несмотря на этот весьма существенный пробел, работа Г. Г. Манизера, написанная в результате большого напряженного труда, является блестящей иллюстрацией неутомимой энергии и эрудиции ее автора.

Текст работы Г. Г. Манизера публикуется с очень незначительными сокращениями, по авторскому экземпляру, хранящемуся в Архиве Академии наук СССР (Разр. IV, опись 1, № 645), с соблюдением правил публикации архивных документов.

В предисловии к своей работе Г. Г. Манизер пишет, что «напечатание ее—запоздалый долг Академии забытому ее члену».

В меньшей мере, прибавим мы от себя, опубликование этой рукописи—долг Академии наук СССР в отношении одного из талантливых ее работников, безвременного погибшего в расцвете сил и творческой энергии.

Н. Шпринцин

Г. Г. Манизер
(1889—1917)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Заведующий Отделом Центральной и Южной Америки Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Академии наук К. К. Гильзен*, при вступлении своем в заведывание Отделом, нашел в нем значительное число предметов, частью утрачивших вовсе этикетки, частью имевших лишь весьма лаконические надписи, иногда подписанные именем Langsdorff. Происхождение этих предметов, в большинстве поступивших в первой половине XIX в., было покрыто мраком неизвестности. Среди них особенно обращала на себя внимание коллекция перьевых украшений, весьма хорошо сохранившаяся. Во время моей поездки в Бразилию в 1914—1915 гг. я увидел в музее Рио-де-Жанейро большое количество украшений тождественного с нашими образца, которые все принадлежали племени мундурукú. Здесь же я впервые услышал о большой русской экспедиции в Бразилию, во главе которой стоял какой-то Лангсдорф. По возвращении моем в Петроград К. К. Гильзен стал наводить справки вообще о том, кто был Лангсдорф, и вскоре выяснилось, что это был академик начала XIX в., сведения о котором в русских источниках были чрезвычайно скудны, ограничиваясь почти тем, что он был русским консулом в Бразилии.

Статья Ратцеля в «Allgemeine Deutsche Biographie» дала нить к дальнейшим поискам, хотя главную тему ее составляет кругосветное путешествие Лангсдорфа, предшествующее бразильской экспедиции. Случайное открытие целой статьи К. Штейнена, посвященной этой экспедиции в журнале «Globus», В. LXXV, которую мне указал Ф. А. Фиельструп, поставило определение коллекций уже на твердые ноги, а дальнейшие розыски увенчались полным успехом и для установления многих обстоятельств их приобретения. К. К. Гильзен, взявшийся сначала сам за

* [Умер в 1919 г.]

составление биографии Лангсдорфа, в начале 1917 г. отказался от этого намерения и передал мне все материалы, собранные им до тех пор для этой работы, за что пользуюсь случаем выразить ему мою искреннюю благодарность.

На основании этих, а также добытых мною впоследствии данных и написана настоящая работа.

Напечатание ее—запоздалый долг Академии забытому ее члену.

Г. Г. Маннгер

ЖИЗНЬ И ПУТЕШЕСТВИЯ
АКАДЕМИКА
ГРИГОРИЯ ИВАНОВИЧА
ЛАНГСДОРФА
(1774-1852)

Академик Григорий Иванович Лангсдорф родился 18 апреля 1774 г. Высшее образование он получил в Геттингенском университете.

Лангсдорф говорит о себе, что еще в молодости его привлекали естественно-научные предметы*. В 1797 г., т. е. в возрасте 23 лет, Лангсдорф защитил диссертацию о повивальном искусстве, напечатанную под заглавием: «*Commentatio medicinae obstetriciae sistens phantasmarrum sive machinarum ad artis obstetriciae facientium vulgo Fantomae dictorum brevem historiam*», имеющую, повидимому, и этнографический интерес, и получил степень доктора медицины. В том же году он переезжает в Португалию. В этой стране, по его словам, открылось широкое поле для наблюдений и удовлетворения страстной жажды знаний, горевшей в молодом ученом. Скоро он приобрел широкие знакомства и доверие пациентов в немецких, английских и португальских домах. Практика оставляла ему несколько часов в сутки для естественно-исторических исследований неистощимого запаса объектов, которые он находил в окружающей природе. Интересы Лангсдорфа далеко не ограничивались его специальностью и ботаникой.

Мы читаем, например: «В бытность мою в Лиссабоне часто заходил я в рыбный ряд, где множество рыб и различные виды их столько привлекли мое внимание, что принял я твердое намерение приобрести некоторые познания в сей части естественной

* Биографические данные до кругосветного путешествия более подробно изложены Лангсдорфом в его труде «*Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807*». 2 B. Frankfurt am Mayn, 1812 (предисловие), откуда они нами и заимствованы. См. также краткие биографические сведения в статье A. d'Escragnoles Taunay. *A expedição do consul Langsdorff ao interior do Brasil*. «*Revista Trimensal do Instituto Historico Brasileiro*», 1875. Т. XXXVIII, p. I, стр. 340.

истории, в которой до сего времени был я не сведущ, и собрать различные породы рыб».

Это повело к изучению способов сохранения рыб и послужило впоследствии темой для статьи «Примечания о набивании и сушении рыб, представленное Академии наук от г. Лангсдорфа, оной Академии и Геттингенского ученого общества корреспондента». «Технологический журнал», изд. Академии наук, т. II, ч. 2, СПб., 1805 г. Эта статья, повидимому, ответ на получение звания члена-корреспондента и написана в 1803 г. Из нее заимствована приведенная биографическая заметка.

В 1800 г. появились две работы Лангсдорфа: первая «Nachrichten aus Lissabon über das weibliche Geschlecht, die Geburten und Entbindungskunst in Portugal». 1800—по-немецки, очевидно связанная по теме с его латинскою диссертацией, а другая «Observações sobre o melhoramento dos hospitaes em geral» por Jorge Henrique Langsdorff, medico do Hospital da nação Allemã em Lisboa, etc.—по-португальски, является опытом описания плана организации благоустроенного госпиталя, начиная со здания и кончая бланками для записи истории болезни пациента. Достоинством внимания, что за два с небольшим года пребывания в Португалии, Лангсдорф настолько хорошо овладел языком, что мог уже печатать книги по-португальски. В 1801 г. Лангсдорф принял участие в походе английских войск против испанцев. После Амьенского мира Лангсдорф вернулся к научной работе и возобновил связи в ученых кругах. Он называет своими друзьями французских ученых Hany, Olivier, Bose, d'Antin, Latreille, Geoffroy, Prognard, Dumeril и др. Около этого времени (с 29 января 1803 г., по «Списку членов Академии наук», Б. Л. Модзалевского), Лангсдорф был утвержден членом-корреспондентом Академии наук (как «доктор медицины, Лиссабон»), корреспонденция с которой им была начата еще в Португалии. По его собственному признанию, общение с учеными и одобрение своим работам, которое он видел с их стороны, влило в него новые силы и вселило живое желание отправиться в новое и более далекое путешествие, уже исключительно с естественно-научною целью. Тем временем Лангсдорф принялся за обработку значительных коллекций, привезенных из Португалии, и своих заметок о пребывании там.

Услышав о готовящемся первом русском кругосветном плавании, Лангсдорф счел себя вправе в качестве корреспондента Академии обратиться к ней с просьбой оказать поддержку его кандидатуре в натуралисты экспедиции. 18 августа 1803 г. он получил ответ от академика Крафта, сообщавшего, что Лангсдорф опоздал со своим предложением, так как корабли «Надежда» и «Нева» должны были выйти уже с первым ветром и не предполагали останавливаться в Копенгагене более восьми дней. К тому же, говорилось в письме, д-р Тилезиус уже назначен натуралистом экспедиции (он должен был присоединиться в Гельсингере—Дания), это обстоятельство делало невозможным вообще

что-либо обещать касательно предложенной Лангсдорфом его кандидатуры.

Однако Лангсдорф остался верным своему намерению и хотел от него отказаться не прежде, чем убедится в его совершенной неосуществимости. В тот же день он поспешно выехал в Копенгаген, т. е. собрался в кругосветное путешествие в несколько часов. 12-го утром он приехал в Любек. В Травемюнде оказался как раз корабль, отправлявшийся в Копенгаген, и 24-го утром Лангсдорф был уже там.

В гостинице, где он остановился, оказались расквартированными офицеры экспедиции Крузенштерна, корабли которого уже стояли на рейде. Лангсдорф, по собственному признанию, так усердно настаивал на допущении своем к участию в путешествии перед камергером Резановым, отправлявшимся послом в Японию, что его приняли в состав экспедиции в качестве ботаника.

С каким жаром и серьезностью отнесся Лангсдорф к своей задаче исследователя и насколько широки были его горизонты,— об этом свидетельствует его двухтомная «*Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807*», появившаяся в роскошном иллюстрированном издании 4° во Франкфурте-на-Майне в 1812 г., а в следующем—1813—выпущенное там же дешевым изданием 8°. «Каждый наблюдатель имеет свою собственную точку зрения,—говорит Лангсдорф в предисловии к этому сочинению,—с которой он видит и судит новые предметы; у него своя особая сфера, в которую он стремится включить все, что стоит в более тесной связи с его знаниями и интересами... Я старался выбрать то, что мне казалось представляющим общий интерес—нравы и обычаи разных народов, их образ жизни, продукты страд и общую историю нашего путешествия...». «Строгая любовь к правде,—продолжает он,—является не преимуществом, а долгом всякого описателя путешествий. В самом деле, нечего и придумывать приключений в путешествии столь дальнем, как наше, или сочинять сказки о нем—оно само по себе дает такую массу замечательного и интересного, что надо стараться лишь бы все заметить и не пропустить ничего».

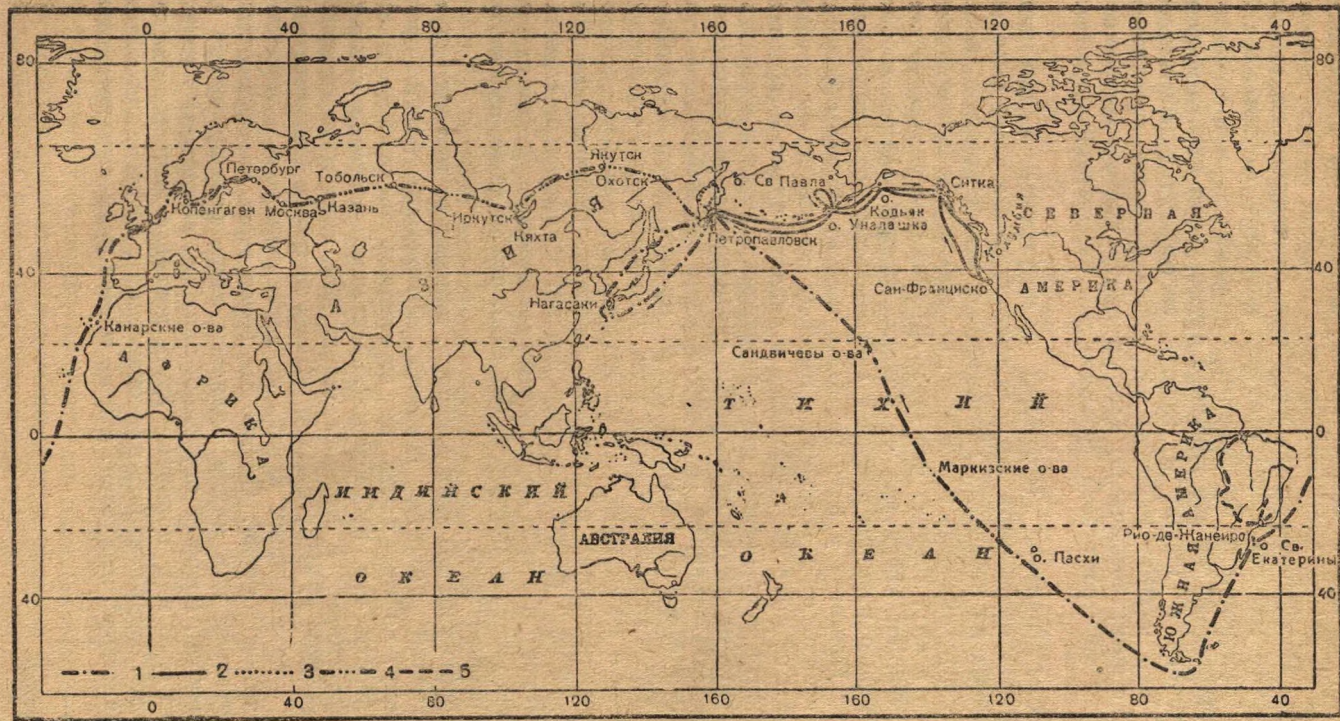
На свое пребывание в Португалии Лангсдорф смотрел, как на подходящую подготовку к кругосветному плаванию, «...чтобы путешествовать с пользой, необходима особая крепость и сила, наилучшим средством приобрести которую служат прежние путешествия. Я был так счастлив, что приготовился к этому прежними менее далекими странствиями». Конечно, для

* Одновременно с последним появилось английское «*Voyages and Travels in various parts of the World during the years 1803, 1804, 1805, 1806 and 1807*», 2 vol., London 1813, 14, 4. Уже в 1816 г. в Вене напечатано сокращение этого сочинения в обработке для юношества Гутманна: «*J. W. Langsdorff's Reise um die Welt*. Wien 1816. A. Doll.

поддержания в себе бодрости и напряжения на протяжении пути нужно было обладать особенно счастливым характером,—и он так и сквозит со страниц книги Лангсдорфа. Оставаясь целые месяцы среди океана, не видя ничего, кроме неба и воды, молодой ученый недоумевает, как могут люди жаловаться на скуку в море: «Скука посещает только тех,—говорит он,—которые и на суше повсюду скучают, не будучи развлечены театрами, балами или карточной игрой. В такой же экспедиции, как наша, в многочисленном обществе ученых и жаждущих знания людей было почти невозможно поддаться скуке,—наоборот, можно было бы с таким же правом утверждать, что никому нехватило времени, чтобы использовать его с достаточною пользою».

После непродолжительных остановок в Фальмуте и на Канарских островах «Надежда» и «Нева» простояли с 20/ XII 1803 г. до 4/ II 1804 г. у берега о-ва Св. Екатерины в Бразилии. Это дало возможность Лангсдорфу усердно заняться ловлею бабочек и частыми экскурсиями в прибрежные леса. Знание португальского языка позволило ему в месяц с небольшим времени не только налюбоваться богатством природы, надивиться пением неведомых птиц и видом неведомых растений и животных, но и познакомиться близко с населением и его нравами, которые во многих отношениях поразили его отличиями от нравов метрополии (в это время Бразилия еще была колонией Португалии). «Чистоплотность выгодно отличает,—говорит он,—здешних жителей от более грязных португальцев. Солдаты, крестьяне и беднейшие люди соблюдают большую чистоту не только в их тонком и хорошем белье, но и во всем домашнем обиходе. Положение женщины здесь не столь приниженное, как в Португалии». Он отмечает еще своеобразный обычай мытья ног теплой водой перед сном ежедневно и сосанье мате¹. С особенным вниманием Лангсдорф приглядывается к судьбе негров-рабов, африканскую пляску которых он имел случай наблюдать во время празднования Нового года. Невольничий рынок в Nossa Senhora de Desterro сильно взволновал его: «Я почувствовал совсем новое чувство глубокого возмущения, когда в первый раз приехал в Nossa Senhora de Desterro и увидел массу этих оторванных от родины беспомощных человеческих созданий, обнаженных до гола и выставленных на продажу на перекрестках»². Что касается индейцев, то о них он имел только словесные сведения. Ему говорили, что жители поселений в глубине провинции (S-ta Catharina) от времени до времени подвергаются нападениям туземцев, называемых здесь «gentio brava», или «Cavocolos».

4 февраля экспедиция оставила Бразилию—«прекраснейшую и богатейшую страну земли,—отзывается о ней Лангсдорф,—воспоминание о пребывании в которой останется для меня незабываемым на всю жизнь». 6 мая «Надежда», на которой плыл

Маршруты путешествий Г. И. Лангсдорфа.

1.—Путешествие на корабле Крузенштерна. 2.—Путешествие с Резановым в Америку в 1805 г. 3.—Зимнее путешествие на собаках по Камчатке в 1807 г. 4.—Путешествие через Сибирь в Петербург на почтовых. В 1807—1808 гг. 5.—Путешествия по Бразилии в 1820, 1821 гг., и с 1824 по 1829 г.

Лангсдорф, миновала остров Пасхи, прибыла на Маркизские острова и на десять дней остановилась в одной из бухт острова Нукугива. Воспользовавшись услугами одичавшего на острове французского матроса Sabri (портрет которого, сделанный знаменитым художником Орловским, приложен к книге Лангсдорфа), Лангсдорф за это короткое время успел узнать поразительно много о жизни и нравах своеобразных обитателей острова, — его данные навсегда останутся богатым источником сведений о них, необычайно ценным ввиду почти совершенной в то время незатронутости туземцев так называемой цивилизацией.

Подробно трактует Лангсдорф о татуировке и приводит ряд рисунков орнаментов разного типа, большая часть которых им объяснена из названий, обозначенных ими предметов (лица, люди и т. п.). Описывая постройки, он удивляется малым размерам входа в них, говоря, что здесь это явление нельзя «объяснить» желанием уберечься от холода, которым легко «объясняются» малые размеры дверей у северных народов. Людоедство нукугивян вызывает у него грустные мысли: «Вечно стремится человек губить себе подобных, повсюду является он грубым и жестоким от природы». «Нежные и сладкие чувства сердечности и любви, привязанности даже родителей к детям и обратно я, к сожалению, наблюдал лишь редко среди грубых и нецивилизованных наций» — говорит он, подтверждая это наблюдение тем фактом, что было необычайно легко купить детей нукугивян у их родителей за всякие безделушки. Его поражало, что дикари не стыдятся и не скрывают своих людоедских привычек: «Наши страсти удерживаются в границах разумом, утонченными нравами, и особенно религией, когда же нет последней и совести, то человек груб и в этом первобытном состоянии способен на все, даже самые ужасные поступки, без того, чтобы даже сознавать, что он совершает зло».

Некоторую узостью этих взглядов, далеких от истинно научного изучения природы человека, Лангсдорф платил дань своему веку, но она почти не отражалась на полноте и содержательности его наблюдений. Лангсдорф составил словарь языка нукугивян, в котором около 400 слов и выражений.

7 июня 1804 г. «Надежда» и «Нева» достигли Сандвичевых* островов, уже начавших играть значительную роль в мореплавании Великого океана. Однако на берег здесь не спускались, и приобретением для науки является лишь рисунок одной из лодок туземцев, которые окружали корабли. «Надежда» продолжала путь одна и в половине июля достигла Петропавловска-на-Камчатке. Здесь начались приготовления к путешествию в Японию, и Лангсдорф жалуется, что за массой дела ему не давали

* [Гавайских.]

проводников или провожатых для экскурсий внутрь страны. В Петербург он послал академику Крафту письмо с краткими сведениями о своих работах; оно было напечатано в извлечении в Технологическом журнале, издававшемся Академией, во II томе, ч. 2, 1805 г. под заглавием: «Выписка из письма Г. Лангсдорфа к академику Крафту о Камчатке». Сообщив о новой породе раков, добытой у Маркизских островов, о своих работах над свечением моря и барометрических наблюдениях в тропиках, он с восхищением говорит о природе Камчатки и предсказывает ей богатую будущность при условии внесения благоустройства в быт ее населения. «С отменным удовольствием устремил я в сие время первые мои взоры на сельские страны Камчатки. Удовольствие мое более и более увеличивалось при обозрении здешней окрестности. Здесь могли бы быть произведены самые прекраснейшие и плодоноснейшие долины. Испещренные различными цветами всякого рода насекомые услаждают почти ежедневно взор мой. Естественных произведений здесь много; но несравненно более могло бы быть добыто через обрабатывание земли». И далее: «Первая потребность для сей страны состоит в том, чтобы более заселить оную и иметь добрых землепашцев, ремесленников и промышленников. Здесь вовсе недостает тех познаний, которые в просвещенном государстве служат к удовлетворению первых необходимостей; как, например: весьма бы нужно завести здесь гончарную работу, кирпичные заводы, варение мыла и соли, и иметь искусных людей в ловлении китов, в солении и сушении рыб и пр.; также весьма полезно бы устроить мельницы, обсушить болотистые места и пр.».

7 сентября 1804 г. «Надежда» опять вышла в море, направляясь в Японию с посольством Резанова. В океане мореплавателям пришлось перенести ряд бурь и сильный ураган. 8 октября корабль пришел в Нагасаки (Nagasaki), как пишет Лангсдорф. Только 17 декабря разрешено было послу и спутникам, среди которых был и Лангсдорф, спуститься на берег и поселиться в особом изолированном домике «Мегасаки». Здесь под замком и неусыпным надзором, лишенные сношений с населением, они оставались до апреля месяца. «Мы были, — говорит Лангсдорф, — лишены даже всякой возможности работать для науки. Одни рыбы, что нам приносили как провизию для кухни, доставляли нам материал для научных исследований. Тайными обещаниями достигли мы того, что поставщик провизии каждый раз доставлял нам новые виды рыб, которые составляли, таким образом, для д-ра Тилезиуса и меня поучительное и приятное развлечение». Всякие сношения с японцами были строго запрещены, не позволялось ни покупать ни дарить или получать в подарок решительно ничего. Тем не менее Лангсдорфом привезена была целая серия японских рисунков местных животных и анатомических препаратов их. Эта коллекция, о которой Лангсдорф, однако, нигде не упоминает, находится среди его материалов

в архиве Зоологического музея. Ничего не добившись и даже не выйдя вблизи города Нагасаки, посольство 16 апреля 1805 г. направилось обратно на Камчатку. Путь, избранный Крузенштерном на этот раз, пересекал Японское море от Цусимы до северной оконечности Иезо. Была обследована южная часть острова Сахалина (который, по мнению Лангсдорфа, правильнее называть местным именем—островом Чока), где удалось ближе познакомиться с японцами и наблюдать айнов. Льды Охотского моря заставили свернуть к востоку, к Курильским островам и отправиться в Петропавловск, чтобы высадить посольство, которому исследования берегов Сахалина не представляли интереса. К книге Лангсдорфом в этом месте приложен составленный для него Клапротом словарь наречий языка айнов.

4 июня «Надежда» пришла в Петропавловск. Здесь Лангсдорфу пришлось выбирать между двумя дальнейшими маршрутами—или продолжать плавание на «Надежде», или воспользоваться предложением Резанова, хотевшего взять его с собою в качестве врача во владения Российско-Американской компании на Алеутские острова и северо-западный берег Северной Америки. Резанов предлагал письменное соглашение на очень выгодных условиях и всяческое содействие научным занятиям.

«Мой выбор,—говорит Лангсдорф,—был наконец, решен в пользу Америки, так как я считал своим долгом перед наукою не пропустить столь необычное и редкое путешествие, да еще в столь благоприятных, казалось, условиях».

Конечным пунктом путешествия предполагался сначала остров Кадьяк, где была расположена главная станция Компании. Утром 14/28 июня 1805 г. галлиота «Мария» с Резановым, Лангсдорфом и несколькими офицерами, с экипажем из промышленников вышла в море. Лангсдорфу был дан охотник-чучельник в качестве помощника. По дороге на остров Кадьяк «Мария» посетила острова Уналашка и Св. Павла. На последнем путешественники присутствовали при охоте на котиков. Затем сделана была остановка на острове Уналашка, где имелся, как и на острове Св. Павла, пост Российско-Американской компании.

Главноуправляющий учреждениями Компании А. А. Баранов находился в то время на острове Ситхе, и Резанов направился вслед за ним в эти новые русские владения.

Выйдя 20 августа с острова Кадьяка, бриг «Мария» уже 26-го числа был в Норфольк-Саунде, и Баранов гостеприимно принимал гостей. Ново-Архангельск, так называлось поселение, едва только начинал строиться. В нем не оказалось достаточно провианта для зимовки. В тяжелых условиях зимовки на Ситхе, Лангсдорф, сторванный от мира, в одиночестве, пишет письмо в Европу своему учителю Blumenбаху*:

* Оно не было послано, да и невозможно было его послать, но Лангсдорф напечатал его в своей книге.

«Слепое рвение к естествознанию, многочисленные повторные обещания всевозможного содействия научным целям, следовательно, самые радужные перспективы и моя страсть к знанию, может быть также особенное развитие «органа скитания» по Галлю,—принудили меня оставить экспедиционный корабль господина капитана Крузенштерна и сопутствовать господину Резанову на северо-западный берег Америки».

Дальше он рассказывает, как недостаток пищи и непригодность данного ему в помощники охотника принуждали его почти все время посвящать добыванию пропитания охотой на птиц и зверей в алеутских байдарках.

Во время пребывания на Ситхе Лангсдорф успел побывать в поселениях кóлошей и сообщает интересные сведения о них. Особенно его поразили обычай растягивания нижней губы деревянными втулками, обязательный для женщин. Девушкам в возрасте 13—14 лет продырявливают губу, продевают в отверстие толстую нитку, затем заменяют ее деревянной запонкой. Отверстие постепенно растягивается так, что, наконец, в него помещается вогнутая дощечка, подобная суповой ложке, а иногда и больших размеров.

«Ответ на естественный вопрос,—говорит Лангсдорф,—для чего, собственно, может служить это украшение, кажущееся таким неудобным,—мне приходится оставить без ответа. Не говоря уже о массе других, нелепых и кажущихся смешными обычаях и обыкновениях столь многих высоко-цивилизованных наций, и не желая их сравнивать между собою,—разве не мог бы я с таким же правом спросить: почему благородные китайки считают красивым лишать себя искусственно возможности свободного передвижения? Почему замужние японки чернят себе зубы? Почему не придумано еще средства чистоплотнее ношения с собою в кармане слизи из носа? Почему мы, желая явиться в важном наряде, посыпаем тончайшею мукою свои волосы?..».

Тяжелое положение зимующих вынудило Резанова совершить новое путешествие—за провиантом в Новый Альбион, или Новую Калифорнию, именно в гавань Сан-Франциско.

После безуспешных попыток войти в устье реки Колумбии, корабль «Юнона» вошел в конце марта 1806 г. в бухту Сан-Франциско. Экспедиция выдала себя за часть экспедиции Крузенштерна, о которой было предупреждено еще за три года перед тем испанское правительство, и встретила самый радужный прием.

Лангсдорфу, к его досаде, пришлось играть роль переводника, объясняясь по-латыни с отцами миссионерами, так как другого языка, понятного обеим сторонам, не было.

Он сообщает любопытные сведения об индейцах и их образе жизни в «миссиях» францисканцев и пророчит блестящую будущность всей богатой стране. Что касается до естественно-научных

работ, то он «встретил для них со стороны нашей экспедиции больше затруднений, чем можно было бы себе представить», — сунувшиеся шкурки сбрасывались в море, бумагу гербария спрятали на дно трюма, пойманных птиц выпускали на волю и стрелянной птице ночью отрывали головы и т. д.

«Такими приключениями и сотнями подобных, я был так притуплен и подавлен, что пришлось примириться на том, чтоб отказаться от всякой мысли работать по естественной истории и, согласно желанию господина Резанова, превратиться в толмача...».

По возвращении 8 июня на Ситху там было снаряжено 22-тонное суденышко, которое должно было под командою американца Вольфа идти в Охотск. Лангсдорф присоединился к нему. «Я довольно уже, — говорит он, — выдержал на Ситхе, с меня было достаточно рыбы, тюленей и ракушек»... «Редко поется «Te Deum laudamus» с большим чувством благодарности, как то, которое было на душе отплывавших в Европу». «Мне казалось, как будто стало легче дышать, когда мы потеряли из виду Mount Etge-simbe» (у входа в Норфольк-Саунд).

Посещение острова Кадьяка, как и ранее, обратило внимание Лангсдорфа на условия жизни алеутов. Ряд страниц его книги посвящен описанию быта алеутов, промышленников и деятельности Российско-Американской компании.

После посещения бухты Кука на Аляске и вторичного посещения острова Уналашки, Лангсдорф прибыл 13 сентября 1806 г. в Петропавловск. Из-за позднего времени года пришлось зимовать здесь.

В своей книге Лангсдорф посвящает целую главу описанию собаководства и собак камчадалов*. Он сам настолько освоился с этим способом передвижения, что в сопровождении только одного камчадала, сам командуя своими собаками, совершил длинную поездку по Камчатке — с 15 января по 25 марта 1807 г. При этом он посетил коряков**.

Лангсдорфа поразило, какую огромную роль в жизни этого племени играют олени. «Она столь же велика, как роль тюленя в жизни алеутов, ибо животное это служит к удовлетворению почти всех потребностей племени».

14 мая того же года «Ростислав» опять был в пути, а 15 июня путешественники достигли Охотска.

* Ратцель считает эту главу образцовою в своем роде («Allgemeine Deutsche Biographie», статья Ратцеля о Лангсдорфе).

** Эта поездка дала материалы для маленького мемуара, хранящегося в Архиве Академии наук, который трактует обычай камчадалов и коряков сушить мухомор с целью употребления его как наркотического или опьяняющего средства. Дается подробное описание его действия (см. приложенный список рукописей и печатных работ Г. И. Лангсдорфа).

Отсюда Лангсдорф снарядил караван в 13 лошадей с погонщиками-якутами, который и доставил до Якутска его и привезенный им из Америки багаж.

Во время плавания вниз по течению реки Алдана Лангсдорфу пришлось ближе познакомиться с якутами и наблюдать их быт. Его поразило разнообразное применение бересты у этого народа и вызвало замечание, которое мне хочется привести целиком:

«Достоин удивления при наблюдении разных, еще некультурных наций, заметить, как они умеют удовлетворить почти всем своим потребностям каким-нибудь одним единственным простым предметом, даваемым (поставляемым) им природою.

Для многих островитян Южного моря бамбук является «всем». Алеуты, эскимосы и другие народы едва ли могли бы существовать без китов и тюленей. Чукчи и коряки, лапландцы, самоеды и другие обитатели северных земель живут почти единственно оленями и умеют пускать в дело даже мох из желудков этих животных. Для бурят, киргизов и многих степных народов овцы совершенно необходимы: они дают им одежду, пищу, жилище и т. д. Якут удовлетворяет большей части своих потребностей лошадью и березой».

От Якутска до Иркутска поднимаются Леною. Из Иркутска Лангсдорф съездил на китайскую границу в Кяхту, а затем продолжал свой путь. По прибытии в Тобольск он был так ласково принят генерал-губернатором, известным Пестелем, что прожил у него гостем с 11 декабря до 22 февраля 1808 г. 16 марта Лангсдорф приехал через Казань и Москву в С.-Петербург.

24 июля он назначается высочайшим рескриптом адъюнктом Академии наук по ботанике. Неумолимое стремление путешествовать не покинуло Лангсдорфа. Едва вернувшись из кругосветного путешествия, он уже готовился в качестве медика и хирурга участвовать в караване, отправляемом из Оренбурга в Самарканд и Бухару.

24 августа в Конференции Академии читается его письмо с просьбою инструкций и жалования вперед.

17 ноября Лангсдорф прибыл в Оренбург, но тут обнаружилось, что экспедиция назначена только на будущий год. Лангсдорф обратился к князю Волконскому с вопросом, как ему добиться разрешения за это время съездить за границу (см. письмо Лангсдорфа из Горенки, читанное в конференции 11 января 1809 г., «Протоколы», датировано 14 декабря 1808 г.). Обязуясь возвратиться к августу следующего года, Лангсдорф поехал хлопотать об отпуске и получил его от министра коммерции, князя Салтыкова, в чем ему пришлось оправдываться перед Академией (там же).

Отправляясь за границу (в Страсбург и Геттинген), Лангсдорф предлагает Академии быть полезным покупками книг,

инструментов, коллекций и т. п. (письмо из Москвы 14/XII 1808 г.); кроме того, он намеревался уже издать кое-что из своих ботанических материалов (рисунки новых видов папоротника), уже готовое к печати и просил разрешения сделать это за границей (письмо 30/XII 1808 г.).

Лангсдорф вернулся из-за границы 21 июня (ст. ст.) 1809 г. и с этого времени постоянно присутствует на заседаниях Академии и выступает с научными мемуарами по зоологии и ботанике: конференция 5 июля—докладывается «Beschreibung neuer Fischarten», 6 сентября он читает «Naturhistorische Beiträge». В этот день публикуется назначение его адъюнктом по зоологии. 4 октября докладывается отчет об орнитологических наблюдениях. 18 октября предлагается подписаться на работу о флоре Португалии, представив проспект таковой. Академия от подписки отказалась. 1 ноября—«Verzeichniss der Vögel im October»; 6 декабря—idem im November и т. д. Обработка материалов кругосветного путешествия берет, конечно, тоже много времени. В 1810 г. он начинает, совместно с Фишером, печатание большой ботанической работы, продолжавшееся несколько лет, под заглавием «Plantes recueillies pendant le voyage des Russes autour du monde par Langsdorf et Fischer, Tübingen 1810—1818». Еще раньше напечатаны вместе с Horner'ом часовые наблюдения барометра в тропиках. От 1811 г. у нас имеется напечатанное в Мемуарах Академии (т. III, стр. 286—294) описание нового вида тетерева*.

Здесь же, в Петербурге, закончил он 12 июня 1811 г. и свое главное двухтомное сочинение о кругосветном путешествии, цитировавшееся неоднократно выше. В следующем году оно появилось в печати в роскошном, объявленном по подписке, издании.

1 апреля 1812 года Лангсдорф назначен экстраординарным академиком по зоологии, а 17 июня 1812 г. назначен экстраординарным академиком по ботанике (см. формулярный список его № 25/1814 г. в Архиве Академии наук и Б. Л. Модзалевский, «Список членов Акад. наук 1725—1907 гг.»).

В сентябре (декабре?) того же года (1812), вероятно, по собственному своему желанию, Лангсдорф назначен был российским генеральным консулом в Рио-де-Жанейро в Бразилии с сохранением звания академика и академического жалования.

Едва ли назначение консула в Бразилию было продиктовано какими-нибудь коммерческими интересами, как это утверждает Кабани, говорящий о «коммерческих сношениях России с Бразилией»; скорее это назначение связано было с тем обстоятельством, что португальский дом Браганца, смещенный Наполе-

* «Description du Tetrão intermedius n. sp.» и в «Recueil de l'Ac. Sc.» за тот же год «Description d'un tetras, ou d'une espèce particulière d'oiseaux très peu connue, qui se trouve aux environs de S. Pétersbourg».

оном, в 1808 г. провозгласил Бразилию империей, и Рио-де-Жанейро стал резиденцией императора и двора*.

Выехав в декабре 1812 г., Лангсдорф 5 апреля 1813 г. прибыл в Рио-де-Жанейро, переплыв океан в 67 дней. В письме, датированном 7 мая 1813 г., т. е. написанном всего лишь через месяц после прибытия, он извещает Конференцию о том, что не имел еще времени приняться за научные изыскания, сообщает несколько заглавий ботанических работ, напечатанных в Рио-де-Жанейро, и, наконец, дает описание индейца племени ботокудо (Boticudo, как он пишет), живущего «между провинцией Минас-Жерайс и Рио Доси». В этом описании он указывает на замечательное сходство, которое, по его мнению, имеется между этим племенем и жителями северо-западного побережья Северной Америки, известными ему по кругосветному путешествию.

В конце августа 1813 г. приехал в Рио посланный ему из С.-Петербурга помощник и препаратор Фрейрейс, плывший девять месяцев, и сборы энтомологических коллекций и шкурки стали расти, хотя и раньше Лангсдорф уже успел послать с okazji несколько предметов.

В письме 30 марта 1814 г. Лангсдорф сообщает, что посылает «продолжение напечатанных бабочек», вероятно, для какой-то печатавшейся работы. Он обещает послать образцы голубого бразильского топаза для минералогического кабинета Академии. Его внимание продолжают привлекать ботокуды—мы читаем: «В моем письме 7 мая прошлого года я обратил внимание Конференции Академии наук на одно до сих пор мало известное племя здешнего континента, именно—на ботокудов (Budocudo), и заметил, что у этого не очень многочисленного народа царствует обычай прорезания нижней губы и вставления в нее губного украшения—совсем как на северо-западном побережье Америки, с тем лишь отличием, что у последних только женщины употребляют эту губную вставку, тогда как у бразильских индейцев она имеется у обоих полов. Я с трудом собрал несколько слов этой нации, чтобы доставить Конференции Академии наук возможность сравнить эти слова с таковыми же языка, употребляемого в Норфольк-Саунд (т. е. на Ситхе.—Г. М.):

голова	keh
уши	moh
нос	jun
рот	mah
волосы	rinkeh
зубы	yun
рука	ipogo

* [Это весьма основательное предположение Г. Г. Манизера окажется еще более вероятным при учете политических взаимоотношений в Европе к началу XIX в. и в частности войны России с Францией.]

кисть руки	poh
палец	ponting
ноготь	pogaringa
грудь	min
пупок	igraik
ноги	num
язык	itjo
есть	jakiä
колени	ikarum
пить	itiok
огонь	jumbak
вода	manjan
холодно	dabri
жарко	woga
солнце	oda
луна	taru
звезды	huneët
черный	mèm
женщина	matoh
мужчина	jukna
большой	nikmun
маленький	parakbebe
глаза	ketom».

Что надо понимать под собранным «с большим трудом», конечно, неизвестно, но среди 30 слов словарика есть явные недоразумения, и транскрипция их очень искажила вид слов. Любопытно, что как раз в это время ботокудами занимался, а вскоре издал и книгу, где много о них говорится, путешественник принц Вид Нейвид. Ими также интересовался автор «Journal du Brésil» барон Эшевеге, исследователь штата Минас-Жерайс.

27 июля 1814 г. Лангсдорф пишет Конференции о встрече «с моим университетским товарищем бароном Эшевеге, который уже много лет живет в провинции Минас-Жерайс, на португальской службе», и в письме посылает мемуар и геогностическую карту этого ученого Конференции, предлагая принять его в число членов-корреспондентов Академии. С этим путешественником отправился на Serra do Abaste Фрейрейс, продолжавший коллекционировать для Академии, причем Лангсдорф сообщает, что коллекции уже достигают больших размеров. В декабре 1815 г. (как он сообщает в письме 22 мая 1816 г.) сам ученый совершает экскурсию в Serra dos Orgãos со специальной целью добыть в коллекцию шкуру тапира, «которые в тех местах (около 18 миль от Рио-де-Жанейро) не очень редки». «Мне, — продолжает он, — и в самом деле удалось убить большое и красивое животное этой породы. Я должен был препарировать шкуру на месте из-за большой жары летнего времени, значительного веса животного и отдаленности от какого-либо жилья, для чего, впрочем, мною были сделаны нуж-

ные приготовления. С некоторым трудом и старанием мне и вправду посчастливилось сохранить для науки этот замечательный объект—крупнейшее млекопитающее Южной Америки. Имею честь предложить его Академии наук».

Дальше сообщается, что с тапиром посылаются 100 шкурок птиц, обезьян, ленивцев, двуутробок и пр. «Ящик, за который я заплатил больше 125 рублей, прошу передать моему тестю».

Неустанные заботы Лангсдорфа в течение этих последующих лет о пополнении объектами музея Академии наук способствовали росту этого музея. В те времена предметы из Южной Америки были далеко не частым явлением в музеях, и я не ошибусь, если скажу, что петербургская коллекция в то время, да и позднее, благодаря Лангсдорфу, заняла одно из первых мест в Европе в этом отношении*.

Внутреннее положение Бразилии со времени переезда туда двора (1808 г.) значительно улучшилось за это время. С 1813 г. начался приток колонистов в новую империю. Испанцы, североамериканцы, ирландцы и немцы ежегодно прибывали в Бразилию; особенно охотно селились они в штатах Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу и Минас. Правительство, которое раньше блюло лишь интересы метрополии, теперь стало всячески поощрять колонизацию. В 1818 г. выходит первый контракт (Gachet) для водворения иммигрантов—в нем предусматривается оплата проезда, предоставление земель, животных, земледельческих орудий и всяческие льготы для прибывающих. Среди вновь возникавших колоний особенно высокого процветания достигла основанная в 1819 г. Nova Friburgo на Serra dos Orgãos (850 м над уровнем моря), в штате Рио-де-Жанейро.

Г. И. Лангсдорф, с поразительной свежестью и интересом откликавшийся на нужды того общества, среди которого ему пришлось жить и действовать, принялся и тут, в Бразилии, работать на пользу молодого общества страны, которая его так очаровала еще в дни первого знакомства с нею. Он горячо взялся за пропаганду иммиграции в Бразилию. Имея к тому времени и

* Штраух А., Зоологический музей Акад. наук. Приложение к т. LXXI Записок Акад. наук, № 3, 1889 г. указывает на доставшиеся даже гораздо позднее весьма ценные материалы по лазающим дикообразам и другим млекопитающим, значительные коллекции по птицам, рептилиям и большое число рыбьих шкурок, которые Лангсдорф умел особенно препарировать (стр. 100, 108, 194, 206, 273, 274).

Рассматривая коллекцию музея, выставленную в залах, и теперь еще легко заметить значительное количество объектов из Южной Америки, препарированных по-старинному и принадлежащих к числу присланных Лангсдорфом. Еще в 1865 г. Бразилия, наряду с Кавказом, севером Великого океана, Европой и Северной Азией, была наиболее богато представлена в музее. [См. акад. Ф. Ф. Брандт, Зоологический и зоотомистический музей, Записки Акад. наук, т. VII, 1865 г., стр. 6, 10.] Между прочим, по орнитологическим коллекциям Лангсдорфа занимался орнитологией в нашем музее венский путешественник по Бразилии—Натерер (стр. 24).

земельные угодья в штате Рио-де-Жанейро, в 1820 г. он взял отпуск у русского правительства и поехал в Европу, между прочим, и за колонистами для своих земель.

В ноябре 1820 г., во время пребывания в Париже, он издает мемуар-памфлет в поощрение эмигрантов, под заглавием: «*Mémoire sur le Brésil pour servir de guide à ceux qui désirent s'y établir par M. le Chevalier G. de Langsdorff, Consul general de Russie au Brésil, Membre de l'Académie Impériale des Sciences à Saint-Petersbourg et de plusieurs autres Sociétés savantes*» (20 стр.). Побывав после Парижа в Германии, Лангсдорф издал в феврале 1821 г. в Мюнхене брошюру о том же, но уже значительно расширенную и дополненную. Она озаглавлена: «*Bemerkungen über Brasilien mit gewissenhafter Belehrung für auswandernde Deutsche*». Heidelberg v. Groos 1821 и содержит 107 страниц. К ней приложен законодательный акт правительства Иоанна VI о колонистах (16 марта 1820 г.) и «*Ansichten einer deutschen Colonisation in Brasilien*», где приведен примерный контракт его с колонистами, которых он берется доставить в свои угодья. Он отнюдь не закрывает глаз на дурные стороны предлагаемого нового отечества—распутицу или простое отсутствие дорог, болезни, комаров, песочных блох; приводит примеры неудач колонистов из-за их нетерпеливости, небрежности и нерасчетливости. В то же время с цифрами в руках он показывает, каких результатов может достигнуть благоразумное хозяйство, и речь его звучит восторженно, когда она касается природных богатств и счастливого климата страны. «Здесь не нужны ни печи, ни каминны для отопления дома. У кого есть чистая рубашка, легкие штаны и фуфайка да пара башмаков—одет прилично и достаточно тепло; для обыкновенного человека даже чулки и башмаки излишни...»

«...Богатейшее и счастливейшее воображение и совершеннейший из языков, созданных человеком, не может даже отдаленно приблизиться к изображению размеров богатств и красоты этой природы». «Кто тоскует по поэтическому настроению,—пусть едет в Бразилию, там поэтическая природа ответит его стремлениям. Всякий, даже самый бесчувственный человек, если он захочет так описать предметы, как они есть там, станет поэтом».

Условия, на которых он берет колонистов, сводятся к десятине фиску и десятине—владельцу земли, и напоминают наследственное оброчное состояние³.

В начале весны 1821 г. Лангсдорф в Петербурге. В феврале он получает «статского советника» и орден св. Владимира и «действительного» члена Академии. 28 марта он в заседании Конференции Академии представляет вышеупомянутый мемуар на французском языке и образец бразильского евклаза для минералогического кабинета Академии.

Прежде чем вернуться к своему посту в Рио-де-Жанейро, Лангсдорф получает поручение, как нельзя более соответствующее направлению интересов всей его жизни,—совершить путеше-

ствие во внутренние области Южной Америки. 20 июня 1821 г. Лангсдорф докладывает об этом Конференции Академии наук, спрашивая, не будет ли от нее специальных поручений, и просит принять на службу в Академию энтомолога Менетрие, желавшего принять участие в предполагаемой экспедиции.

Конференция постановила (протокол № 19) не давать ему детальных поручений, «уверенная в рвении, с которым г-н Лангсдорф в качестве действительного экстраординарного академика постарается, чтобы его предполагаемые путешествия внутрь Бразилии были плодотворны также для Академии и ее музея». Что касается до Менетрие, то он был принят и до самой смерти в 1863 г. состоял на службе в Академии, утвержденный по возвращении из Бразилии в 1826 г. хранителем энтомологического отдела ее музея. Из других участников экспедиции немедленно отправился в Бразилию еще ботаник Людвиг Ридель.

Сам Г. И. Лангсдорф достиг Рио-де-Жанейро лишь 3 марта 1822 г., привезя с собою из южной Германии и Швейцарии 80 человек колонистов, причем ни один из них не умер в дороге, что по тогдашним временам считалось замечательным.

Спекуляция с эмигрантами уже началась, и по вине агентов разных бюро незадолго перед тем погибла в пути целая треть пассажиров-швейцарцев — обстоятельство, весьма повредившее едва начавшейся пропаганде переселения в Бразилию.

Следующие три года проходят в коротких экскурсиях. В августе 1825 г. Академия получает 6 ящиков с коллекциями, собранными в 1824 г. во время поездки в провинции Минас-Жерайс, и коллекцию рисунков млекопитающих Южной Америки (работы художника Ругендаса — эти великолепные рисунки хранятся в Архиве Академии наук). В феврале 1826 г. Лангсдорф предложен в ординарные академики по зоологии. В этом же году получены материалы его фаунистических наблюдений в провинции Сан-Пауло и письмо в сопровождении мемуара о действии корня растения *Sainca* как средства от водянки, открытого им во время путешествия 1824 г. и многократно испытанного вслед за тем. Этот мемуар написан по-немецки и хранится в Архиве Академии.

Наконец в июне 1828 г., после годового перерыва, получено письмо из столицы провинции Матто-Гроссо города Куяба, расположенного в самом сердце Южной Америки, куда Г. И. Лангсдорф прибыл во главе хорошо снаряженной экспедиции. К письму приложены были каталоги предметов в ящиках, отправленных еще в 1826 г. и не пришедших тогда еще по назначению, тетрадь астрономических, метеорологических и географических наблюдений участника экспедиции Н. Рубцова. Написана она по-русски и озаглавлена «Астрономические обсервации»*. Наконец

* [«Астрономические обсервации Рубцова в настоящее время в Архиве Академии наук не сохранились».]

рисунки, сделанные во время путешествия с июня 1826 г. по январь 1827 г., изображавшие птиц, шкурки которых вошли в коллекцию. Конференция постановила благодарить Г. И. Лангсдорфа и напечатать выдержку из письма его в академической газете, как «достойные привлечь внимание публики». Оригинал письма я не нашел в Архиве, но благодаря любезной помощи хранителя его — Б. Л. Модзалевского*, мне удалось отыскать письмо в напечатанном виде на немецком языке в «St. Petersburgische Zeitung»; № 52, Freitag den 29-ten Junii, 1828. Оно является единственным, что было вообще напечатано в России о большой экспедиции, сделанной внутрь Южной Америки, и, исходя от самого главы ее, является весьма ценным источником сведений. Привожу полностью напечатанную выдержку в русском переводе:

«Извлечение из письма г-на фон Лангсдорфа к Конференции Императорской Академии наук в С.-Петербурге.

Куяба́, столица провинции Матту Гроссу.
2 апреля 1827 г.

«В моем последнем отчете я извещал о посылке зоологических предметов и об открытии корня Chiossoca (Cainca), как quasi specificum при лечении водянок и болезней лимфатической системы. С тех пор я имел приятное удовлетворение многократно испытать необычайную действительность этого лечебного корня.

22 июня прошлого года я отплыл в сопровождении многочисленной свиты из Порто Фелис в Провинции Сан-Паулу на реке Тиэтэ. Мы оставили населенную и цивилизованную часть этой провинции и следовали течению реки, опасной обилием водопадов, до ее впадения в громадную Паранá. Несколько дней мы спустились по течению этой значительной реки до устья Рио Пардо, затем поднимались по этой последней до ее истоков настолько, насколько она с притоками доступна для судоходства. Эта река берет начало на высокой горной цепи, пересекающей Бразилию с севера на юг и посылающей свои воды на восток в Паранá, а на запад — в Парагвай. На этом нагорье, вблизи водораздела лежит поселение Самариам, на много сотен легв** во все стороны уединенное от других. Здесь путешественники за чудовищные цены выменивают на соль, железо, порох и дробь съестные припасы и перевозят через горы челны по суше на расстоянии двух с половиною легв, нагрузив их на уродливые двуколки, запряженные 7 парами волов.

22 ноября около полудня мы продолжали наше речное путешествие. Сначала ехали по быстрому и богатому водопадами лес-

* [Умер в 1928 г.]

** [Легва = 5 км]

ному ручью Коши (Cochim), 3 декабря вступили в реку Такуари (Tacuary) и 12-го достигли места впадения этой речки в большую и знаменитую с давних времен реку Парагвай.

До сих пор вниз по реке путешествие было быстро и до известной степени удобно, но отсюда оно стало трудным, неприятным и медленным вверх по рекам Парагвай, Сан-Лорэнсу и Куябá.

Подошло дождливое время года и противопоставило нашему продвижению вперед величайшие трудности, ввиду очень сильного течения в реках. Неисчислимое множество moskitov покрывало нас, голых гребцов и лодки, и окружало нас, как облако. На низких, затопленных берегах едва можно было найти сухое место для привала, и оно оказывалось, как всякое дерево и куст (в Pantanaes), покрытым миллионами муравьев, так что нельзя было найти средства защититься от проклятых толп насекомых-мучителей ни в воздухе, ни на земле. Всякий жизни стал не рад. Едва можно было донести до рта пару ложек сухих бобов с салом (наша единственная обычная и ежедневная еда) без того, чтобы не набрать в нее moskitov, а о глотке свежей воды нечего было и думать. Вода медленно текущего Парагвая была перегружена всевозможными посторонними веществами: красною глиною, гниющими листьями и корнями, разлагающимися рыбами и воняющею мускусом мочою сотен крокодилов (*Crocodylus palpebrosus* Cuor); она была покрыта отвратительной накипью, на которую противно было смотреть, и почти вовсе не годна для питья. При этом атмосферная теплота в тени обычно от $+26^{\circ}$ до $+29^{\circ}$. Температура воды почти неизменно днем и ночью $+24^{\circ}$. При такой постоянной непрерывной жаре, с томительной жаждою освежиться, под преследованиями и пыткой туч комаров, мокрым от беспрестанного потения, нам невозможно было достать свежего питья и нечего было и думать о напряженных и серьезных занятиях. Наконец, после опасного, тяжелого и трудного путешествия, длившегося 7 месяцев и 8 дней, в конце января 1827 г. мы достигли главного города провинции Матто Гроссо—Куябá, на судоходной большой реке* того же имени.

Из прилагаемого списка зоологических предметов Высокая Конференция Академии наук увидит значительный прирост, который получит от этого путешествия Кабинет естественной истории, причем я ни на минуту не упустил из вида желания его превосходительства—нашего отличного и достойного г-на президента «насколько возможно пополнить собрание млекопитающих», и в то же время старался удовлетворить желанию моего уважаемого г-на коллеги Пандера и добыть черепа и скелеты замечательных животных; так что Академический музей будет украшать многие

* Река Куябá почти пересыхает в сухое время года, как, вероятно, Лангсдорф сам убедился впоследствии. Название «большой реки» она заслужила лишь ввиду половодья.

уники, например скелет *Parra Chavaria* Linn, дублет *Dicholophus cristatus* Ill. и др.

Ботаник Ридель работал для науки очень усердно и с очень большим успехом; он добыл замечательное собрание редких растений и семян, которое он будет постепенно присоединять, согласно назначению, к коллекции Ботанического сада в С.-Петербургe.

Н. Рубцов продолжал с прилежанием свои астрономические, метеорологические и географические наблюдения, которые я при сем прилагаю для объяснения карт.

Художник Адриано Тонэй нарисовал с умением и со вкусом много замечательных видов и редких предметов естественной истории; из рисунков составилось интересное собрание.

Ввиду того, что усовершенствование естественной истории человека особенно близко моему сердцу, я особенно настаивал на том, чтобы художники экспедиции изготовили точные портреты всех индейских племен, которых наблюдать мне представится случай. Уже теперь я имею удовольствие обладать очень поучительными изображениями наций *Caçarós*, *Guyanás*, *Guatós*, *Schamicocos*, *Borogós* и *Chiquitos*, из сравнения которых всякий непредубежденный человек легко склонится к тому, чтобы произвести все эти нации от монгольской расы*. Я льщу себя надеждой, что это собрание портретов всех бразильских наций после окончания моего еще очень длинного путешествия возбудит необычайный интерес.

Кроме того, я старался собирать записи языков и все, что относится к языкам индейцев (со времен иезуитов), и, думаю, этим смогу оказать наукам существенную услугу.

Да будет мне позволено в то же время заметить, что я во время путешествия, о котором идет речь, по рекам Тигтэ, Паранá, Рио Пáрдо, Камапуáи, Кошí, Такуарí, Парагвай, Сан-Лоурэнсо и Куябá особенно занимался ихтиологией, описал и зарисовал больше пятидесяти новых пресноводных или речных рыб. В будущем я с особым вниманием предполагаю заниматься этою частью естественной истории, оставшейся в пренебрежении у большинства натуралистов, путешествовавших в Бразилии. Льщу себя надеждою, что общий результат экспедиции, начатой при столь благоприятных auspiciis и под защитою покровительствующего наукам монарха и министров, будет соответствовать ожиданиям и великодушию покровителей.

Мне следовало бы уже выше упомянуть, что в продолжение путешествия я занимался наблюдениями наклонения и колебаний магнитной стрелки. При этом опыте я пользовался методом, который, до получения более верных сведений, должен назвать англий-

* Такое утверждение в устах Г. И. Лангсдорфа имеет совсем особый вес, так как он лично видел много представителей и настоящей монгольской расы в Азии (Япония, Камчатка и вся Сибирь).

ским, так как я научился ему у ученого английского морехода М. Оуэна. Он состоит в том, что прежде всего устанавливается по уровню в горизонтальной плоскости «инclinаториум», затем южный полюс иглы «инclinаториума», с помощью другого южного полюса опускают до 75°, и тогда наблюдают колебания иглы, пока она не остановится. Наблюдения производятся точно и тщательно, но я предоставляю физикам, производящим меня познаниями, строить на их основании гипотезы и выводить из них следствия— это уже не входит в план моего путешествия.

Наконец, я пользуюсь случаем послать Высокой Конференции Академии наук описания орнитологических предметов, собранных с июня 1826 по январь 1827 г., вместе с несколькими рисунками и т. п. Оригиналы находятся отчасти в прежних, отчасти в посылаемых теперь отсюда пакетах, о которых упоминалось выше, а те немногие, которые должны были остаться из-за недостатка места или по другим обстоятельствам, последуют вместе с ближайшими посылками коллекций).

Читая это письмо, всякий дорожащий успехами науки пожалеет, что широко задуманный и блестяще начатый план многостороннего исследования природы и населения девственных областей тропической Америки потерпел крушение.

Письмо из Куябá было последним письмом Г. И. Лангсдорфа. Из сообщений спутника его Флоранса нам известно, что по отъезде из Куябá, во время путешествия по Рио Тапажós, неутомимый исследователь, которому было в это время 54 года, заболел очень острою формою малярии, отразившейся на нервной системе потерей памяти и другими нарушениями душевной деятельности,—это случилось в июне 1828 г. Дальнейшее выполнение плана путешествия, охватывавшего Гвиану, разумеется, оказалось невозможным до выздоровления главы экспедиции, и она вернулась в 1829 г. в Рио-де-Жанейро*. Ящики с коллекциями были доставлены в Петербург, сюда же прибыли рисунки художников и тетрадки вычислений Рубцова, но рукописи самого Г. И. Лангсдорфа, которые как записи языков индейцев и заметки об их обычаях представили бы и теперь чрезвычайно важный материал,—пропали⁴. Вероятно, больной не захотел расстаться с ними. По советам врачей он поехал в 1830 г. в Европу на излечение. Физически он скоро совсем поправился и поселился во Фрейбурге, но душевные силы уже никогда не возвращались к нему. В 1831 г. Г. И. Лангсдорф был уволен в отставку от Академии («Список членов Акад. наук 1725—1907 гг.», Б. Л. Модзалевского) с сохранением пенсии, которую Академия продолжала ему выплачивать до самой смерти. Умер он в том же Фрейбурге (Брейсгау) 29 июня 1852 г. в возрасте 78 лет. Последняя напечатанная им работа датирована 1827 г.;

* Изложению хода путешествия и запоздалому опубликованию того, что осталось от материалов экспедиции Г. И. Лангсдорфа, касающегося этнографии, посвящена вторая часть настоящей работы.

это «Kurze Bemerkungen über die Anwendung und Wirkung der
Gainsawwurzel». Rio-de-Janeiro, 1827.

Среди роскошной флоры паразитических растений тропического
леса Южной Америки есть род, названный Мартиусом Langsdor-
fia в честь того, кто в неустанном труде над исследованием бес-
конечного богатства природы тропиков, утратил самое ценное
своей богато одаренной личности—светлый ум, обещавший еще
так много для бескорыстной общечеловеческой работы—познания
природы и людей.

ОЧЕРК ЭКСПЕДИЦИИ
В БРАЗИЛИЮ
АКАДЕМИКА Г. И. ЛАНГСДОРФА
И ОПИСАНИЕ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ
ПРИВЕЗЕННЫХ ЕЮ

Материалом для настоящего очерка послужили, кроме текста дневника Флоранса, коллекции предметов Музея антропологии и этнографии Академии наук и рисунки художников экспедиции Г. И. Лангсдорфа, хранившиеся в Архивах Конференции Академии наук и Зоологического музея, а также этикетки гербария Риделя—Лангсдорфа, составляющие одно из сокровищ Ботанического сада Петра Великого; краткие заметки, почерпнутые из «Астрономических наблюдений» Рубцова, по рукописи, хранящейся в Архиве Академии наук (с 19 августа 1825 г. по 30 марта 1827 г.).

На русском языке нет вовсе печатных сведений об экспедиции Лангсдорфа, а единственная история ее*, составленная одним из участников, появилась только на португальском языке в 1875—1876 гг. в «Revista Trimensal», издаваемой в Рио-де-Жанейро** под названием «Очерка» или «Этюда» («Esboço da viagem feita pelo Sr. de Langsdorff no Interior do Brasil, desde Setembro de 1825 até Março de 1829»³). На самом деле она является просто дневником, местами слегка измененным и дополненным, но тоже наспех и как будто в пути. Часть черновых рисунков автора этого «Очерка» попала в руки Карла Штейнена и была им опубликована в 1899 г. («Globus», Bd. LXXV) с очень содержательными комментариями. Вот и все, что было известно до сих пор. Между тем экспедиция по грандиозности плана, широте задач и богатству собранного материала могла бы составить эпоху в истории

* Кроме упомянутой выдержки из письма Лангсдорфа в «St.-Petersburger Zeitung».

** Я следовал этому изложению при описании путешествия. «Revista Trimensal» за соответственные годы не имеется в библиотеках Петрограда, и я нескладно обязан моему другу Альберту Эдуардовичу Чайльду, хранителю Археологического Отдела Национального музея в Рио-де-Жанейро, за присылку мне экземпляров «Revista», ставших даже в Бразилии библиографической редкостью.

изучения Бразилии, не в меньшей степени, чем классические путешествия принца Вида и графа Каствельно, если бы этот сырой материал был своевременно обработан и опубликован. В самой Бразилии высказывалось в печати сожаление об отсутствии всяких следов работы столь продолжительной и хорошо обставленной экспедиции, и мне пришлось слышать о ней впервые именно там, а не в Петрограде.

Виною забвения, в котором она была оставлена, является, конечно, неизлечимая болезнь ее главы и вдохновителя, не напечатавшего ни строчки со времени своего возвращения в Европу в 1830 г. до смерти в 1852 г. Конечно, зоологические и ботанические коллекции уже значительно утратили цену за прошедшие почти сто лет, но этого нельзя сказать об этнографических коллекциях и рисунках, сделанных в пути,—они представляются теперь прямо сокровищами, так как относятся к еще почти нетронутому быту диких племен, отчасти даже вовсе с тех пор исчезнувших, как-то: своеобразной группы племени борорó, называемой *Vogóds-dos-sampos*, или приобщившихся в наше время европейскому быту племени мундурукú, апиакá. О двух последних вообще почти не имеется прямых сведений и по сие время, а столетие, прошедшее со времени экспедиции, не оставило, вероятно, и воспоминаний о их тогдашнем еще дикарском существовании.

* * *

Экспедиция Лангсдорфа в Бразилию или его «*Iter Brasiliense*», как обозначено на этикетках, официально значится продолжавшейся с 1822 по 1828 г.

Как известно из биографии Лангсдорфа, эта экспедиция внутрь страны была взята под покровительство Александра I еще в 1821 г. и совершена на личные его средства. Ее главная часть—1825—1829—обошлась, согласно сведениям Тонэй в «*Revista Trimensal*», стр. 353, в 88 200 франков.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЭКСКУРСИИ И РАБОТЫ (1821—1825)

Гербарий свидетельствует, что уже в 1821—1822 гг. началось коллекционирование растений в некоторых местностях побережья: Байя, Ильеос, Рио-де-Жанейро и др. Ридель, первый помощник Лангсдорфа, успел в 1821 г. побывать на Амазонке, откуда имеются его экземпляры растений этого года в гербарии. Кроме Риделя, участие в сборах принимал в эти годы также зоолог Э. Менетрие, побывавший в Бразилии до 1826 г., а препаратором работал уже упоминавшийся выше Г. Фрейрейс.

В 1823 г. экскурсии на небольшое расстояние продолжают, и гербарий все растет.

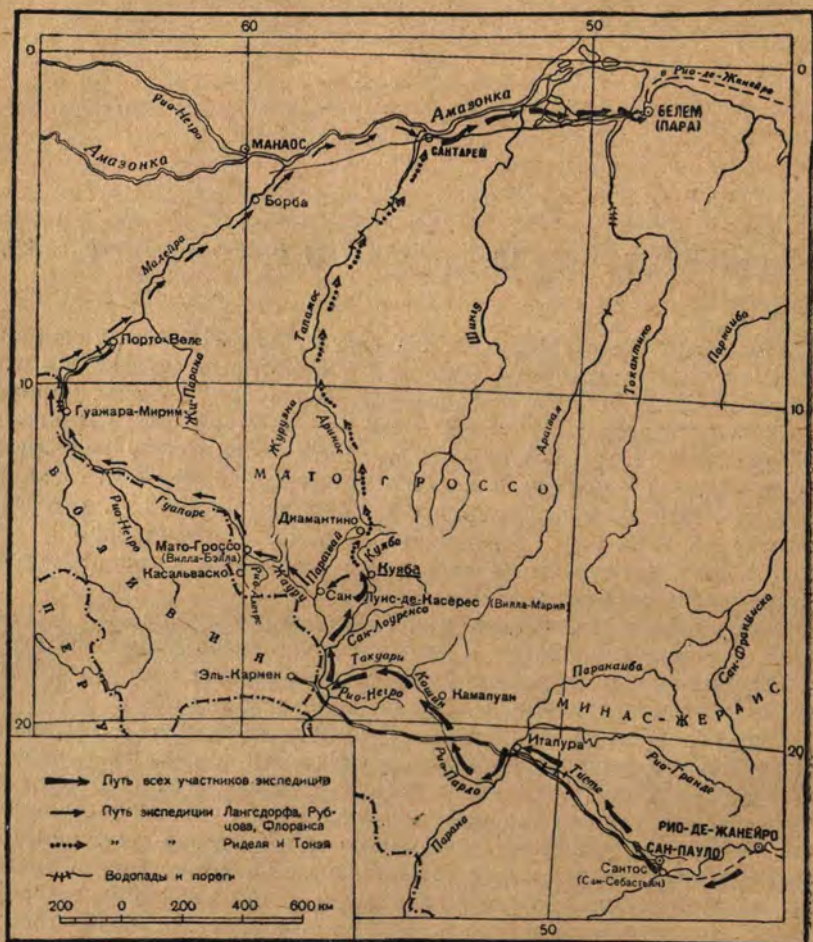
В мае 1824 г. Лангсдорф, в сопровождении художника Ругендаса*, совершает большую поездку в провинцию Минас-Жирайс. От нее у нас имеется коллекция прекрасных пейзажей, значительное количество растений и зоологического материала.

Серия рисунков начинается видами тогдашнего Рио-де-Жанейро, еще не имевшего ни набережных, ни нарядных построек наших дней. Горы Corcogado и Pão de Assucar, куда теперь проведены фуникулеры, красуются в своем еще девственном величии. Начало путешествия дает серию типов негров-невольников, сценки в корчмах у костров, разведенных на полу, вместо очага, как это и теперь можно увидеть в глуши. Вид на высокую Serra da Estrela, которую надо перевалить по дороге на север, мы воспроизводим здесь на рис. 5.

14 мая путники достигли Рио Параиба. Ее переезжают по крытому мосту, соединяющему провинции Рио-де-Жанейро и Минас-

* Который издал «Malerische Reise in Brasilien, von Mor. Rugendas». Paris und Mühlhausen, 1835. Folio в 4 частях. Маршрут этого путешествия в Минас почти совпадает с маршрутом Hermann'a Burmeister'a в 1850 г., давшим материал для книги «Reise nach Brasilien», 1853. Бурмейстер с большой похвалой отзывается об упомянутом выше издании альбома рисунков Ругендаса.

Жирайс. 26 мая уже в Барбасоне (увы, теперь железная дорога переносит туда в несколько часов). Горы здесь усеяны отдельно растущими декоративными араукариями, переданными необычайно характерно художником. После остановки здесь в несколько

дней, экскурсанты 9 июня достигают С. Жоаньо (São-João d'El Rey). В то время еще не улеглась, повидимому, горячка открытий золотых россыпей, напоминающая историю Бразилии в XVIII в. Художник дает нам на рис. 6 изображение открытия такой россыпи около Rio das Pombas. На этом великолепном рисунке видно, как вдруг закипела жизнь под таинственной и молчаливой сенью девственного тропического леса, переданного с удивительным мастерством. Негры-рабы, при которых находится и их надсмотрщик

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

с двухвосткою в руке, промывают песок, а рядом расположились их хозяева под импровизированным совсем по-индейски шалашом из пальмовых листьев.

Рис. 7.

Рис. 8.

В начале августа мы застаем путешественников уже в старых, украшенных многими парами колоколен, городах провинции Марианна и Буру Прэту. Последний был столицею штата до по-

стройки нынешней столицы, города «американского» типа—Bello Horizonte. Здесь исследователи провели больше половины месяца, а затем двинулись на север. Рисунок живописного монастыря Nossa Senhora da Conceição на Serra de Caraça указывает путь их, так же как и гербарные экземпляры из этих мест. 23 сентября—они в Каитэ (Villa de Caeté) по ту сторону Serra de Caraça, а 30-го—в Сабарá (Villa de Sabara на Рио дас Вельяс), которая и теперь известна как центр золотопромышленности. Остальные рисунки из этого путешествия не датированы и изображают живописные уголки в лесу на берегах бурных ручьев, типичную усадьбу, хутора бедняков на свежерасчищенной от леса почве («degrobada»). Узенький мостик через речку украшен крестом у перил. В Минас до сих пор не перевелся обычай ставить деревянные кресты на всякой возвышенности, перекрестке или другом заметном месте. К этой поездке относятся четыре рисунка голов индейцев машакарí, сделанные в Оуру Прэту. Племя это уже в те времена было известно лишь по разбросанным остаткам. Принц Вид на своей карте помещает группу их близ побережья у Ильеос. Под натиском ботокудов эти индейцы обращались даже к бразильцам в штате Минас за покровительством. На Рио Пáрдо в штате Байя с 1911 г. существует их поселение под контролем и защитой правительственного агента.

НАЧАЛО ЭКСПЕДИЦИИ

РАБОТЫ В ШТАТЕ САН-ПАУЛО

В течение 1825 г. окончательно сложился план большой экспедиции внутрь страны, а также и состав ее участников: кроме ботаника Людвига Риделя был приглашен в качестве астронома русский морской офицер Нестор Рубцов, штурманский помощник 14-го класса—гласит надпись на «Обсервациях»; в качестве зоолога Христиан Гассе (Hasse) и, наконец, в качестве рисовальщика, упоминавшийся выше художник Ругендас*. Однако из этих лиц художник Ругендас еще в Рио-де-Жанейро по личным мотивам отказался от участия в путешествии и рекомендовал в заместители себе молодого рисовальщика Адриано Тонэй (Amadeu Adriano Taupau), уже успевшего, несмотря на свою молодость, принять участие в кругосветном плавании фрегата «Урания», посетившем некоторые из островов Великого океана. Впоследствии по своей просьбе был принят в число участников рисовальщиком еще другой француз Флоранс (Nepcule Florence), автор упомянутого выше дневника или «очерка» путешествия, положенного в основу настоящего изложения. В этом составе 3 сентября 1825 г. экспедиция выехала из Рио-де-Жанейро на корабле «Аугога», на котором, кроме большого багажа, находилось еще 65 больных негров-рабов, недавно привезенных из Африки и покрытых зловонными язвами на коже, приобретенными во время плавания. По счастью, попутный ветер уже через 48 часов доставил их в Сантос. Эта часть путешествия единственная, о которой говорит несколько подробнее Н. Рубцов в своих «Обсервациях», нашедший, как истый моряк, здесь больше для себя интересного, чем где-либо на суше.

* Указание у Кабани на участие в экспедиции Менетрие неверно. Этот энтомолог покинул Бразилию в 1826 г., т. е. при самом начале экспедиции.

Вот, что мы читаем в его рукописи: «Августа 29-го числа командующий экспедицией статский советник Григорий Иванович г-н Лангсдорф, я, живописцы Адриано Тонэй и Геркуль Флоранс переправились на судно, называемое «Аугога», для отвозу к порту Villa de Santos».

«Августа 30-го числа утром около 10¹/₂ час., при попутном ветре, вышли мы из губы Рио-Жанейро, но по полудни около 2 час. сделался ветр от SW умеренный с порывом, но как наше судно не очень крепкое и к тому же не более 140 т., то принуждены были возвратиться обратно и около 3 час. стали на якорь насупротив батареи Ville Gagnon».

«Сентября 2-го числа на батарее Ville Gagnon...» (следуют вычисления высоты солнца).

«Сентября 3-го числа утром около 8 час. при попутном ветре снялись мы с якоря и пошли из губы. В 10 час. выйдя из губы, стали править по R. SSW к порту Villa de Santos. В 5 час. вечера пошли по R. SW ¹/₂ W все время дул от ONO умеренный, и, полагаю, антретно шли 6 узлов».

«Сентября 4-го числа в 6 час. утра увидели мы остров St. Sebastião. Средина его на R. WNW. В расстоянии антретно 18 миль италийских. В 7¹/₂ час. утра, идучи тем же румбом SW¹/₂ W, увидели S-ю оконечность острова на R. NW, тогда пошли мы по R. W и вскоре впереди увидели мы 3 острова вкуче, называемые Alcatrasas на R. WNW. В 9 час. прошли мы на ⊥ S-ую оконечность острова St. Sebastião. В 11 час. прошли мы на ⊥ курса острова Alcatrasas, которые здесь кажутся одним, после чего сделалось мало в[етрено]. Сентября 5-го числа до полудни штилевали и находились почти на том же самом месте, где вчерашнего числа до полудни в 11 час. были; в полдень сделался ветр от NO тихий, то мы пошли по R. W. прямо к проходу к порту Villa de Santos. В 3 часа по полудни прибыли мы к реке Santos, где, убрав все паруса, пошли завозами вверх оной. В 5 час. вечера, отойдя на ³/₄ версты, сделалось течение противное, то и положили мы якорь».

«Сентября 6-го числа в 7 час. утра пошли опять завозами. В 12 час. сделался ветр от SW тихий, то вступили под паруса, а в 1-м часе по полудни прибыли к порту Villa de Santos, где насупротив таможни встали на якорь».

«В 3-й час переправились мы на берег в дом английского вице-консула William Whitaker».

(Следуют вычисления высоты солнца с перерывом от 7-го до 19 сентября из-за облачной погоды.)

В другой тетрадке «Обсерваций» читаем о дальнейшем путешествии:

«Сентября 24-го числа отправились мы к местечку, называемому Понте Алта, куда прибыли вечером. Сначала около 1¹/₂ португальской легвы проехали по реке по R. NW 64° по компасу и прибыли к Порту Кубатон, а оттуда на верховых лошадях поехали на гору, называемую Кубатон (та самая, которая от Порта| Сантос

обсервована была по компасу на NW 64°). Вершина оной горы по прямому направлению немного поменее $\frac{1}{2}$ леггов, но только так крута, что навьюченные ослы с большою трудностью могли подняться на оную; а потом пошли гораздо лучше, ровней и очень мало пригорок до самого места Понте Алта».

Дальше следуют вычисления и обсервации в других пунктах пути до Сан-Пауло.

Первоначально предполагалось направиться в Куябá, столицу Матто Гроссо по так называемой «Caminho de Goyás» (дороге через Гойáс), но ввиду большой дороговизны этого пути и тяжелого багажа Лангсдорф решил воспользоваться речными путями—именно тою дорогою, которою уже в XVII и XVIII вв. пользовались для проникновения в глубь страны (так наз. «sertão»). Она начиналась речкою Cubatão, откуда товары перевозились по суше в город Сан-Пауло, а из него в Порто Фелís на Рио Тизэтé, где багаж нагружался в челны, с которыми путники уже не расставались до самого конца путешествия, перетаскивая их волоком через водораздел Парана—Парагвай и через большие пороги (См. «Extracto da Descrição Geographica da Provincia de Matto Grosso», 1797 г., написанную Ricardo de Almeida Serra и напечатанную в «Revista Trimensal» Rio-de-Janeiro, 1884). Среди рисунков Адриана Тонэй имеется вид живописной речки Cubatão, протекающей в сплошном девственном лесу и поэтически описанной в дневнике Флоранса. В Сантосе принятые английским консулом путешественники провели дней 20, посещая его окрестности. Затем через Porto do Cubatão*, Сан-Пауло, Iundiahu**, Campinas и Itú*** направились на Порто Фелís**** на Рио Тизэтé. Порча хронометра вызывает у Н. Рубцова несколько фраз сверх обычных дат и названий мест. В «Обсервациях» мы читаем:

«Ноября 15-го числа отправились мы к Villa de Itú, к вечеру прибыли мы к местечку, называемому Jaguare».

«Ноября 16-го к вечеру прибыли мы к местечку, называемому Сахоега».

«Ноября 17-го числа отправились далее, и я сего дня не мог быть с хронометрами в полдень, то просил Григорий Иванович г-на Лангсдорфа оные завести. Он их завел, но только хронометр № 893 с силою, то он и остановился, я же, придя в Villa de Itú, нашел его в сем положении, то оный здесь в Villa de Itú показывает другое».

В Itú Лангсдорф с Риделем и другими решили совершить поездку на юг провинции Сан-Пауло. Флоранс занялся приготовлением лодок для путешествия, поселившись в Порто Фелís.

* «Порт народов», значится в «Переводке имен мест, означенных на карте», приложенном в конце «Обсерваций» Н. Рубцова. Сама карта не найдена.

** «Iundia—имя рыбы, городок сей рыбы.», там же.

*** «Itú—вода отбрасывается. Itú—индейское имя.», там же.

**** «Порт Счастливый», там же.

В начале декабря Лангсдорф, однако, уехал по делам обратно в Рио, оставил во главе своих спутников Л. Риделя. Он был в отсуствии почти шесть месяцев, но экспедиция все это время работала, собирая материал в провинции Сан-Пауло. На рис. 9 изображен богатый «Paulista» (абориген провинции Сан-Пауло).

Рис. 9.

«Паулиста» сидит верхом на нарядном муле, а его занятия и вместе богатство иллюстрируются караваном мулов, навьюченных сахаром из тростника. Седло всадника покрыто родом покрывала из нитей, которыми, как и крашенными овчинами, щеголяют и сейчас провинциалы.

Особенно удачны были охоты около S. João de Ipanéma, где в декабре 1825 г., в январе и феврале 1826 г. было добыто много млекопитающих, рыб, птиц и рептилий. После этого в марте

была совершена экскурсия в Sorocaba. Все эти экскурсии можно проследить по «Обсервациям» Н. Рубцова. К сожалению, математик очень лаконичен и ограничивается почти одними датами. Любопытна следующая заметка: «Марта 11-го числа (1826) отправились обратно к Fabrica de Ferro (из Villa de Castro). Сказывали мне, что на сию дорогу часто выходят из лесу дикие люди, называемые Chavantes, и убивают народ; и для того мы в пустых местах не останавливались и ехали с утра до ночи; но, однако, мы ни одного из них не видали». В настоящее время исчезло и воспоминание о «диких людях» на сотни миль кругом от этих мест

Апрель прошел, повидимому, в окончательных приготовлениях к трехлетнему почти путешествию. В мае, наконец, все собрались в Порто Фелис на Рио Тиагэ.

ОТ ПОРТО ФЕЛИС ДО КАМАПУАН. ИНДЕЙЦЫ ШАВАНТЫ И КАЯПÓ

Полтора месяца путешественники пробыли здесь, и только 22 июня 1826 г. начался спуск по реке. «Июня 22-го числа около полудни отправились мы к провинции Матто Гроссо по реке Тиагэ, в низ оной», лаконически замечает Н. Рубцов в своих «Обсервациях» (следуют вычисления высот солнца и т. п.). Караван состоял из двух больших однодревок (в первой помещались Лангсдорф и молодая немка, привезенная из Рио в этот приезд, во 2-й—Ридель, Тонэй и Гассе) и баркаса, на котором ехали Флоранс и Рубцов. На всех лодках, отплывших при залпах ружейных выстрелов и криках провожавшей толпы, развевался андреевский флаг русского флота. Гассе только проводил экспедицию и вернулся обратно. Он решил жениться на дочери помещика, у которого останавливались путешественники, и отказался от участия в путешествии. (Он не женился и кончил жизнь самоубийством через несколько лет в Кампинас.)

Тиагэ «река настоящая. Tiette—индейское имя»,—отмечает Рубцов,—левый приток Параны. Несмотря на сильную порожищность и несколько значительных водопадов, он начал играть роль дороги еще с XVII в. Во время частых остановок в пути, при проведении челнов через опасные места, росли коллекции и делались наброски художниками. 3 июля Н. Рубцов отмечает: «Faz-da do Defunto Peishoto (оставленная людьми, по причине находящихся здесь диких людей и тигров) на S-й стороне реки»... (следуют вычисления).

5 июля караван достиг водопада Cabeceira de Uputundúva. «Его посещают,—говорит Флоранс,—индейцы этой области, так как река здесь имеет брод. Но до сих пор мы не видали даже и следов их. Согласно рассказам наших рабочих, эти индейцы по имени шаванты (Chavantes)—враги всех христиан. Иногда пробовали подзвать их—они делают знак рукою, что им нас не нужно и угрожают луками и стрелами... Не следует проникать в лес, чтобы не

получить неожиданно смертоносной стрелы. Еще немного лет тому назад они убили здесь одного несчастного гребца. Он остался на берегу, чтобы зажечь папиросу, но когда захотел прыгнуть в лодку, то пронзен был стрелой и помер через три часа. Все индейцы, появляющиеся в западной части провинции Сан-Пауло, по ту сторону Тизэт, называются шавантами. У меня мало данных о них, но думаю, что они немногочисленны и бродят в обширных областях между Curitiba, рекой Тизэт и рекой Паранá до «Семи водопадов» (Sete Quédas), страна, которая не была исследована, если не считать одной экспедиции, что поднялась несколько легв по реке Паранананэма в поисках негров киломбóлов», Fl. I, p. 375 (т. е. скрывшихся в лесу рабов, устроивших самостоятельное селение называемое Quilombó). Эти шаванты штата Сан-Пауло или «Oti» вместе с родственным им «фая» и «орае» (или «Агае») с Рио Ивинь-эма очень мало известны и теперь*7.

18 июля караван достиг первого большого водопада Salto de Avanhandáva. Перетаскивание багажа и лодок волоком заняло много времени—только 24-го двинулись дальше. Флоранс дает подробное описание водопада, а рисунок (№ 50 коллекций) дает изображение его. Охоты были все время удачными: случилось, что в один день убивали по 3—4 тапира, не говоря уже о всевозможных птицах. Водопада Itarugá, недалеко от устья Рио Тизэт, экспедиция достигла 7 августа. Здесь три дня прошло в обходе стремнины. 11 августа лодки уже вошли в Паранá. 12 августа прекращаются «обсервации» высот солнца и продолжают лишь магнитные. «Мы находились теперь,—читаем мы в дневнике Флоранса,—в области индейцев каябó, селение которых расположено на берегу этой реки, почти против впадения в нее Рио Тизэт. На том месте, где мы остановились, оказалось несколько обгорелого хвороста и золы, а высоко в ветвях дерева гамак из лиан—без сомнения, чтобы схоронить спящего от ягуара. Я думаю, что сделал себе постель так высоко индеец, чтобы спать одному,—я уверен, что, путешествуя в компании, нечего бояться этих зверей» (Fl. I, p. 387). Насколько известно, особенно ловко прячутся подобным образом на деревьях кайнганги; впрочем, вероятно, это приспособление было свойственно и вымершим почти шавантам штата Сан-Пауло.

Члены экспедиции поднялись вверх по Паранá на две мили к величественному водопаду Uruburúnga, где сделан был набросок Адрианом Тонэй. Даже теперь, когда эти места недавно пересекла железная дорога, лес еще не отступил от берегов реки, и человеку придется долго бороться с ним. На рисунке изображена остановка у высокого берега среди девственной природы. Охотники заняты тушей тапира, а огромные рыбы (Расú, вероятно) лежат целой горой близ огня. До сих пор еще в этих местах можно ловить рыбу

* См. немногие данные о них в Трудах XVII конгресса американистов, стр. 250 и сл. в статье Н. в. J h e r i n g. [A Ethnographie do Brasil meridional.] Материал собран Kurt Unkel'em в Campos Novos.

без всяких ухищрений,—так ее много и так она жадна, несмотря на хищническое истребление динамитными бомбами, принесенное «цивилизацией». По пути следования была остановка для посещения селения каяпо. Оно состояло из 10 шалашей. Индейцев не было, так как они работали на своих огородах у реки Sucurú. Среди поселка было строение, принадлежавшее, повидимому, общине; в нем находилось несколько долбленных столбов палым, «которыми индейцы пользуются, как барабанами во время своих танцев»* (Fl. I, p. 389). Лангсдорф оставил в подарок хозяевам ножи, топоры и другие железные предметы; однако индейцев так и не видали⁸.

15 августа миновали устье большого правого притока Параны— Rio Verde и 18 августа вошли в Рио Пардо, «известную среди паулистов красотой саванн, сменяющих здесь лес» (Fl. I, p. 392). Снова приходится, поднимаясь вверх по течению, преодолевать пороги и водопады, и путешествие подвигается медленно, затрачивается два месяца на путь, который при спуске занимает всего шесть-семь дней. Адриано Тонэй сделал два рисунка водопадов на Рио Пардо (рис. 10), один из них в красках (акварель). Флоранс с восторгом говорит об этой части путешествия: «Взору, уже утомленному монотонностью непрерывных лесов, открываются широкие перспективы, прерываемые холмами, речками и рощами. «Сапро» позволяет путешественникам сходить на землю, пока челны медленно и осторожно поднимаются по узкому и извилистому руслу. Прекращается неудобство от вынужденного сидения или лежания в палатке четырех или пяти футов шириной. Среди этих «кампо» охотник легко добывает ланей, тетерок (из Tinamiformes) и других животных, обогащая его стол, увеличивая удовольствие путешествия по столь красивым местам. Глаз не устает восхищаться разнообразием оттенков пейзажа: тут виднеется зеленый луг, там—заросль с ее низкими и корявыми деревьями; впереди простирается пространство «масéга» выше роста человеческого и переходящее цветом в коричнево-желтый оттенок. Часто большие площади земли, целые холмы имеют мрачный, черноватый вид—здесь прошло пожирающее пламя, пушенное путешественником. Стволы деревьев лишены листьев, сожженных пожаром. Пройдет дней 15 или месяц, и на этом мрачном золистом фоне пышно распускается яркая зелень».

«Когда люди для развлечения пускают пал на «кампо» вокруг лагеря, зрелище по вечерам меняется, но не менее замечательно. Пламя расплзается, образует полосы длинных языков, которые распространяют на все предметы свет столь яркий, что можно найти булавку, упавшую на землю. Линия огня удаляется, располагается широкими кругами, поднимается иногда и переваливает через холмы. Яркие снопы света выделяются рядом с густою тьмою. Облака дыма тянутся по небу: река кажется огнем, а бамбук в рощах громко стреляет, с силою выпуская воздух, находящийся в междуузлиях и нагретый огнем».

* Не были ли это колоды для питья, вроде Kiki кайнгангов?

«Нередко мы любовались этой великолепной иллюминацией до после полуночи» (Fl. I, p. 392—394).

24 августа, во время остановки для приведения в порядок коллекций, «помощник проводника, хороший охотник, убил двух ланей (Veados brancos)»... «Когда охотник видит лань, он тотчас раздевается и, совершенно нагой, подкрадывается как можно ближе—на ружейный выстрел» (Fl. I, p. 394).

«3 сентября убит волк (lobo)—он был величиной с европейского и очень худ—доказательство, что, несмотря на обилие ланей и кайтету (Dicotylus), мало находил себе пропитания» (Fl. I, p. 395).

Рис. 10.

Пальмовая капуста (сердцевина верхушек) нескольких видов пальм (как-то: guacimás, guarigóvas, gerivá) постоянно фигурировала в меню путешественников*. Дикие плоды (marmelo bravo, mangaba, Cajú) также разнообразили стол. «4-го Тонэй нашел цветок, сильно обрадовавший Риделя» (Fl. I, p. 396).

24 сентября у водопада «do Tamandua»** каравану встретились баркас и однодревка купца Rodrigues, возвращавшегося в Порто Фелис из Куябá. Однодревкой правили индейцы гуатó, живущие по берегам рек Парагвая и Сан-Лоурэнсо (о них см. ниже).

27 сентября Ридель, Флоранс и Тонэй отделились от лодок и пешком прошли вперед до водопада «Согáо». «Мы взяли с собой только охотничье ружье, несколько зарядов мелкой дроби, пулю

* [Пальмовая капуста имеется в коллекции Отдела Центр. и Южной Америки, № 1878. Чамакоко. Парагвайское Чако.]

** «Tamandua—зверь, питающий мурашами», гласит «Перевод имен»... Н. Рубцова.

и два бисквита на ужин. Добравшись раньше захода солнца до водопада, мы поспешили построить себе временный кров из листьев пальмы «guacuru». По счастью Тонэй убил большую ящерицу, которую голод превратил в прекрасное жаркое на ужин. Кроме того, найдена была кисть бананов, свисавшая с рахитического бананника. Если бы они были спелы, то не были бы пощажены людьми Родригеса, — бананы оставлены как не съедобные, но наш аппетит был так велик, что они, будучи поджарены, показались нам драгоценным лакомством, хотя и зеленые. В течение ночи каждый из нас караулил по два часа из-за боязни ягуара. Когда уже совсем рассвело, пришли и лодки» (Fl. I, p. 398).

У водопада встречена была партия негров из имения Камапуан, куда Лангсдорф послал за лошадьми. Все они были с зобами, величиной с голову, свисавшими до груди, делая сдавленным голос их. В окружающей местности много гнезд термитов (curium), иногда достигающих высоты всадника (в рукописи Флоранса имеются рисунки разных типов гнезд) (Fl. I, p. 399).

7 октября возле водопада Sanba Velha пришли, наконец, лошади. 8-го утром все путешественники, кроме Риделя и Тонэй, сели верхом и пустились вперед каравана. Лангсдорф со спутницей опередили Флоранса и Рубцова, а с последними случилось несчастье: лошадь художника упала среди быстрого ручья и от слабости не могла встать, — Флоранс остался было ночью один у ручья, тогда как Рубцов поехал за помощью; но животное, отдохнувшее за целый час лежанья, оправилось и смогло продолжать путь само.

9 октября, перейдя в брод Рио Пардо и проехав по холмистой местности, всадники обедали у пристани на речке Sanguesuga (пьявка), которая служит продолжением пути для лодок по Рио Пардо.

«По покато́му склону мы достигли вершины горы, откуда увидели усадьбу Камапуан, внизу под ногами. Сзади оставались притоки бассейна Паранá, впереди — речки уже впадали в Коши́ и Такуари Сангесуга, бассейна Парагвая. Спуск показался мне втрое длиннее подъема» (Fl. I, p. 401).

«Лодки, выйдя из Рио Пардо, поднимаются по речке Сангесуга, расчищая путь от веток, травы и даже толстых стволов деревьев, загораживающих ее русло. Их путь кончается у упомянутого «Porto de Sanguesuga», находящегося на расстоянии 2 легв от Камапуан (около 10 км). На двуколках из этой экономии сначала перевозится багаж, а потом и самые лодки. Последние помещают на огромные низкие повозки, запряженные 7 парами быков. Их тащат по хорошей дороге на протяжении 1½ легвы, а затем переваливают через упомянутую выше гору, поднимающуюся на 150 фут. и затем спускающуюся к самому селению футов на 450 покатым уклоном. Только одно место пути несколько трудно». «По правде, достойно изумления, подумать только, что от Порто Феліс до Куябá делают 530 легв (около 2 500 км) по 10 рекам, имея

только две легвы (около 10 км) волока, и не менее удивительно видеть, как большие челны переваливают через вершины гор» (Fl. I, p. 401—402).

ОТ КАМАПУА́Н ДО РУСЛА РЕКИ ПАРАГВАЯ. ИНДЕЙЦЫ ГУАЙКУРУ́

«Камапуа́н—экономия (fazenda), принадлежащая одной компании в Сан-Пауло. В ней около 300 жителей, и она в упадке с тех пор, как речные пути теряют свое торговое значение. Из жителей около трети—негры-рабы. Здесь изготавливаются грубые бумажные ткани для самих жителей, посылаемые также на юг в город Миранда (на Rio de Miranda) в обмен на скот и лошадей». «Из сахарного тростника, кроме сахара, еще делают очень плохую водку» (Fl. I, p. 402).

Указанный выше географ XVIII в. уже упоминает это селение, говоря, что возможность запастись здесь провизантом заставляет путешественников отдавать предпочтение пути, идущему через нее, перед всеми другими, даже более короткими и легкими, как, например, волоку из Rio Piquirá (бассейна реки Сан-Лоурэнсо) в Рио Сукуру́ (бассейна Паранá)—R. Serra, p. (167).

По отзыву Флоранса «жители находятся в крайне жалком состоянии. По количеству имущества своего они недалеко от дикого состояния, но, несмотря на это, отнюдь не несчастны и не считают себя таковыми. Только несколько человек, считаемых «денежными», ходят одетыми в рубашки и штаны из грубой материи. Остальные употребляют лишь брюки, почти что передник; большая часть женщин носят на теле только юбку. Едят лишь кукурузу, бобы (feijão) и кое-какие травы; изредка пробуют мясо своих худых свиней или яйца и говядину—все почти без соли, так как этот продукт необычайно дорог» (Fl. I, p. 403).

Экспедиция заказала здесь 120 алькейров кукурузной муки, приготовление которой заняло много времени, так как у жителей не было даже «тонjólo», примитивной бразильской водяной мельницы, и всю работу делали руками, толча маис в ступах. Индейцев этих мест видеть экспедиции не удалось.

«Во время пребывания здесь мы услышали разговоры о появлении индейцев в окрестностях: были замечены следы и даже застали их при попытке похитить скот. Они бежали. Это были, вероятно, каяпó или гуайкуру́» (Fl. I, p. 404).

Когда все было готово к отъезду, лодки начали спускаться по речке Камапуа́н в Рио Коши, где уже должны были нагнать их пассажиры и весь багаж, оставленный позади, чтобы не перегружать челнов.

21 ноября, после 43-дневного пребывания на Камапуа́н, экспедиция верхом сделала 7 легв до порта Fugado, где их ждал караван.

22 ноября при восходе солнца были привезены два связанных негра-беглеца, которых комендант экономии просил Лангсдорфа доставить в Альбукэрки (Albuquerque).

Путешествие продолжалось уже гораздо с большею скоростью, чем прежде, так как приходилось теперь спускаться по течению реки. Сначала ветки деревьев и арки из склонившегося бамбука не позволяли раскидывать палатки в лодках. «Рио Коши живописна своими стремнинами, стенами утесов, кампо, рощами и горами; малая ширина ее, лесные заросли, красивые арки бамбука (*guaytivocas*), серебристые отмели, обилие и разнообразие рыбы,—все время развлекают путешественника» (Fl. I, p. 407).

С Рио Коши происходит в коллекции рисунок головы великолепной *Anas moschata*, сделанный Флорансом.

3 декабря, когда караван вошел в Рио Такуарí, был пойман речной скат. В тот же день прошли водопад—последний до самой Куябá, его проводили торжественными салютами из ружей, и рабоче плыла вся ночь. В этот день навстречу каравану явилась правительственная военная экспедиция, отправленная для исследования более короткого волока через Сукуруí, во главе ее стоял поручик Manoel Dias. «Он сообщил,—говорит Флоранс,— об открытии военных действий против индейцев *Guaucurú**, последовавших за рядом измен с их стороны. Об этом нам говорили уже в Камаяуан, по известиям из Миранды» (Fl. I, p. 413).

«Во время мира, когда они получали от правительства подарки и провизию, был коварно убит ими бразилец, живший недалеко от форта Миранда; затем они напали и убили начальника и нескольких солдат на далеком от этого форта посту. Вслед за этими проявлениями вероломства они покинули окрестность Новой Коимбры (*Nova Coimbra*), где жили поселенными, и ушли в кампо в поход как враги. Мануэль Диас советовал нам принять предосторожности при прохождении через их земли».

Вот подробности событий, имевших место после объявления войны:

«Тотчас после разрыва комендант форта Новой Коимбры послал одного из своих в Куябá просить подкреплений,—его мы встретили 10 декабря на реке Парагвае. Их было три человека в челноке, которые сообщили нам, что в столице приготовился караван в 14 *igarités* (больших однодревок) с 300 людьми-солдатами и милицией под командой вице-президента провинции полковника Жеронумо. Этот «флот» мы встретили 3 января, а через 10 месяцев, будучи в Куябá, мы видели их возвращение вместе с войсками, посланными усмирять взбунтовавшихся. Жеронимо получил от президента предписание препятствовать, согласно велениям императора, чтобы с индейцами, хотя бы и восставшими, обращались жестоко—следовало-де, насколько возможно, стремиться, посредством подарков и увещаний, помириться с ними».

«Гуайкуру—самые многочисленные из всех дикарей, живущих на берегах Парагвая. Я слышал даже, будто у них 4 тыс. вооруженных мужчин. Они наводят страх коварством своего поведения, внезапно разрывая дружеские отношения среди общего мира

и обмена мнениями, кажущегося сердечным, без всякого мотива, кроме любви к грабежу, во время которого не обходится без пролития крови и многих жертв».

«Анналы Матту Гроссу полны измен этих неверных. Бродя по берегам Парагвая и Такуарí, простирая свои походы на очень широкую территорию, они причиняли большой вред судам, пересекавшим их земли еще во времена открытия Бразилии. Уже несколько раз они доходили до Камапуана и недавно захватили там около 500 лошадей. Они часто проникают в земли Саioá* и каяпó** близ Паранá, с целью обращения их в рабство. В своих опустошительных походах они не щадят и испанцев берегов Парагвая, даже в мирное время грабя их селения и продавая затем награбленное бразильцам. Не знают, продолжали ли они это и после усмирения их (в конце XVIII в.)».

«Поселены они возле Новой Коимбры».

«Они убеждены, что являются первою нацией мира, которой все прочие обязаны данью и подчинением. Не делают они исключений и для бразильцев, терпящих при случае от них всяческое зло. У них есть рабы племени Шаписсо и всех прочих соседних племен, более слабых и более трусливых; оттого-то индейцы и обратились к покровительству бразильцев, дабы спастись от этой участи в руках хищников. Только гуатó, хотя и малочисленные, внушают им почтение храбростью и мужеством. Эти варвары так смелы, что не боятся налагать оковы рабства даже на испанцев. Я видел, как прибыла в Куябá 12-летняя белая девочка этой национальности, которую освободил из плена у гуайкуру полковник Жеронимо. Она была похищена вместе с матерью из своего родного села в Парагвае еще грудным младенцем, осталась сиротой и усвоила все обычаи индейцев, язык которых стал ей родным».

«Гуайкуру—все всадники и хорошие бегуны. У них есть многочисленные табуны, отнятые у испанцев или взрощенные на свободе в кампо. Иногда они продают верховых лошадей в Куябá за 9—10 мильрейсов. У иных по две, три и более лошадей. Сидят верхом они на крупе, что заставляет их употреблять очень длинные поводья».

«Их оружие—копье, лук и стрелы. Имеются и ружья, но, когда они воюют с бразильцами, —им недостает зарядов».

«Багаж в пути они перевозят на лошадях. Впереди едут вооруженные мужчины, сзади следуют женщины, престранно взгромоздившись поверх вьюков, подчас очень объемистых».

Я видал одну женщину чамукóко, купленную у гуайкуру комендантом Альбукэрке. Все лицо ее было исколото точечками (татуировано) способом, принятым у ее повелителей. Портрет

* Индейцы берегов Паранá, племени гуарани, стоящие на низкой ступени развития.

** Индейцы, причисляемые к «же», селение которых экспедиция посетила (см. выше).

этой девушки находится в коллекции, что была послана в С.-Петербург»*.

«Гуайкуру́ однажды разграбили даже Вилла Мариа (São Luis de Caseres на Парагвае), предав все огню и железу. Во многих случаях они вступали в ожесточенные сражения с караванами. Один из последних из 50—60 челнов и около 600 людей потерпели от них полный разгром. В другом случае нападения они перебили весь экипаж, только пять лиц ускользнули, спрятавшись в лесу. Рассказывают, что в одну из стычек мулат из Сан-Пауло, знаменитый огромным ростом и необычайной силою, выдержал с помощью жены своей натиск нескольких челнов с индейцами гуайкуру́... (Fl. I, p. 413—416)¹⁰.

В декабре Ридель и Тонэй отделились от каравана на баркасе, чтобы опередить остальных в Куябá. В тот же день у брода через реку, где ее пересекает путь от Миранды в Куябá на левом берегу обнаружены были свежие следы массы лошадей—путники имели основание опасаться, что то были следы гуайкуру́, так как эти места чаще всего посещались ими.

Не раз встречались ягуары, которые любят держаться близ воды. Стали попадаться, столь многочисленные в бассейне Парагвая, хищные рыбы «пираньи». В коллекции рисунков зоологического музея есть рисунок большой рыбы этой породы; загнутая кверху злая морда ее и легендарные челюсти удачно изображены Флорансом (рисунок датирован 4/XII Рио Такуарí). Чтобы дать представление о прожорливости ее, Флоранс рассказывает, что рабочие наловили в минуту 60 штук их, погружая в воду труп убитой обезьяны и вытаскивая его с повисшими на мясе рыбами. Труп капивары (Hydrohoerus), брошенный в реку, то нырял, то всплывал от дерганья рыб, и вся вода кругом кипела от их движения—от мяса же вскоре ничего не осталось. По мере приближения к Парагваю стали невыносимо доносить комары.

Здесь приходится проезжать через местность, всю изрезанную притоками, рукавами и лагунами, которые в дождливое время сливаются в одно сплошное озеро, известное у старых географов под именем Lagoa de Xarayes.

«В этих широких равнинах растет в изобилии дикий рис, которого высота должно быть выше семи-восьми футов, так как над поверхностью воды он поднимается на два-три фута, а глубина воды во время наводнения пять или шесть футов. Когда индейцы-лодочники гуатó собирают жатву, они просто стряхивают колосья в свои челны и быстро наполняют их до краев; все же за отсутствием ухода качество его зерна ниже нашего**» (Fl. I, p. 420).

* Этот портрет утрачен, в коллекции его не имеется, но черновой набросок сохранился в семье Флоранса и опубликован К. Штейненом—см. «Globus», Bd. LXXV, стр. 6.

** [Повидимому, имеется в виду водяное растение, так называемое Forno d'agua, имеющее мучнистые, похожие на маис зерна.]

11 декабря. «Наш проводник выбрал место для ночлега на правом берегу, так как опасался, что на левом на нас могли бы напасть гуайкуру. Мы расположились под низкими деревьями, обрамляющими реку на небольшом расстоянии от воды. По ту сторону виднелось дикое поле риса высотой в два фута, такое обширное, что границы его терялись вдаль, и прекрасного зеленого цвета. Несколько групп деревьев выделялось здесь и там на великолепном ковре, какие-то деревья со стволом гладким и прямым, как колонны, которых листва располагалась в форме шляпок грибов».

«Вдали на северо-запад нам видны были высокие горы, которые следуют за течением Парагвая по обеим его сторонам и на склонах которых живут индейцы гуатó» (Fl. I, p. 420).

РЕКА ПАРАГВАЙ. ИНДЕЙЦЫ ГУАНА

12 декабря караван вошел в русло реки Парагвая. В тот день остановились прямо против устья Такуарí, так как Н. Рубцов должен был сделать астрономические наблюдения. Ночью со стороны, откуда только что прибыли путешественники, завидели они зарево степных пожаров, дым и пламя—это был пал, пущенный индейцами гуайкуру, так как, конечно, ни один бразилец не решился бы так обнаруживать свое присутствие после объявления ими войны. Лангсдорф «роздал всем рабочим ружья и пистолеты, порох, пули, и велел расставить часовых, которые бы бодрствовали ночью, дабы помешать внезапному нападению».

13 декабря случился шторм, заставивший причалить к берегу, так как волны угрожали челнам. Страшный ливень увеличил пытку, которую причиняли бесчисленные комары.

Утром 14 декабря достигли селения Альбукэрки на правом берегу, на высоком и сухом месте. Все селение состояло из четырех рядов домов вокруг площади, маленькой часовни, называвшейся «церковью», и дома для войск. Население все было или креолы, или кабурé, или метисы и индейцы, если не считать пятых белых.

16 числа Н. Рубцов, судя по «Обсервациям», наблюдал магнитную стрелку в «Povoação de Corombá», тогда еще не игравшем никакой роли, а в 1915 г. сделанном столицей штата.

На четвертый день пребывания здесь пришла лодка (см. рис. Флоранса в «Globus», В. LXXV, p. 5) с индейцами племени гуанá— 9 мужчин и 2 женщины. «Один из них, уже старик, имел «патент» или грамоту «главного капитана», которую он нам показал с большою важностью; она была подписана прежним генерал-губернатором провинции João Carlos Augusto de Oyenhausen». Набросок лодки гуанá свидетельствует, что из «индейской» внешности ее экипаж сохранил лишь длинные волосы,—одеты они не хуже бразильцев.

«Гуанá живут на восточном берегу реки Парагвая, немного выше города Миранда; они держатся вместе, поселенные в одной

большой деревне. Говорят на своем языке, но вообще знают кое-что и по-португальски, искажая его, однако, как все индейцы и негры, родившиеся на берегах Африки. Из всех племен на Парагвае они в наибольшем контакте с бразильцами. Они земледельцы. Ими возделываются кукуруза, «airim» и маниока, сахарный тростник, хлопчатник, табак и другие туземные растения. В то же время они и ремесленники—у них несколько «engenhos» («мельницы» или «машин») для выжимания тростникового сока, они делают большие куски бумажной ткани, в которую одеваются; кроме того, гамаки и пояса. Как торговцы, они совершают поездки на своих или на бразильских лодках в Куябá, чтобы продавать свои изделия: платье, пояса, подтяжки, подпруги для седел и табак. Большая часть их занимается на полевые работы или на мельницы, зарабатывая два-три гроша (vintem) в день, помимо содержания, или, наконец, занимаются рыболовством, отвозя рыбу в Куябá, где они живут в маленьких хижинах» (Fl. I, p. 423).

Здесь К. Штейнен нашел еще нескольких гуанá в 1888 г. («Globe», V. LXXV). В нашей коллекции рисунков имеется превосходный набросок акварелью, изображающий гуанá, и сделанный в ноябре 1827 г., тоже в Куябá, самим Флорансом.

Флоранс в своем дневнике подробно описывает ткацкие работы гуанá, и эти его заметки мне кажутся заслуживающими воспроизведения полностью:

«Куски, сплетенные из хлопковой нити, известные под португальским названием «Rappões»*, обычно имеют не более четырех метров длины и двух или трех ширины. Ткутся они неизвестным мне способом, причем вертикальные нити совершенно закрыты от края до края горизонтальными, отчего ткань очень плотна и годится для палаток, так как через нее не проникает и самый большой ливень** (в рукописи имеется набросок, изображающий деталь этой ткани). Ткань, когда поношена, обнаруживает тот способ, каким она приготовлена (это тоже в рукописи иллюстрировано).

Женщины гуанá, делая эти куски ткани, употребляют большой квадрат из дерева, шириною в 5—6 фут., опирающийся на две перпендикулярных подпорки; на этом стане они перекрещивают нити деревянной линейкою не сразу, а группами по 100—150 нитей, которые придерживают одну за одной. Так, если основа имеет 1 тыс. нитей, они скрещивают 7 или 10 таких групп, чтобы пропустить нить (уток) во всю ширину основы. Из этого уже видно, сколько времени требуется, чтобы сделать один Rappão».

Женщины в Куябá, делающие гамаки, следуют тому же приему. Чтобы покончить один, два метра ширины и длины тратят шесть дней и больше.

* В переводе «Rappões» значит «большие платки» или «платицы».

** Ср. ниже о тканях ашиакá.

«Ранпões украшены широкими полосами разных цветов: очень темного, черного, белого, коричневатого, рыжего и светло-голубого. Но эти краски, которые они добывают из растений и минералов, сохраняют яркость только короткое время, скоро блекнут, кажутся грязными, пропадают, хотя и не совсем бесследно» (Fl. I, p. 423—424).

«Одежда мужчин гуанá состоит из платка, которым они обертываются, как паневую (tanga), и привязывают к пояску; он спускается много, много до колен, и другого куска материи, квадратной или продолговатой прямоугольной формы с отверстием в середине, сквозь которое продевается голова; он закрывает им лишь плечи, грудь и лопатки. От холода покрываются «раппао», который так велик, что дважды может быть обернут вокруг тела. Женщины тоже носят платок, обернутый вокруг пояса и спускающийся до колен; какова бы ни была погода, они всегда одевают раппао, покрываясь им с головы до ног, или же тесно перехватывают его поверх груди шнуром, являясь, таким образом, менее обнаженными, чем мужчины. Иногда также носят его спадающим со спины до икр.

Многие гуанá уже употребляют рубашки и штаны из грубой бумаги, изготовляемые в Куябá, как и в других местах Бразилии. Это одежда мелкого люда» (Fl. I, p. 424).

«Эти индейцы, может быть, менее, чем другие, подвергались действию перемен погоды, светлее цветом кожи, чем какие-либо иные, которых мне приходилось видеть в моих путешествиях, исключая мирных мундурукú в провинции Парá.

Что касается до физиономии, то они обладают общими чертами, характерными для монгольской расы, как это бывает с аборигенами Бразилии, все же, по-моему, выражение лица их очень кротко и мягко. Если они и не приближаются к европейскому типу так сильно, как гуатó, то и не такие чистые «индейцы», как каяпó или чамакоко, из которых мне пришлось видеть несколько индивидов. Не имея изменнического и злого выражения гуайкуру, ни свирепости ботокудов и борорб, они, может быть, похожи на ашакá, во всяком случае, они представляют собою тип, достойный внимания, интересный контрастом с другими туземными национальностями.

Они не татуируются, не уродуют ни носа, ни губ, ни ушей, не красятся «игуси»*, как столько других племен. Если в прежние времена они и имели эти странные обычаи, — теперь слишком цивилизованы, чтобы хранить их.

Женщины хорошо сложены: лица их интересны, глаза узки и несколько косо поставлены, нос мал и тонок, рот необычайно велик, губы толсты, зубы белы и хорошо поставлены» (Fl. I, p. 425).

* [Пыльца растения *Vixa Orellana*.]

Лица трех фигур, изображенных на рисунке Флоранса, необыкновенно характерны, как могу подтвердить на основании собственного опыта (я видел индейцев Chané, к которым принадлежат и гуанá, в их селениях в 1914 г.). Вся растительность на лицах удалена, не исключая бровей и ресниц (чего не делают северные Paressi, причисляемые тоже к аровакам, судя по фотографиям и сообщению К. Штейнена—см. ниже), это затов обычае у тесно соприкасающихся с гуанá гуайкуру и других племен Гран-Чако. У правого индивида (женщина) косица черных гладких волос обернута белой лентою—прием тоже очень принятый в Чако (см. коллекции чамакоко и гуайкуру—кадиувéо; у последних я сам видел эту прическу; впрочем, известна она также и у Carajá (см. F. Krause. In den Wildnissen Brasiliens, 1914).

«Накануне праздника гуанá приготавливают бродящее питье, от которого стошнит всякого, кто узнает способ его приготовления. Они разжевывают семена кукурузы и все сплевывают их в один большой глиняный горшок, где и происходит брожение после прибавления известного количества воды»* (Fl. I, p. 425).

«Среди женщин господствует полнейшая распущенность, тем более, что сами мужья, не зная ревности, с величайшей легкостью отдают их посторонним за немного денег или одежды» (Fl. I, p. 425).

«Их произношение свидетельствует об языке очень нежном, лишенном энергии: всякое чувство посильнее они выражают горловым придыханием, за которым следует звук, очень похожий на слабый стон какого-либо страдальца».

«Со всей своей индустрией и любовью к труду, которые так отличают их от других индейцев, они вообще трусы, prostituteуют жен, движимые мелкой выгодой, совершают грабежи и кражи с величайшей бесцеремонностью, и, по слухам, вероятно не безосновательным, матери имеют варварский обычай убивать детей в чреве, чтобы до 30 лет не иметь заботы о воспитании их. Мне передавали несколько случаев подобных аборт, но, я думаю, что столь ужасный обычай перестал существовать с некоторого времени» (Fl. I, p. 426)¹¹.

«19 декабря мы отплыли из Альбукэрке. Комендант проводил нас до берега, и в честь г-на консула (т. е. Лангсдорфа) велел дать салют. С нами отправлялось несколько гуанá».

«Наше плавание продолжалось с крайней медленностью, тем более неудобная, что комары не давали нам ни минуты покоя. Это невыразимая пытка».

«Сверх того, день ото дня становилось все более трудным передвижение против течения. Ввиду половодья, река, получив уже в это время дождей много воды в верховьях, не позволяла баграм

* Этот способ приготовления закваски очень распространен в Бразилии и известен, кроме Чако, еще у кайнгангов (Anthropos, 1914 г.) и у пурри (в Байя).

достигать дна. Наши рабочие прибегли тогда к длинным пестам, с развилиною на конце, которыми, зацепляя за ветки деревьев и стволы их или же отталкиваясь от них, подвигали лодки вперед» (Fl. I, p. 426)*.

«Немало допекали нас и дожди: они все промачивали насквозь, даже внутри «палаток» или «шалашей» наших, очень плохо сделанных.

На привале мы находили промокшую землю, где нельзя было сделать шага, не попадая в лужу. Нечего было делать, — оставалось спать в гамаке под «mosquitero»**, под которым вдвое чувствовалась жара этого палящего климата.

Берега Парагвая обрамлены «aguare», растением, покрывающим поверхность воды; листья его большие и круглые, следуют от низа до верха оврагов за волнообразною поверхностью почвы. Если отделится кусок земли, «aguapé» попадают в реку и, подхваченные течением, образуют иногда значительные пловучие острова.

Уже несколько дней, еще плывя по Такуарí, мы часто слышали пение «anhumarbса» и «agасuan» (Fl. I, p. 427).

«Первых мы часто видели, всегда парами, много по три вместе. Пение ее, раздающееся на необозримых болотах, напоминает звон колокола среди полей.

Пара «agасuan» неразлучна. Если поет ♂, отвечает ♀, повторяя те же ноты, но в другом тоне. Когда собирается много парочек, то крик очень громок. Это пение похоже на крики курицы, когда ее преследуют, с тою разницею, что оно ритмично и повторяется по очереди то одним, то другим» (Fl. I, p. 428).

ИНДЕЙЦЫ ГУАТÓ. РЕКА САН-ЛОУРЭНСО И РЕКА КУЯБА

«26 декабря услышали около полудня лай собак и пение петухов. Приближаемся к населенному месту. Какое утешение!

Это была местность, называемая «Dougados»; мы причалили к берегу, и через несколько минут к нам подъехали лодки, наполненные индейцами гуатó.

Мужья гребут, стоя на носу; жены, сидя на корме, правят при помощи лопатообразного весла; детишки на корточках располагаются посередине на циновках. В челнах шириною в три с половиною ладони, а длиною в 20—25, кроме того, всегда помещаются луки, стрелы и собаки для охоты и рыбной ловли.

Мужчины явились одетыми в бумажные ткани, женщины — в юбочки, оставляя остальное тело открытым. Эта одежда, добываемая у бразильцев путем обмена, очень грязна, так как или вовсе не моется, или же лишь полощется в воде и никогда не видит мыла. Я видел голым только одного старика: его penis был подвязан к шнуру, проходившему вокруг пояса» (Fl. I, p. 428—429).

* [Такие же песты имеются, по данным М. Шмидта, и у гуатó.]

** [О москитеро см. ниже стр. 70.]

«Мужчины дают волосам расти свободно, связывают их на верхушке головы, делая таким образом род султана; женщины и дети оставляют волосы распущенными. Взрослые ходят голыми, но молодые девушки закрывают genitalia клубком нитей из волокон коры пальмы тукум, он подвешен на лыке, привязанном к поясу. Все они носят в ушах, как серьги, красные, черные или иначе ярко окрашенные перья.

Гуатó почти все время живут на воде в челнах, необычайно малых, как выше указано, размеров. Когда в лодку сядет вся семья, вода не доходит до борта всего пальца на два, что несколько им не мешает с величайшею ловкостью метать стрелы и гарпунить ими рыб или пронзать птиц. Кроме того, убивают еще «jасагé» (крокодилов-кайманов), служащих им главной пищей, так как в них никогда не бывает недостатка. На суше они не менее ловкие охотники. Они мужественно нападают на ягуара, стараются сначала раздразнить его, нанося ему стрелами легкие раны, а когда рассерженный зверь бросается на него, гуатó, неподвижно стоя на месте, пронзает ягуара своей «zаgаiа»—коротким копьём с острием из кости каймана или железа, добытого обменом от бразильцев*.

«Они убивают очень много ревунов, выдр и т. п. и аккуратно приготавливают их шкуры, как и шкуру ягуара.

Гуатó почти вовсе не земледельцы—сеют лишь несколько корнеплодов да кукурузу. Они собирают плоды большой банановой плантации, когда-то устроенной кем-то из давних путешественников на левом берегу реки Сан-Лоурэнсо (упоминавшимся выше способом) и достают себе зерна дикого риса, растущего на окрестных болотах.

Рукоделье их сводится к тканью из волокон коры тукум** грубых «mosquiteros», внутри которых они спят; это убежище столь плотное и тяжелое, что только сила привычки делает возможным переносить жару, которая в нем развивается***. Кроме того, делают еще квадратные куски ткани в полтора-два фута шириною, которые прикрепляют двумя концами к палочке и употребляют, как веер, для отмахивания страшных комаров. Только на ночь оставляют они этот веер: такова надоедливость этих упрямых и кровосадных насекомых» (Fl. I, p. 429—430).

В этнографической коллекции экспедиции имеется только три предмета от гуатó—как раз три таких веера, или опахала. Один из них изображен на рис. 11. Это единственное в своем роде при-

* Ю. Козловский, бывший в 1894 г. среди последних остатков гуатó, рассказывает очень живую сцену борьбы индейца с ягуаром, череп которого хранится затем, как трофей, и даже является будто бы необходимым условием признания совершеннолетия и прав на женитьбу за юношей («Revista del Museo de La Plata», t. VI, 1895 г.); статья Julio K o s l o w s k y «Tres semanas entre los indios Guatos.», там же имеется и фотография копыя гуатó.

** [Buctriz Setoza, Martius.]

*** См. описание фотографии этого предмета у Козловского.

способление к жизни в изобилующих комарами местах. Оно состоит из прямоугольного куска, своеобразной тонкой цыновки или грубой ткани, сделанной из волокон коры (?) пальмы тукум (вид *Astrocagium*) и подвешенной за концы на шнурочках к тонкой палочке так, что между этим «флагом» и его «рукояткою» остается пространство, в которое свободно проходит рука. Согласно наблюдениям Козловского, доставившего в музей в Ла Плате такие

Рис. 11.

же по устройству опахала, но сделанные из хлопчатой бумаги, индейцы постоянно носят их на плече и убивают, как хлопущую, комаров на недостижимых частях тела, например на спине, ногах, держа за середину палки и сильно замахиваясь в воздухе этим своеобразным флагом. Орнаментация двух из опахал состоит из поперечных полос, сделанных, вероятно, соком *geniparo**. По технике изготовления цыновкообразная ткань опахал в точности соответствует ткани «москитеро», описанного и изображенного на табл. 11 в упомянутой статье Козловского. О приемах ее изготовления сведений нет¹².

«Вся торговля гуатó состоит в обмене с бразильцами шкур ягуара или лодок на ножи, топоры, наконечники, колья и другие железные изделия или также куски ткани, из которой делают себе штаны, а женам юбки».

* [Genipa Brasiliensis.]

«Племя малочисленно. Я считаю, что в нем не больше 300 душ. Мне много говорили о селении гуатó, близ лагуны или озера Гуайва (Guaiwa*), в котором де больше 2 тыс. неукротимых дикарей, врагов каких бы то ни было сношений с белыми, хотя и вовсе не дурных, но столь дичащихся, что, как говорят, не знают с теми, что мы видели на Сан-Лоурэнсо, из-за сношений этих последних с бразильцами.

Хотя и много говорится об этом поселении, я не решаюсь верить в его существование из-за привычки преувеличивать в своих рассказах, так свойственной для жителей этих мест. Я хотел сам получить об этом сведения от гуатó с реки Сан-Лоурэнсо, но получал лишь двусмысленные ответы—они, согласно общему мнению, очень строго хранят это в секрете.

Гуатó хорошо сложены, крепки, цвет их темномедный и волосы гладки, что связывает их с индейской расой, так как в остальном они кажутся европейского типа. Я видал человека высокого роста, с красивой фигурой и орлиным носом, остальные, однако, носили отпечаток, характерный для их расы» (Fl. I, p. 430).

«Я имел сведения, будто в былое время гуатó Сан-Лоурэнсо жили среди белых и мешались с ними, вернувшись затем, из любви к примитивной жизни, к старым своим привычкам. Может быть, отсюда и происходит сходство с европейцами, без того, чтобы волосы и цвет кожи потерпели изменения».

«Посреди подбородка растут у них отдельные волосы бороды».

«Физиономии женщин и детей интересны,—что касается молодых девушек, то некоторые даже красивы».

«Говорят, гуатó живут больше, чем с одной женою,—большая часть тех, что я видел, имели лишь одну. Но вспоминаю, что однажды обменялся несколькими словами с индейцем, в лодке которого было три женщины. Я спросил его, все ли они его жены; он ответил, что «да». Тогда в шутку я попросил у него себе одну из них,—он ответил, рассердившись, что я должен был привезти свою с собою. Я возразил, что это было невозможно. «Ну,—сказал он мне,—если бы у тебя была с собою твоя жена, я променял бы на нее одну из этих».

«В противоположность гуатó, гуанá очень ревнивы к своим женам, которых любят до крайности и от которых получают убедительные доказательства нежности и верности. К детям питают живую любовь и обращаются с ними с величайшею ласкою».

«Вовсе не склонны в воровству, как гуанá».

«Их язык тороплив. Когда двое разговаривают, слышатся только односложные или короткие слова, которые следуют одно за другим, неясные и отрывистые. Утверждение «да»—сильное выдыхание, сопровождаемое гортанным звуком»** (Fl. I, p. 431).

* Некоторые пишут это название еще «Gaiba» [так называет это озеро и М. Шмидт].

** Этот выразительный жест наблюдался и у других племен Южной Америки; едва ли он не общий признак расы, как и поднятие бровей тоже в знак утверждения.

Флоранс дает на рисунке, находящемся в нашей коллекции и датированном декабрем 1826 г., изображение семьи гуатó в их домашней обстановке (рис. 94)*. Хижина имеет вид крыши на четырех подпорках с развилинами наверху, под которой устроено ложе из пальмовых листьев и лежит описанный выше, в дневнике Флоранса, грубый москитеро. Она стоит у самой воды, так как вода есть истинная стихия «ихтиофага»** гуатó. Единственная мебель в ней «gĩao»—стол на высоких ножках, а весь скарб состоит из плетеных из пальмовых листьев сумок. Перед домом видна маленькая лодка и весло. Лодка эта служит гуатó домом во время наводнений, и описание ее дано выше Флорансом.

Следует добавить, что в настоящее время подобной формы небольшие однодревки—«sachuvéas», как их называют бразильцы, управляемые листовидным остроконечным веслом, очень валкие и поворотливые, как и весла изображенной Флорансом формы, повсеместно приняты на верхнем Парагвае и наверное переживут последнего индейца, так как необычайно приспособлены для скольжения среди тростников, по мелким лагунам и заводям. На рисунке из оружия изображены только лук и стрелы—последние с костяными наконечниками¹³.

Сами индейцы, как видно, едва одеты: небольшая танга у мужчин и юбка у женщин,—вот и все. Следует обратить внимание на хорошо развитую грудную клетку мужчины: не только Флоранс, но и другие старинные путешественники, говорят, что гуатó всегда поражали их «хорошим» своим, совсем «европейским» сложением. Объяснение этому, конечно, очень простое: жизнь в лодке и постоянная гребля в сидячем положении повела к развитию всей грудной мускулатуры, являющейся признаком красоты по нашим традициям. Совершенно такие же черты отличают и других гребцов-индейцев бакаирí, описанных К. Штейненом («Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens. Berlin, 1894»).

После полуторачасовой остановки в «Dourados» и обеда там путешествие продолжалось.

«Нас все время сопровождали гуатó, все увеличиваясь в числе, по мере того, как мы приставали к хижинам, так как обитатели их тотчас присоединялись к товарищам и отправлялись вместе с нами. Так продолжалось до привала. Г-н консул (т. е. Лангсдорф) велел дать им еды,—конечно для того, чтобы они нас не покидали». (Fl. I, p. 432).

«27 декабря, рано утром, мы достигли устья реки Сан-Лоурэнсо (São Lorenço, называемой еще Rio Porrudos—это левый приток Парагвая, в который справа впадает речка Куябá, ведущая к столице провинции)—здесь мы отдыхали целые сутки».

* [Рисунок не воспроизводится.]

** Употребляя выражение Мартиуса, когда он говорит о них в своих «Beiträge».

«Наш лагерь находился между лагерями гуатó слева и гуанá справа; последние сопровождали нас от Альбукэрки. Гуатó было больше 30 человек, меж которыми масса женщин и детей. Оба племени сделали себе род шалашей из листьев пальм, цыновок и шкур, но когда начался дождь, угрожавший еще с утра, все пришли просить у нас крова, прячась в наши палатки».

«С этого дня и до 1 января 1827 г. мы продолжали встречать по берегам хижины гуатó. Река Сан-Лоурэнсо была полна воды и поэтому очень быстра, так что мы двигались с обескураживающей медленностью».

«1 января. Гуатó перестали следовать за нами. Утром мы увидели обиталище одного из них, хорошо знакомого нашим работникам, проезжавшим в этих местах». Один из следующих дней посетили еще одного индейца этого племени, которому Г. И. Лангсдорф предложил отправиться вместе в Куябá. В один момент вся семья была готова к путешествию, оставя на земле лишь пустой шалаш, уместившись со всем скарбом в челн футов 14 длиною и дюймов 18 шириною.

«Впоследствии этот индеец был убит на обратном пути из-за богатых подарков (ножей, топоров, рыболовных крючьев), данных ему Г. И. Лангсдорфом в Куябá, на которые позарились два гуанá, жившие в этом городе. Флоранс рассказывает, что гуатó отбили убийцу бразильцев, поймавших их на пути в Куябá, покончили с ними, и головы их выставили на показ на берегу реки Сан-Лоурэнсо на высоких шестах, цепи же, в которых они были закованы, отвезли полковнику Жеронимо, говоря: «Это принадлежит вам—гуатó не грабитель! Если гуанá убил гуатó, то гуатó убивает гуанá» (Fl. I, p. 435)¹⁴.

3 января Флоранс посвящает целую страницу жалобам на невыносимое преследование комаров. Гребцы, чтобы отогнать их, жгли на носах лодок гнезда термитов, однако от их тяжелого дыма едва не задохались пассажиры.

4-го караван вошел в реку Куябá; здесь пристали к целому лесу бананов, выросшему на месте покинутой в давние времена усадьбы одного смелого искателя золота, паулиста по происхождению.

17-го Г. И. Лангсдорф послал за провиантом, так как запасы его начали истощаться. На следующий день проводник в интересах сокращения пути пустил караван прямо через затопленные луга и рощи и чуть не потерял дороги.

25-го был взят в одном селении проводник и опять пустились через луга. Приходилось преодолевать водопады, созданные наводнением на суше, продираться сквозь заросли, срубая для этого ветви и даже большие деревья. Колючие растения, муравьи на стоянках и сырая почва даже на возвышенных местах немало причиняли неудовольствий путникам. В узких каналах, уже обмелевших и извилистых, приходилось исправлять мотыкою берега, чтобы проташить лодки.

КУЯБА. ЭКСКУРСИИ НА ПЛОСКОГОРЬЕ. ИНДЕЙЦЫ ПАРЕССИ

«Наконец, 30 января 1827 г. мы достигли столь желанного порта Куяба. Причалили под гром салютов из ружей, дававшихся нашими работниками, которым отвечали с берега. Таможенный сторож отвел нас в свою канцелярию, где мы оставались, ожидая прихода лошадей, чтобы ехать в город, лежащий за четверть легвы» (километра полтора).

«Г-да Ридель и Тонэй были так любезны, что прислали нам их тотчас же, заявляя, что идут нас встретить. В самом деле, они не замедлили явиться в компании разных лиц из города и итальянца купца Анджелини.

Мы тотчас отправились к президенту и были очарованы его любезностью восемь дней, в течение которых он нас удерживал в своем дворце, как гостей» (Fl. I, p. 441).

Город Куяба (Cuyabá) основан был в 1727 г. после того как с того места, где он построен, были доставлены (в 1718 г.) пригоршни золота. Золотоискатели устремились сюда, и в начале XIX в. население городка достигало 6 тыс. чел. (теперь считается 30 тыс.). К началу XIX в. город сделан был даже столицей штата Матто Гроссо (Matto Grosso).

В этом месте русская экспедиция пробыла почти целый год—до конца ноября 1827 г. Экскурсии, иногда продолжительные, в окрестные места наполняли время путешественников.

Флоранс посвящает несколько страниц своего дневника описание города, обычаев и занятий его обитателей, добыче золота и своеобразной свободе нравов в этих глухих местах. В нашей коллекции рисунков экспедиции апрелем 1827 г. помечен рисунок Адриана Тонэй, изображающий Rio Parú—правый приток Куяба, недалеко от города (рис. 12).

Художника заинтересовал своеобразный способ ловли рыбы, практикуемый негритянками: они помещаются на камнях у ряда маленьких водопадов, образуемых речкою, и подставляют в них корзинки на длинных шестах; мелкая рыба, массами прыгающая в таких местах, попадает в корзину. Этим способом вылавливается очень много рыбы. Вообще, по обилию рыбы Куяба славилась издавна, и Рикардо Серра (см. выше, автор 1797 г.) сравнивает ее в этом отношении с морскими портами. Среди рисунков рыб, привезенных из экспедиции, большая часть происходит именно отсюда.

С конца апреля месяца, май и июнь 1827 г. экспедиция в полном составе делает большую экскурсию в Districto de la Chapada, область террасовых возвышенностей и столовых гор, расположенную на северо-восток от Куяба. Эти горы, кажущиеся снизу остроконечными,—только края размытых высоких площадей (см. описание их в книге К. Штейнена, «Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens», 1894, стр. 18 и сл.). Они покрыты девственными саваннами, так характерными для всего бассейна Парагвая,

с редко расставленными корявыми *imbigá*—уцú (рис. 14), пальмовыми рощами и зарослями по руслам ручьев. К этому пейзажу относятся прекрасные рисунки Адриана Тонэй. Последние результаты многовековой эрозии в виде отдельных блоков причудливой формы и горизонтально-слоистого строения даны на рис. 16. Флоранс, которому они принадлежат, красноречиво описывает эти утесы в своем дневнике, уподобляя их грандиозным развалинам колоссальных замков, пьедесталам, вазам и т. п. Обрывы террас в долины «*Vocaina do Inferno*» представлены на рис. 58 собрания Архива Академии наук.

После посещения описанных утесов Лангсдорф решил подняться на вершину горы *S. Jerónimo*. К путешественникам присоединились местный викарий, комендант и сын губернатора. Флоранс так рассказывает об этом восхождении:

«Мы начали восхождение, цепляясь за растения на склоне в 45° до высоты 60 фут. Сделав этот первый кусок пути, наткнулись на большую трещину, отделявшую огромный блок от склона *S. Жерónimo*. Взор не встречает здесь препятствий вертикально до самого низа.

Направо виднеются скалы, которые следует одолевать одну за другой, карабкаясь на них. Для моих спутников это было делом минуты; что до меня, то я плохо уцепился ногами и руками за одну из скал и почувствовал головокружение. Направо я пробовал раза два-три прыгнуть дальше; остальные прошли и скрылись, так я и остался, огорченный своим поражением» (Fl. I, p. 457—458).

На ближайшей мызе встретил исследователей упоминавшийся выше купец-итальянец Анджелини, много ездивший по Америке и знавший хорошо самого Боливара Освободителя. Он отправлялся в Европу, строя большие планы касательно разработки руд в Куябá и Гойáс.

Все вместе направились в селение Вилла Гимараэс, основанное в 1751 г. *Conde de Azambuja* и ставшее на картах «городом» (*Villa*) в 1817 г. Теперь оно известно под именем Санта-Анна да Шапада. Здесь была когда-то миссия иезуитов, и в 1827 г. имелось 600—800 жителей, происходивших от крещеных индейцев.

«Индейцы живут здесь в нищете и ничего не имеют своего. Некоторые нанимаются добывать золото на россыпи, отстоящей на 4 легвы и очень бедной, но золото которой лучшего качества, чем в Куябá». В коллекции рисунков экспедиции имеется вид этого селения, нарисованный Адрианом Тонэй. Отсюда также целая серия портретов индейцев и метисов, свидетельствующая о широте интересов и серьезности занятий путешественников. Из них особенно интересны несколько полукровных и одна чистокровная индианка парессí.

Это племя земледельцев, именем которых называется большая область к северо-западу от Куябá (*Campos* и *Serra dos Parecis*),

никогда не было враждебно белым*. Оно было впервые встречено в начале XVIII в. охотниками за рабами и золотоискателями в Мато Гроссо и очень легко подчинилось могущественным пришельцам. Теперь парессí почти уже вымерли. Они ведут меновую торговлю ситами, корзинами и перьевыми изделиями с населением Куябá, Диамантино и São Luis de Cáceres (Вилла Мария), выменивая их на водку, бутылки, одежду и т. п. Упоминаемый в списке метисов потомок Кабура, повидимому, принадлежит

Рис. 12.

какому-нибудь роду тех же парессí. К этому племени принадлежит, наверное, и индеец, нарисованный там же.

Кабишí (Cavexi), изображенный на рис. 17, принадлежит к племени, вероятно, родственному парессí, но враждебно относившемуся к португальцам и беспокоившему в те времена караваны на пути из Куябá в Вилла Балла (ср. К. Ф. Штейнен, указ. соч., р. 426, где даются сведения о мирной группе этого племени на Rio Cabaçal)¹².

В этом селении простился с членами экспедиции упоминавшийся выше Анджелини, который возвращался в Рио-де-Жанейро:

* См. Revista Trimensal, т. XXV, стр. 442, Рио-де-Жанейро, 1862 и К. Штейнен, указ. соч., стр. 424—440. К. Штейнен наблюдал их всего два дня, но успел собрать очень ценные сведения. Прекрасная коллекция предметов от них и фотографии этнографа Dr. Roquette Pinto имеются в Национальном музее в Рио-де-Жанейро.

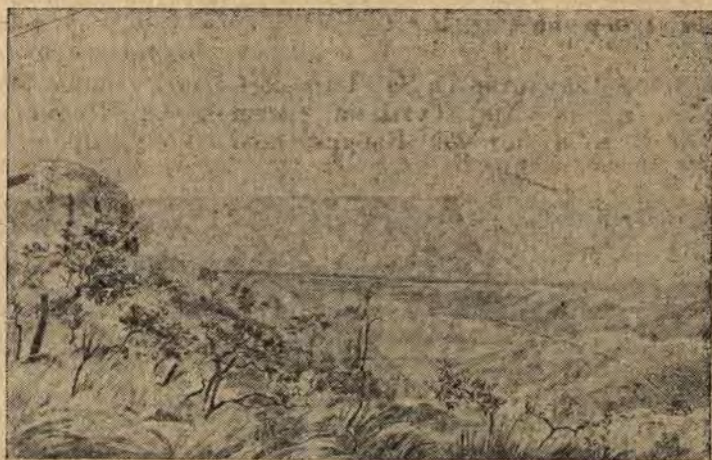

Рис. 13.

Рис. 14.

Рис. 15.

Рис. 16.

«Он брал с собою, по просьбе Г. И. Лангсдорфа, наши коллекции, — говорит Флоранс в дневнике. — Большое количество ящиков, полных естественно-историческими предметами, разные отчеты и рукописи, наши письма в Рио и в Европу и массу рисунков г-на Тонэ и моих, — все это адресованное г-ну Кельхену, вице-консулу России, который должен был разослать письма и доставить все прочее в С.-Петербург». (Fl. I, p. 463).

Рисунки Тонэ и Флоранса за эту часть путешествия достигли места назначения; надо думать, что «отчеты» и «письма» тоже пришли и, если затерялись, то впоследствии.

В Гимараэс (Санта-Анна) экспедиция пробыла полтора месяца. Временами было очень холодно. Флоранс рассказывает даже

Рис. 17.

случай, когда холод в этих местах «убивал людей, как в России». Затем путешественники направились к северу в местность «Quilombó», где находились россыпи алмазов, за двенадцать легв (60 км). Растительность в этой местности очень богата. Особенно восхищается Флоранс огромными «иааасу́» — «пальма с высоким стволом, поднимающим к небу гордую крону, листья которой не гнутся к земле». «Почва здесь полна гольшей больших и маленьких — они обычная «матрица», в которой попадают алмазы. Мы целый час стояли возле добытчиков, занятых отбиранием драгоценного камня. Поиски состоят в промывании земли водою. Г. И. Лангсдорф велел поработать двум своим неграм — в течение получаса они нашли два бриллиантика, которые вместе могли стоить франков 18» (Fl. I, p. 465—466).

Очень мрачно охарактеризован в дневнике владелец невольницы, нашедшей впервые в этих местах за восемь лет перед тем бриллиант в 6 тыс. франков и даже не получившей после этого

свободы. Негры на вечерней молитве у него начинали пение с фразы «Грустно родиться на свет». Он же показывал путешественникам погреб, где запирал жену на время отлучек из дому.

На обратном пути в Куябá посетили Бокаина-до-Инферно с знаменитым водопадом в 200 фут. вышиною. А. Тонэй сделал набросок этого водопада.

ЭКСКУРСИЯ В ВИЛЛА МАРИА. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ИНДЕЙЦАМИ БОРОРÓ

В августе 1827 г. Ридель и Тонэй поехали для исследования в Диамантино, а 26 августа Флоранс и Н. Рубцов отправились в Вилла Мария на реке Парагвае (около 300 км пути). Один Лангсдорф остался в городе. В усадьбе fazenda Jacobinha Флоранс сделал много интересных рисунков индейцев Вогогó, опубликованных К. Штейненом («Globus», Bd. LXXV), но не оказавшихся среди коллекции, хранившейся в Архиве Академии наук. К. Штейнен, сам бывший у борорó, снабдил эти рисунки интересными комментариями, к которым я и отсылаю читателя. Зато у нас имеется еще большая коллекция (15 номеров рисунков Адриано Тонэй от другой группы того же племени и предметы, собранные у них и помеченные декабрем того же года (об этой второй встрече с борорó см. следующую главу).

Ввиду интереса для этнографии, который представляет это место дневника Флоранса, я приведу его целиком, пользуясь сведениями, даваемыми им ниже, при комментировании рисунков Тонэй, лишенных объяснительного текста. Это тем более следует сделать, что по-русски о борорó вообще ничего никогда не печаталось¹⁶.

«1827—4 сентября. Когда кончали завтракать, мы услышали звук рожка, и по дороге, справа большого двора, появилась толпа индейцев. Они были ярко красны от уруку, подвигались гуськом, причем шедший первым впереди играл на инструменте, похожем на коровий рог (рис. 19), издававшим своеобразные звуки. Их было 11 мужчин, 3 женщины и 2 детей, все, за исключением одного, совершенно голые—у некоторых на голове были украшения из перьев разных цветов» (Fl. II, стр. 241) (рис. 18).

Часть этих предметов, описанных ниже, вошла в коллекцию от этой поездки, часть от поездки Риделя—Тонэй.

«Это был «кастик» соседнего племени бороро, явившийся в сопровождении некоторых из своих, на приглашение полковника (хозяина фасенды Жакобинья), который приготовил нам этот сюрприз из любезной симпатии.

Когда они дошли до середины двора, мы встретили их. Все были высокого роста, хорошо сложены и крепки. Их физиономии имели оттенок свирепости, которого мы еще не видели у других индейцев, впрочем, не видали никогда и впоследствии. Длинные и густые волосы спускались до пояса, закрывая спину, и были еще

обогащены прядями длинных волос лошадиной гривы, гладких и черных, как их собственные грубые волосы (рис. 20). Некоторые носили волосы поднятыми на голове, образуя конус, длиною в длину лица и с основанием в ширину черепа. Этот конус, завязанный спиралью веревками, кончался свисавшим пучком волос. Варвары Зондских островов не могли бы придумать ничего более

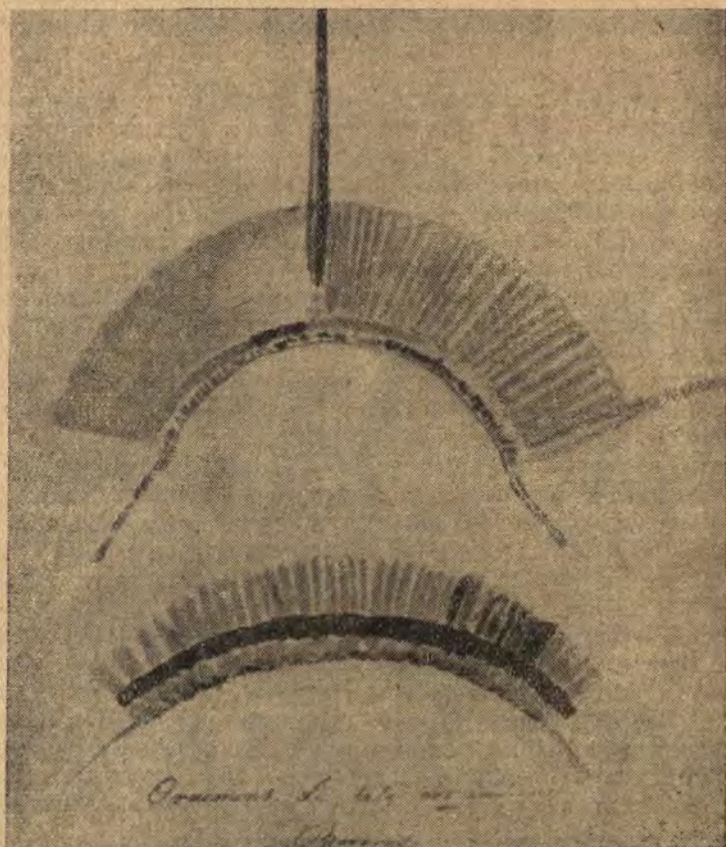

Рис. 18.

дикого. Все они, мужчины и женщины, имели волосы на лбу подстриженными в два ряда—на висках они опускались двумя прядями до линии ушей, а на лбу с середины до бровей опускалась третья прядь, превосходившая длиною остальные волосы надо лбом, подрезанные по горизонтали по верхнему краю лба. У многих на голове были украшения из перьев арары ярких цветов, артистически расположенных веером; у других венцы искусно сделанные из зубов и когтей ягуара и других диких

зверей. Изгиб ногтей с их фалангами и клыков был обращен внутрь, и все было прочно укреплено за фаланги и корни в сплетения нитей тукум. Самые большие находятся в середине, т. е. впереди надо лбом, и идут в обе стороны, правильно уменьшаясь к концам, которые, как и концы лавровых венков героев древности, связываются двумя шнурами» (Fl. II, p. 242).

«Луки и стрелы были выше индейцев сантиметров на 50. Только самый сильный из нас, брат Донны Анны, с трудом мог натянуть лук.

«Касик» (капитан) явился одетым в рубаху, штаны и куртку, уже поношенные и рваные, что делало остальных, несмотря на их наготу, более интересными для нас. Мужчины подвязывают праеputium мочалкою, которая обходит вокруг пояса—совсем как у гуатó (см. выше), другие закрывают его колпачком из листьев. Женщины употребляют странный прием, не знаю—для того ли, чтобы закрыться; если так, то далеко не осуществляют этого похвального намерения. Прежде всего, для этого или для чего-нибудь другого, они стягиваются в талии куском древесной коры 10 дюймов шириною с такою силою, что части тела на высоте желудка, на животе и боках образуют выступы, делая их безобразными; на этом поясе подвешиваются спереди и сзади ленты, шириною в два-три дюйма» (Fl. II, p. 243).

«У одной старухи левая рука была парализована пулею людей полковника, настигшею ее во время войны, которую он вел против племени, вслед за грабежами и убийствами, чинившимися ими среди рабов Жакобинья.

У одного из индейцев на правом паху имелась язва, из которой гной стекал по бедру. Это один из подарков европейцев, так как дикари, не имеющие с ними сношений, не знают этой болезни.

«Касик» титуловал себя полковником и называл—Жоаньо Перейра, имя взятое у нашего амфитриона, которого он был крестником. Несмотря на крещение, он, однако, не стал менее дикарем. Так-то часто сводится ни к чему проявление рвения и большие заслуги перед религией.

Донна Анна велела итти своим диким гостям на большую кухню, им дали поесть и угостили водкою, от которой они едва не опьянели, что неминуемо случилось бы, если бы дать им волю. Затем они вернулись во двор и, по приглашению, исполнили свои игры и танцы.

Они располагаются большим кругом, держась на расстоянии друг от друга. Сначала только поднимают то одну, то другую ногу, согласно медленному ритму, который отбивают ударами ладоней и сопровождают хриплым низким пением, медленным, как и ритм. Вдруг они останавливаются, издают громкий рев, начинают прыгать: одни,—корчась, другие,—простирая руки и подняя голову к небу с остановившимся растерянным взором, третьи,—спускаясь, как если бы хотели присесть на корточки. Затем снова начинается монотонный танец.

Пока борорó исполняли танец, двое из них внутри круга представляли игру в тамандуá (муравьеда). Один становится на четвереньки с ребенком, уцепившимся ему на спину, — это самка большого муравьеда (*Tamandúá Vandeira*) и ее детеныш. Другой его дразнит, тыкая ему палкою в нос. Подражая с большой точностью летаргическим движениям животного, тот, что изображает тамандуá, медленно поднимает голову и одну из рук с согнутыми пальцами, как бы желая поймать палку; — когда он наступает, другой отступает» (Fl. II, p. 243—244).

«Эти индейцы подражают также своим битвам с ягуаром, охоте на тапира (*anta*), волка (*lobo*), лань (*veado*) и т. п.

Говорят они очень скоро: слова артикулируют отрывисто, и почти все имеют голос грубый. Все это в гармонии с их другими физическими и моральными чертами.

С них я сделал следующие рисунки» («*Globus*», 1899, В. LXXV, стр. 7).

1°. «Высокий, стройный и крепкий юноша; мужественное, но свирепое лицо. Через носовую перегородку продето две косточки крыла *Socób* (*Andea*, цапли), другая кость, длиною в 8 дюймов, продета в отверстие под нижней губою и свисает на грудь. Кость эта удерживается внутри рта шариком на конце ее. Прекрасный венец из зубов и когтей диких зверей украшает лоб и несколько полумесяцев из перламутра служат серьгами (рис. 25). Густые и длинные волосы, с надбавкою пряди лошадиной гривы, покрывают плечи и спускаются до поясицы. Лицо, грудь и волосы раскрашены в красный цвет уруку. Бровей нет — они выщипаны; нет и бороды, но по той же причине или нет, — не знаю» (Fl. II, p. 244).

2°. («*Globus*», стр. 7, рис. 7).

«Юноша важного вида, крепкий, но не так хорошо сложенный, как первый. Свирепое выражение лица с чертами, общими его породе, волосы густые. На голове, вместо венца, головной убор из желтых и красных перьев, а позади его ореол из трех рядов перьев, расположенных лучами в виде концентрических дуг. Первый ряд из коричневатых, второй — из голубых, третий — из белых перьев.

Как у всех борорó его *penis* скрыт под колпачком из пальмового листа и привязан за кожу *praeputium* к мочалке, проходящей за поясом и украшенной кусками птичьих костей» (Fl. II, стр. 245).

3°. («*Globus*», стр. 7, рис. 6).

«Человек 40-а лет; выражение гордое, лицо веселое, хотя и дикое. Носит косточку только в нижней губе, в носу таковой не имеет. Волосы выкрашены уруку и слегка вьются. На голове конус в виде огромного тюрбана волос, слегка наклоненного назад, он повязан спирально шнурками и кончается вихром тех же самых волос. Вокруг основания конуса венец из когтей, а в ушах полумесяцы» (Fl. II, стр. 245).

FIG. 19.

«Кроме того, между венцом и конусом спереди имеет связку палочек—то простых, то с костяными наконечниками, которые служат ему вместо ножей при изготовлении стрел (рис. 21).

На груди повешена у него тыковка, вся в дырках, из которой торчат желтые и синие перья,—он свистел в нее, когда входил во двор (рис. 19).

На левой ступне шесть пальцев. Лук и стрелы, что он держит в руках, на треть превосходят вышиною его рост» (Fl. II, стр. 246).

Рис. 20.

4°. («Globus», стр. 7, рис. 8).

«Женщина, несущая, кроме ребенка верхом на плечах, корзину, подвешенную за спиною на лыке, проходящем через лоб. Эти тяжести заставляют ее нагибать голову и тело вперед и не позволяют гордо выпрямиться, как выпрямляются несправедливые мужчины ее племени. Волосы, хотя и подстриженные тем же способом, что и у мужчин,—короче и в беспорядке. Единственное украшение—полумесяцы в ушах»*.

«Широкий пояс из коры и перевязь, закрывающая genitalia, по видимому, кажутся обязательными для женщин борорб, так как все их носят

* [На этом рисунке изображены три женщины; описание Флоранса, по видимому, относится к одной из них.]

Ребенок уже имел зверские черты своего племени» (Fl. II, р. 246)*.

«Всего за 10 лет до того борорó не вступали ни в какие сношения с бразильцами, лишь грабили и убивали их. Хозяин Жакобинья, с разрешения короля Д. Хуана VI, вел с ними войну шесть лет, было убито 450 борорó, а около 50 взято в рабство для работ в имении. Только после пленения касика—того самого, что видели наши путешественники, наступило умиротворение. С тех пор периодически индейцы появлялись в имении за провизией и

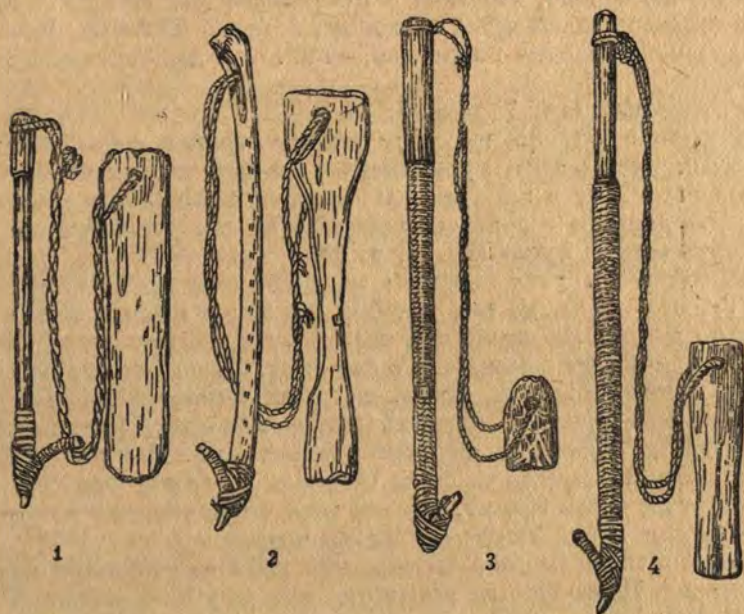

Рис. 21.

особенно для питья водки, до которой стали очень жадны. К жизни в имениях легче всего привыкают женщины, так как в своей среде они—несчастные рабыни. Они крепки в работе, любят прилично одеваться и гордятся тем, что они христианки, не желая более считаться дикарками («*caboclas*») (Fl. II, р. 248).

«Но не все борорó усмирены полковником. Они делятся на *Vogoros dos campos* (полевых), к которым принадлежат те, что посетили нас, и *Vogoros do saçaal*, еще неукротенных, которые учиняли грабежи и убийства на других усадьбах, кроме Жакобинья (которую они боятся), и нападали на путешественников. Наднях они перебили почту из Матто Гроссо (Вилла Бэлла) на той самой дороге, где нам предстояло ехать» (Fl. II, р. 248).

* [Эти же описания Флоранса использованы К. Штейненом; «*Globus*», Bd. LXXV, стр. 8.]

5 сентября 1827 г. Рубцов и Флоранс прибыли в местечко Вилла Мария, едва ли достойное такого названия по своим ничтожным размерам. Кроме негров и мулатов, да шести или семи белых, тут имелись «13 индейцев кабура, потомков катехизованных дикарей, поселенных здесь во времена Донны Марии I. Многие ходят голыми от пояса кверху».

10 сентября, перед отъездом к устью правого притока реки Парагвая—реке Жяурү (Jaugu), для осмотра знаменитой в этих местах каменной пограничной пирамиды, снова пришлось встретить тех же борорд, что были в Жакобинья. На этот раз с ними было гораздо больше детей и женщин и около 20 собак. Флоранс сделал еще несколько набросков, из которых два описаны в дневнике.

5°. «Globus», стр. 7, рис. 5.

«Мужчина лет 35, высокого роста, хорошо сложен, грудь широкая, руки и ноги мускулистые, но шея короткая*. Позади шевелюры перья в живописном беспорядке. Его лук и стрелы на треть длиннее его роста; несмотря на все усилия, я не мог натянуть тетивы лука» (Fl. II, p. 251).

6°. «Рисунок двух женщин» («Globus», стр. 7, рис. 8).

«Та, что слева, на вид лет 40; она имеет вид веселый и несколько полна. На спине она тащит вьюк, который, поставленный на землю, был вышиною с нее саму. Вьюк состоит из свернутых цыновок, кож и шкур, да тыкв, наполненных разными предметами—огромная тяжесть для несчастных женщин, служащих этим индейцам вьючными животными. Все это связано мочалами и подвешено на более широкой петле из лыка, которая проходит им через голову, повыше лба, что заставляет их наклонять шею и лоб и самим сгибаться вперед.

С такой тяжестью они таскают еще ребенка верхом на плечах и шеночка. И это еще не все: когда мужья убьют кабана (Discotylus) или иную дичь, они помещают его в одну из корзин, что несут за спиною.

Другая женщина моложе, пяти футов ростом, крепка и хорошо сложена. У нее тоже свой вьюк и ребенок. На ее грустном лице с глазами, опущенными в землю, видишь как будто вековой отпечаток медленной реакции на несправедливость мужчин, передававшийся от матерей к дочерям.

При виде этих несчастных, обращенных в жестокое рабство, и этих индейцев с гордыми лицами, вспоминается то, что говорит Орельяна касательно поселений женщин, живших отдельно от мужчин, чтобы избавиться от их тирании, расположенных по берегам огромной реки, которую он открыл, назвав ее поэтому рекою Амазонк. Может быть, борорд происходят от какого-либо племени, эмигрировавшего из тех краев, принимая во вни-

* По моим наблюдениям (статьи «Ботокуды» и «Каинганги») это очень характерная и широко распространенная у индейцев особенность.

мание, что после португальской оккупации много диких племен, как тупинамба, не желая подчиняться власти пришельцев, ушли на юг Бразилии.

Я нарисовал еще мальчика и девочку. У первого только маленький лук и стрелы, тогда как девочка уже тащит корзинку с разными вещами, правда не тяжелыми. Тело ее было расписано уруку и она была уже стянута поясом из коры и (описанными выше) лентами. Шестипала на левой ступне» (Fl. II, p. 251—252)*.

* *
*

При спуске вниз по реке Парагваю того же 10-го числа путешественников нагнало несколько лодок гуато. «Я увидел этих индейцев с тем удовольствием, с каким встречают в прохладе прекрасного вечера старых друзей. Этих я еще никогда не видел—они с большой (в 2 легвы) лагуны Гуайава (Guayava или Gaiba auctorum.—Г. М.), лежащей при слиянии реки Парагвая с Сан-Лоурэнсо—но ведь они принадлежали племени гуато, наиболее симпатичному из всех.

Их было три мужчины, три женщины и четверо детей. Физиономия не выражала той дикости, как у бороро. Один из них пришел просить у меня провизии для себя и своей семьи, говоря, что со вчерашнего дня ничего не ели, так как не удалось ни убить ни одного «ясарэ» (каймана), ни поймать ни одной рыбы...

Они пришли несколько дней тому назад в большом числе с Гуайава и Сан-Лоурэнсо, чтобы продать какому-то engenheiro, живущему за 4 легвы отсюда, шкуры ягуаров и других животных. Другие вернулись тотчас же, эти же остались, чтобы построить пирогу» (Fl. II, p. 253).

13-го путники были уже обратно в Вилла Мария, а 14-го на мызе Жакобинья. Отсюда проехали на золотые россыпи.

Наконец, 4 октября Флоранс и Рубцов прибыли в Куяба и стали готовиться к продолжению путешествия вместе с Г. И. Лангсдорфом. К этому времени и остальные члены экспедиции—Ридель и Тонэй—вернулись из своей поездки в Диамантино.

* [«Globus», стр. 8, рис. 9.]

РАЗДЕЛЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ. ВТОРАЯ ВСТРЕЧА С БОРОРÓ

Для исследования большей площади Г. И. Лангсдорф решил разделить экспедицию на две части: Ридель и Тонэй должны были отправиться в Вилла Балла де Матто Гроссо на Рио-Гуапорé и оттуда спуститься по Маморé и Рио-Мадейра в «реку Амазонку» и по ней до устья Рио-Негро; остальные же, во главе с Г. И. Лангсдорфом, достигнуть Амазонки, спустясь по Аринос, Жюруэна и Тапажос. В Barra do Rio-Negro, теперешнем городе Манаос, у впадения Рио-Негро в Амазонку, обе части экспедиции должны были встретиться. Оттуда предполагалось подняться по Рио-Негро, перебраться по соединению Касикиаре в Ориноко и заняться исследованием Гуайан [Гвианы]. Мы проследим обе группы экспедиции до их воссоединения—судьба обеих была трагична и сделала невозможным продолжение поездки.

Ридель и Тонэй выехали на 8 дней раньше остальных—28 ноября 1827 г. Флоранс, конечно, не рассказывает в дневнике об их путешествии, упоминая лишь в одном месте о письме Риделя, с известием о смерти художника; однако автор перевода дневника, племянник умершего, в своем предисловии приводит выдержки из писем его и Риделя, касающихся Вилла Балла и обстоятельств смерти А. Тонэй; кроме того, в коллекции Музея антропологии и этнографии сохранились все рисунки художника, сделанные до самого дня смерти, и предметы из дальнейшего путешествия Риделя. На основании этого материала и прекрасной коллекции вещей от борорó, собранной по пути в Вилла Балла, есть возможность как восстановить самые перипетии странствования, так и извлечь ценные для науки данные из работы путешественников.

Первым этапом пути была Вилла Мария, где в сентябре побывали Рубцов и Флоранс. Отсюда дорога пересекала Парагвай и шла на западо-северо-запад в недавнюю столицу провинции Вилла Балла на Гуапорé.

По дороге от Вилла Мария в Вилла Балла Ридель и Тонэй посещают селение борорó—Рао Сесо, расположенное меж реками Жюру и Парагвай в 7 милях от правого (а не левого, как ошибочно указано в описании рис. 22) берега первой. Это было в начале декабря 1827 г. Повидимому, индейцев надо отнести к группе *borogós-agavirás*, или *sabaçaes*,—крайней западной части племени, о которой упоминает Флоранс, как о непримиримых врагах белых. Рисунки Тонэй дают полную картину быта этих дикарей.

Общий вид поселения имеется на рис. 22. Хижины крыты цельными пальмовыми листьями без всякой предварительной обработки и являются просто продолговатыми большими шалашами

Рис. 22.

без стен. Видны фигуры женщин с характерными поясами. Они, как и мужчины, на всех рисунках с гладко выбритыми головами. Своеобразие прически резко отличает население этого поселка от зарисованных за два месяца перед тем Флорансом длинноволосых представителей того же племени с мызы Жакобинья, правда относящихся к другой группе—*borogós dos campos* (см. выше и «*Globus*», В. LXXV). Мужчины на рисунке вооружены стрелами и луками. Внутренность хижины прекрасно изображена на рис. 23. На первом плане женщина, занятая разбиванием орехов меж двух камней. Орехи пальмы *bocaiuva* составляют, согласно надписи художника на одном из рисунков, главную пищу борорó («*la base de leur nourriture*») наряду с мясом кайманов.

Все индейцы саванн в этом отношении похожи до известной степени на борорó—пальмовые орехи неизменно сопровождают у них всякую еду (например у кадиувео, среди которых мне

пришлось жить в 1914 г.). Первое, что бросается в глаза в хижине (рис. 23)—это высокие «gĩáo», как их называют бразильцы, без которых не обходится ни одна постройка в глуши. Это высоко поднятый к крыше род стола или этажерки, на котором хранится от собак всякое добро. Корзины в форме сумок, сделанные из пальмового листа, не представляющие ничего характерного, так как одинаково свойственны всем племенам верхнего Парагвая, валяются поблизости. В глубине хижины виден лежащий на земле мужчина (борорó не употребляют гамаков) с маленькой труб-

Рис. 23.

кой на длинном прямом чубуке в зубах. Ручной болотный аист tuууú бродит на свободе. Другое изображение внутренности хижины имеется на рис. 24. Здесь обращают на себя внимание военный рог, украшенный перьями и лошадиными волосами*, повешенный на ножке gĩáo. Два таких рога имеются в привезенной экспедицией коллекции (764—58, 59, рис. 19). Очень похожие по устройству рога привезены А. Фричем, Ф. А. Фиельструпом

* Лошадиные волосы служат обычным украшением этого племени. Они в ходу у борорó еще в качестве «шиньонов» или «накладок» (см. выше, а также колл. 765—43 и «Globus», В. LXXV, стр. 8, прим. к рис. 4). У чань, терено, гуанá и др. они имеют подобное же назначение (см. коллекцию Музея антропологии и этнографии от терено, привезенную Ф. А. Фиельструпом и мною; № 2547—5).

и мною от кадиувео (см. мою статью «Музыка и музыкальные инструменты нескольких племен Бразилии» в IV т. Сб. Музея). А. Тонэй изобразил оба этих музыкальных инструмента и отдельно на рис. 19, надпись которого гласит: «Cornets dont ils tirent des sons dans leur marche». На рисунке видно, что они состояли из тростникового пищика, вставленного в узкий конец

Рис. 24.

воловьего рога. Бичевка придерживает перьевые и волосяные украшения. Рог снабжен петлей для ношения его с собой. Пищики обоих музейных экземпляров утрачены. Упомяну, кстати, о другом музыкальном инструменте борорд, имеющемся в числе предметов, привезенных экспедицией—№ 764—5 и изображенном А. Тонэй на рис. 19 «sifflet». Он состоит из тростниковой трубки, вставленной в тыкву, которая продырявлена в шести местах. К свистку подвешены перья арары, ястреба и черные (лошадные?) волосы, подобные украшающим вышеописанный рог. Этот пищик, или свисток, снабжен шнуром для ношения на шее. Повидимому, подобный ему упомянут в дневнике и изображен на рис. Флоранса (см. выше и «Globus», В. LXXV, стр. 7, рис. 6).

Возвратимся к рис. 24—обстановке домашней жизни.

Кроме тех же, что на рис. 23, корзи́н и каменного прибора для разбивания орехов, состоящего из плоского камня-наковальни и шарообразного камня-молота, следует обратить внимание на шкуру ягуара, служащую подстилкой изображенной на ракурсе девочке. Как видно будет ниже, и другие части ягуара—его зубы и когти—утилизируются этими индейцами (это общее правило: у индейцев ни одно животное или растение не бывает использовано в одном только отношении, а всегда в нескольких). Сидящая женщина и лежащая девочка снабжены поясами, или корсетами, из луба, через которые пропущена меж ног полоса мягкого лыка. Корсет («Ceinture d'une jeune fille») имеется в числе приобретений экспедиций (№ 764—61), в нем недостает завязок и упомянутой перемычки (она представлена в Музее двумя экземплярами от А. Фрича и является лентою размягченного лыка). Этот род одежды или украшения носят уже маленькие девочки (рис. 26, а также выше дневник Флоранса и «Globus», В. LXXV, стр. 8, рис. 9).

Мочка уха у женщины растянута в свешивающуюся вниз петлю, но в ней нет никаких серег. Зато у ребенка, как и у всех маленьких детей на рисунках, имеются характерные сережки в виде связок перламутровых полумесяцев (рис. 25). У Флоранса, вероятно, ввиду важности обстоятельств, при которых произошла его встреча с индейцами, явившимися в усадьбу белого их врага, все без исключения изображены с этим украшением. На рис. 19 Тонэй изображает их отдельно, называя «ушные подвески, полумесяцы которых сделаны из раковин». В коллекции их две пары: первая (764—51—52) состоит из хлопчатобумажных кисточек, под которыми болтается несколько треугольников, вставленных в скорлупки и подвешенных на бусяных нитях. Вторую (764—56, рис. 25) образуют несколько сцепленных шнурочком черных колечек, сделанных из скорлупы ореха бокаивува (упоминавшегося выше, как обычная пища*), к ним подвешены очень аккуратно сделанные полумесяцы из перламутра. Это украшение, по словам К. Штейнена («Globus», В. LXXV, стр. 8), не встречается вовсе у группы борорд на реке Сан-Лоурэнсо, его нет также и в нашей коллекции Фрича, посетившего именно последнюю группу. Однако среди предметов, привезенных Фричем, имеется одна любопытная серьга, состоящая из шести таких черных колечек, плотно привязанных друг к другу, снабженная кисточкою из красных перышек. Фрич отмечает, что это единственный встреченный им экземпляр такого типа, но не говорит, — каким способом его носят (коллекция № 1381—103). Форма перламутровых полумесяцев зато воспроизведена в его коллекции

* Такие колечки, употребляемые в качестве серег и приготовленные ставиванием скорлупы на камне, я видел еще у индейцев фая бассейна Паранà и Рио Ивиньема при встрече с ними возле г. Аквдауана. Фая—одна из групп шаваэтов (см. выше).

на украшении из свинца (1381—66), носимом на груди. В старинных коллекциях Наттерера в Венском музее, происходящих от западных борорд, т. е. от тех же, что и здесь рассматриваемые, по словам К. Штейнена, много ушных подвесок с серпами, совершенно подобных описанным (ср. «Lotus», В. LXXV, стр. 8).

На рис. 27 необыкновенно удалась художнику мать с ребенком; хорошо видна «одежда» матери и великолепно схвачено выражение застывшего любопытства на ее лице. Следует обратить внимание на своеобразную позу на одной ноге с высоко поднятой другою — привычка, наблюдавшаяся мною у ботокудов,

Рис. 25.

каингангов и, вероятно, свойственная всем индейцам в качестве позы «неподвижного ожидания» и «внимания». Вся грудь и поверхность бедра покрыты горизонтальными черточками, вероятно, роспись, а не татуировка. Ярkokрасные пятна на стриженной голове, руках, груди и т. п. у этой и других фигур, несколько слишком ярко намеченные на рис. 26, показывают, что и у этих борорд в обычае раскрашивание тела красною краскою уруку. На рис. 26—девочка-подросток украшена характерными серьгами. У мужчин на том же рисунке хорошо виден колпачок на penis'e в отверстии которого продета часть кожи praerutium (см. выше дневник Флоранса). У одного из них в носовую перегородку вставлена тонкая косточка—характерное украшение западных борорд, совершенно не свойственное восточной группе, как утверждает Штейнен. На рис. 27 мужчина нарисован в танцевальном

уборе и с оружием в руках. В ушах и носу уже известные нам подвески и палочка. Вокруг рта проведена широкая черная полоса—способ раскраски лица, заслуживающий внимания своей

Рис. 26.

примитивностью (ср. у ботокудов). В нижнюю губу вставлена, сверх того, еще длинная косточка или палочка (как и на карандашном рисунке «Портрет одного из вождей борорò»^{*}). Такая палочка

^{*} [Рисунок не публикуется.]

имеется только в коллекции Фрича, но зато в материалах экспедиции Лангдорфа имеется любопытный предмет (764—55, рис. 28), представляющий, повидимому, вариант пепочек, свешивающихся с втулки, вставленной в нижнюю губу (К. Штейнен. *Unter dem Naturvölkern Zentral-Brasiliens*. стр. 475). Подобные

Рис. 27.

изображенной Штейненом цепочке, имеются также в коллекции А. Фрича в Музее антропологии и этнографии.

Описываемая цепочка (рис. 28) состоит из семи черных колечек из скорлупы ореха пальмы. К нижнему колечку привешено два перламутровых треугольника на ниточках бусин, из которых

один снабжен влагалищем из скорлупки какого-то семени (ср. выше сержи, 764—17). Втулка в губу сделана из кусочка камыша и довольно толста, толще обычных тембета (губных палочек) этого племени. На голове мужчины, покрытой длинными волосами (накладкой из конских волос?), помещается веерообразное

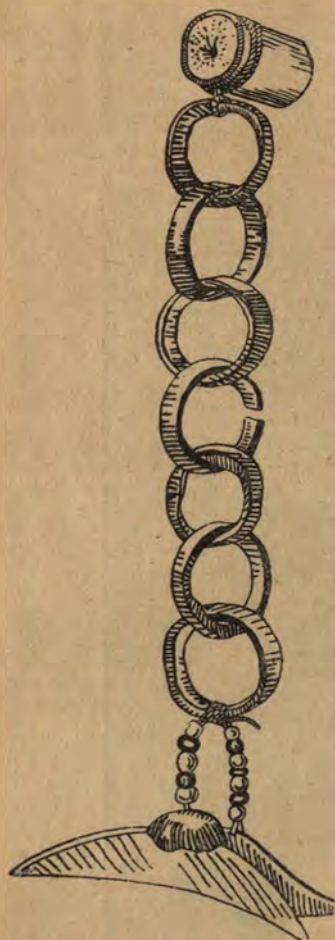

Рис. 28.

украшение из перьев голубого цвета, в виде нимба. Это одна из разновидностей диадем; подобная изображена у Флоранса (см. выше и «Globus», стр. 7, рис. 7). В коллекции № 765 имеются три таких диадемы (№№ 3, 4, 5, рис. 29). Они состоят из ряда больших перьев, снабженных у основания несколькими рядами плетеных в сетку мелких красных перышек. Эти красные перышки и образуют у внутреннего края диадемы валик, видный на упомянутом рис. Флоранса в «Globus». В коллекции имеется и метлообразное украшение на головной булавке, воткнутой впереди диадемы (765—23). Оно состоит из двух связанных тонких палочек, на вершине которых красуется пуч темнозеленых перьев, привязанных на гибких жгутах к общей основе. Булавка, изображенная на рисунке Флоранса (рис. 30), — это № 765—22 коллекции. На тонкую деревянную спицу насажен кусочек камыша, местами смазанный воском. К нему примотаны вощеною нитью красные и желтые перышки. Такие же перышки на толстых жгутиках из мочалы, сообщающих им подвижность, образуют султан на верхнем его конце. Эти своеобразные украшения, повидимому, не встречены на Рио Сан-Лоурэнсо. О них ничего не говорит К. Штейнен и в коллекции Фрича нет подобных предметов.

Кроме описанного головного убора, среди материалов экспедиции есть и типичный, подробно описанный Штейненом и изображенный на табл. 1 его книги. Он состоит из трех частей: 1) огромной диадемы (765—1, 2) «рагисо» (отдельное изображение см. в той же книге, стр. 478), из рулевых перьев красного арары, или заменяющей ее желтой диадемы меньшего размера с тремя только такими перьями (в середине и по краям) (рис. 18, верхний);

2) другой диадемы из коротких белых, желтых и черных обстриженных на конце перьев (764—44, рис. № 18, нижний)—эту вторую носят как козырек (см. на той же таблице ук. соч.), наконец, 3) так называемая *kurigúgua* из полосатых рулевых перьев коршуна (масан?), надеваемая позади «парико» на затылок (765—9) (рис. 31б). Кроме этой, имеются №№ 6 (рис. 31а), 7 и 8, совершенно сходные по форме, изготовленные уже из перьев другой птицы. № 765—14 коллекции—есть, повидимому, маленький (может быть, детский?) «парико».

Ни на одном из изображенных А. Тонэй индейцев нет еще одного характерного головного украшения борорд—короны из

Рис. 29.

когтей ягуара, которая имеется почти на всех рисунках мужчин у Флоранса. Тем не менее корона, имеющаяся в коллекции Музея (764—55), происходит именно от Риделя—Тонэй и изображена последним отдельно на рис. 32 (первая внизу слева), сделанном, как и другие рисунки отдельных предметов, уже по приезду в Вилла Бэлла де Матто Гроссо (старая этикетка ее гласит: «*Cu-gonne d'ongles d'once des indiens Bororos*»). Она, как и описанные Флорансом выше, состоит из сплошного ряда когтей ягуара, расположенных очень правильно с самыми мелкими по краям и крупными в середине. Всего когтей на ней 47, т. е. от трех, по крайней мере, зверей. Основу ее составляет деревянный тонкий обруч, которого вовсе не видно за сплошной обмоткой из нитей.

Когти помещаются сверху обруча и примотаны к нему петлями вошеной или смоленой толстой нити. Кроме того, они скреплены друг с другом (с внешней стороны) четырьмя рядами петель, захватывающих их один за другим. Это устройство делает их

Рис. 30.

совершенно неподвижными на обруче и придает необычайную прочность всей вещи.

Корона, изображенная у К. Штейнена (ук. соч., стр. 220), от восточных борорб, имеет всего 24 когтя, расставленных широко друг от друга и схваченных только одним рядом петель. Подобная ей находится и в Музее Академии среди предметов,

полученных от А. Фрича (№ 1381—58), всего из 17 когтей, едва держащихся на обруче и тоже схваченных лишь одним рядом петель. Может быть это различие следует приписать различию в традициях этой и другой групп, но, скорее, просто борорб стали не столь «bravos» (смелыми, дикими), и в настоящее время реже вступают в единоборство со страшным зверем леса, а стало быть и реже добывают его когти.

Из зубов ягуара делают нагрудное украшение, также представленное в коллекции русской экспедиции (№ 764—53, рис. 33). Оно состоит из всех четырех клыков пасти зверя, симметрично расположенных, и десяти коренных его же, по пять с каждой стороны, по бокам от клыков. Зубы примотаны к шнуру, надеваемому через шею, и клыки, кроме того, покрыты обмоткою в средней своей части. На реке Сан-Лоурэнс (К. Штейнен, табл. 1) такое украшение снабжается подпоркою в виде горизонтальной палочки позади зубов, а коренных употребляется всего один-два с каждой стороны (см. также коллекцию А. Фрича в Музее антропологии и этнографии, №№ 1381—27 и 101).

Другое нагрудное украшение из зубов, но несколько более сложного устройства, делается из клыков *Dicotyles* а-дикой свиньи (колл. № 765—40, рис. 32, верхний слева). Зубы направлены попарно, вогнутой стороной книзу, и спаяны

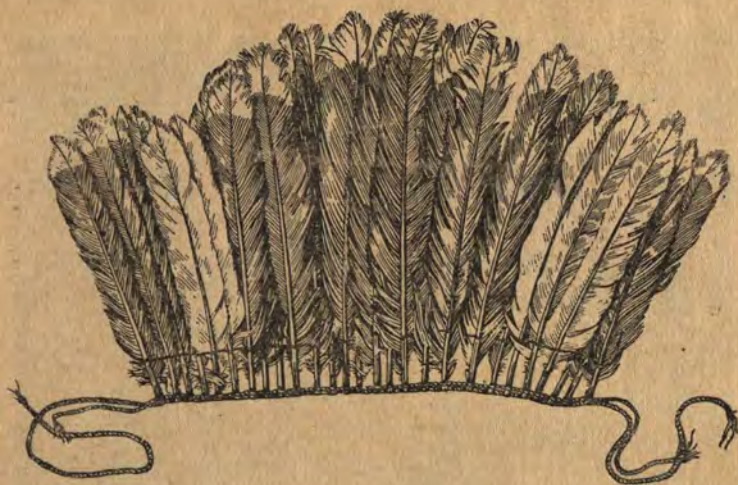

Рис. 31 а.

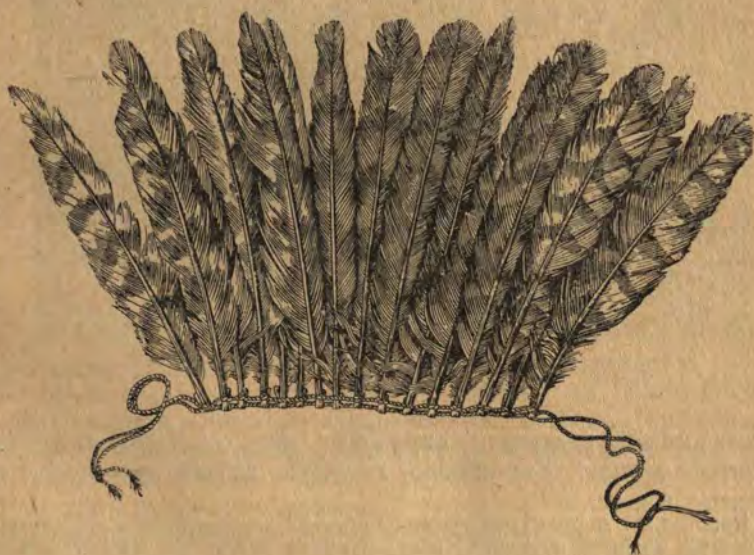

Рис. 31 б.

в середине толстою бляхою черной смолы. В смолу вдавлены колечки из перламутра*. Под спайкой кисточка, образованная

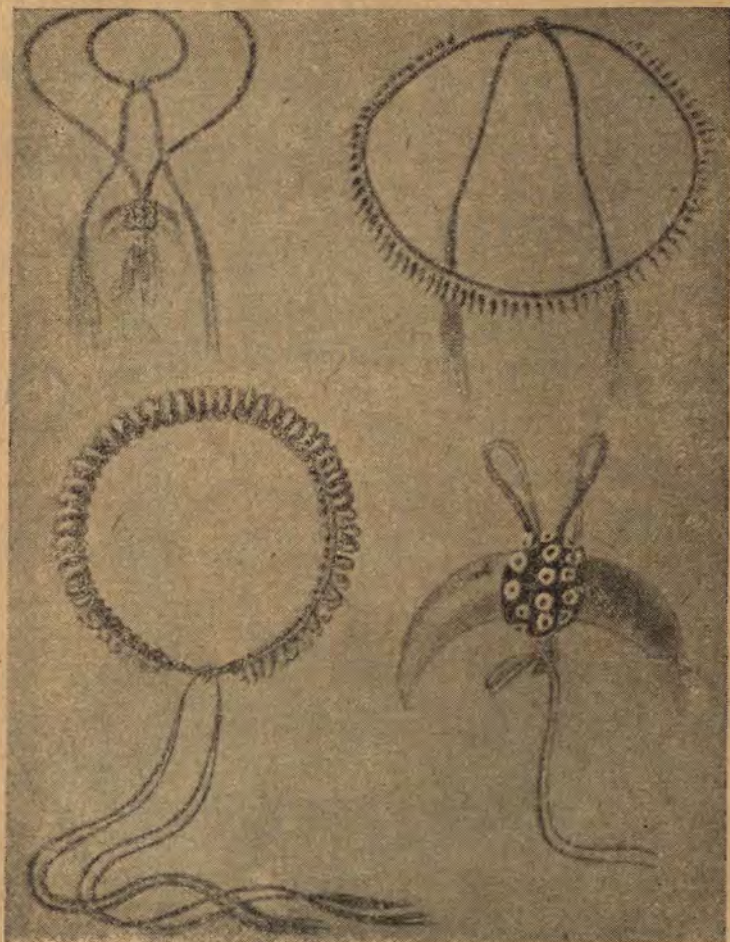

Рис. 32.

концами нитей шнурков, служащих для подвешивания этого предмета на шею. Украшение из двух только зубов того же

* Колечки из перламутра, укрепленные на темном фоне и образующие примитивный плоский орнамент, употребляются далеко не одними борорб; у матако верхнего притока реки Пилькомайо так украшаются свистки, а у чиригуано (группа племени гуарани) предгорий Анд Боливии совершенно тем же способом применяются бусины на губных втулках—тембета (F. F. O u t e s—C. V g u c h. Los aborigenes de la Republica Argentina. Buenos Aires, 1910, стр. 71—81).

животного имеется у нас и от восточных борорд—от А. Фрича (№ 1381—100), но они скреплены смоляною бичевкою, а не спяны смолою, как в описанном случае.

Отчетливая форма полумесяца появляется на другом нагрудном украшении, изготовляемом из когтей броненосца (*tatu canastra*, *Dasyurus giganteus*) (№ 765—39, рис. 32, нижний справа).

Рис. 33.

Как и в предыдущем случае, когти склеены смоляною бляхою, в которую вставлено 9 колечек из перламутра. Концы шнуров и здесь свешиваются вниз в виде тонкой кисточки. Изображенные у К. Штейнена (стр. 479) и имеющиеся в коллекции А. Фрича тождественные с ними украшения (№№ 1381—24, 25) от восточной группы племени претерпели эволюцию в сторону увеличения размеров кисточки, свешивающейся вниз, и даже прибавления к ней перьев, наряду с уменьшением количества смолы. Естественные вихры шнура превратились в искусственную густую кисть, равноправную с когтями, отступившими от своей первоначальной роли.

Не только когти броненосца, но и его зубы употребляются на украшения: рис. 32 (верхний справа), соответствующий предмету № 765—41, изображает мужской пояс (?) из толстого вязаного шнура, к которому подвешены цилиндрические зубы этого неполнозубого. Это еще иллюстрация правила многосторонности

использования раз вошедшего в употребление материала, в данном случае — броненосца.

Другой мужской пояс (?) сделан из косточек птиц (как изображенный на рисунке Флоранса, «Globus», В. LXXV, рис. 7), чередующихся с чечевицеобразными темными семенами. Длина его около 2 м. Как упоминалось выше, косточки птиц идут еще на украшение носа.

Наконец, еще один мужской пояс—№ 764—40 коллекции (рис. 19)—«ceinture de sabots de cerfs». Он сделан из плетеной из травы ленты, к которой подвешены копытца лани, издающие шум при движении. Подобные украшения чрезвычайно распространены как в Чако, так и у некоторых племен бассейна Параны (например фая, каюá).

Очень любопытны, как образчик подражательного творчества, предметы №№ 764—46, 47, 48, 49. Этот ряд «когтей» или «зубов», сделанных из скорлупы ореха пальмы, прикрепленных к шнуру тем же приемом, что и когти в описанной выше короне (№ 764—45). Носится он на голове или в виде поножей—неизвестно. Браслет виден только на одном рисунке (26),—это многократная обмотка. Браслеты на ногах (под коленами и на щиколотке) имеются у ребенка и девочки на рис. 24.

Рис. 34.

Что касается до оружия борорó, то в коллекции его образцов не сохранилось*. Зато есть рисунок стрел А. Тонэй (рис. 34), где хорошо виден тангентальный способ их оперения и обмотка из кожицы *сиро имбэ* (*Philodendron*). На рассмотренном выше рис. 27 в руках у разряженного воина изображены лук и стрелы с бамбуковыми наконечниками, повидимому, ничем не отличающиеся от тех, что имеются в Музее от восточной группы борорó. Ни одного лука, обклеенного пухом и перьями, нет на рисунке. Вообще обычной обклейки перьями, столь оригинальный и бросающийся в глаза во всякой коллекции предметов от борорó с реки Сан-Лоурэнсо, не отразился ни на одном предмете всей коллекции Лангсдорфа,—не указывает ли это на недавность его возникновения?

При выделке стрел эти индейцы употребляют своеобразный инструмент (рис. 21), подобный тому, что описан у К. Штейнена под названием «*Karivaga Meissel*» (ук. соч., стр. 287). Существенным отличием является то, что здесь употреблен гораздо более тонкий зуб агути (*Dasypocta*). Из семи таких предметов два (рис. 35, коллекция № 764—17/2) снабжены привеском из ниточки бус с перламутровым треугольничком в скорлупе и остатком пучка ярких перышек. Это обстоятельство свидетельствует о не только рабочем значении инструмента и прекрасно согласуется с описанным в дневнике рисунком Флоранса («*Globus*», В. I XXV, рис. 6 на стр. 7), где такие инструменты воткнуты в прическу в виде украшения. Остальные четыре не имеют такой подвески, но зато снабжены

Рис. 35.

* Кроме маленького лука для трепания хлопка, может быть ашиакá? (№ 765—54).

летлями с какими-то обглоданными дощечками из мягкого дерева, назначение которых я отказываюсь разгадать. Ручки трех из этих предметов сделаны из древесины пальмы (вероятно, *Astrocarium*), а четвертого—из кости предплечья какой-то птицы. Ни один из них не воспроизводит в точности того, что изображено на рис. 34 (первый слева) А. Тонэй,—вероятно, этот экземпляр утрачен.

В заключение, нашего внимания заслуживают еще бытовые сценки, удачно схваченные художником. Индеец рассказывает внимательным слушателям о единоборстве своем с ягуаром. Как

Рис. 36.

все индейцы, он не удовлетворяется одним языком, а воспроизводит все свои движения и даже пускает в дело лук и стрелу во время рассказа.

На другом рисунке—ночное пение индейцев. Шаман на корточках с большой (характерной для всего племени) погремушкой в руке, остальные в кружок перед ним*.

На рис. 36 изображены и сами путешественники—Ридель и Тонэй—в доме, вероятно, какого-нибудь помещика, где они поселились вблизи лагеря индейцев. Фигуры дикарей, как и на рис. 26, являют картину неподвижного созерцания и озадаченности—обычное состояние их при встрече с европейцами. Здесь запасаются темы для разговоров на целые месяцы или даже годы¹⁷.

* [Рисунки не воспроизводятся].

ВИЛЛА БЭЛЛА. СМЕРТЬ ТОНЭЙ. ПУТЬ РИДЕЛЯ

18 декабря 1827 г. путешественники уже достигли Вилла Бэлла (Villa Bella de Matto Grosso), основанной в 1752 г. и бывшей до Куябá столицей провинции.

В письме к братьям, написанном отсюда, которое в извлечении напечатано его племянником в предисловии к дневнику Флоранса, Тонэй описывает остатки былого величия в почти покинутой старой столице. Во дворце губернаторов все осталось нетронутым со времени отъезда последнего из них—мебель, картины, шкафы, письменные столы—и постепенно ветшало. Дворы заросли травой. Ридель и он устроились вблизи дворца, в ожидании, пока не освободится дом, им предназначенный.

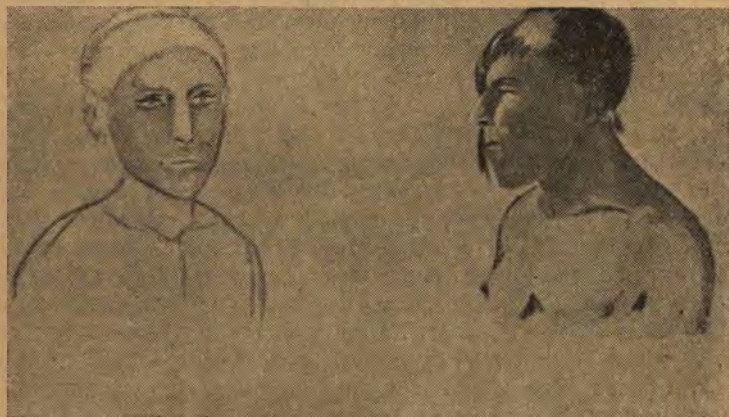

Рис. 37.

Во дворце была скопирована художником целая серия портретов португальских королей и губернаторов провинции Матто Гроссо, которая вошла в коллекции Музея Академии наук*.

Путешественники, по условию, должны были оставаться три-четыре месяца в Вилла Бэлла, так как, если бы выяснилось, что остальным не удастся в эту зиму спуститься в Амазонку, то пришлось бы вернуться в Куябá и следовать уже новому плану.

Они решили воспользоваться временем ожидания и совершить экскурсию в *Gasalvasco*, селение, лежащее вблизи границы с Боливией в расстоянии около 14 легв (70 км). Выехали 30 декабря. 1 января 1828 г. посетили *S.-Luis* и *Salinas*—два крайних поста Бразильской империи в Северном Чако, а 3-го, повернув обратно, остановились в Казалваско. Из этого маленького селения происходят два рисунка А. Тонэй, входящие в нашу музейную коллекцию. Они изображают типы индейцев племени *Xiquito*

* [Ныне хранятся в составе всей коллекции рисунков художников экспедиции в Архиве Академии наук СССР (Фонд № 63, опись 2).]

или Chiquitano (рис. 37). Горбатые носы, слишком подчеркнутые, и светлый цвет кожи резко отличают их от других индейцев и, вероятно, являются следствием столетнего пребывания испанских миссионеров в их среде. Dobritzoffer в своей великолепной книге об абибонах с похвалой отзывается о мирном и пассивном характере этого племени, среди которого миссии насчитывали в конце XVIII в. 20 тыс. праведной паствы в восьми поселениях, разбросанных к югу от Рио-Гуапорэ и Вилла Бэлла (ближайшее селение С. Рафаэль—в нескольких милях от нее). В настоящее время можно встретить этих боливийских индейцев близ Корумба, где они живут колонистами наряду с белыми и неграми, которых привычки и обхождение они вполне усвоили.

Рисунки, сделанные Тонэй, были его последними работами, так как на обратном пути из Казалваско в Вилла Бэлла он утонул в Рио-Гуапорэ. Вот как рассказывает об этом трагическом случае Ридель в письме к родственникам художника из Вилла Бэлла (датировано 10 марта)*:

«Мы оставили Казалваско утром 5 января, чтобы вернуться в город. Ваш брат, мой несчастный друг, который не мог принудить себя следовать медленному движению каравана, опередил нас, и скоро я потерял его из виду. Между тем, по следам лошади я видел, что он не терял верной дороги до 3 легв до Матто Гроссо, но тут разразилась буря с ливнем, который в одну минуту наводнил все окружающие луга. Я подъезжаю к реке Гуапорэ, не встречая моего друга, но предполагая, что он спрятался от дождя в какой-нибудь лачужке у дороги. Переезжаю реку в челноке, не без риска, так как вода сильно прибыла, и в 4 часа вечера прибываю в Матто Гроссо, где мне сообщают роковую новость.

Адриано потерял дорогу за легву (5 км) до города; переправился дважды через Рио-Алегре и попал в заросль сахарного тростника, где какая-то негритянка указала ему тропинку, ведущую через лес и болота на берег Гуапорэ, против самого города, на 300 шагов выше пристани. Приехав туда, он увидел на том берегу женщину, полоскавшую белье, и попросил, чтобы позвала перевозчика. Гром гремел и дождь лил ручьями. Адриано теряет терпение, берет за поводья коня и, поручая его прачке, загоняет его в воду. Женщина предупреждает его об опасности, показывает ему, что лодка уже приближается. Но ничто не отклоняет его от пагубного намерения, он бросается вплавь, достигает середины реки, теряет силы, захлебывается, борется с волнами, кричит, поднимает руку и исчезает жертвою опрометчивости в тот момент, как подъехала лодка. К несчастью, перевозчик не умел нырять...» (Е. Т., р. 352).

Тело художника было найдено 8 марта, и он был похоронен вблизи пристани, в церкви Санто-Антонио, спрятанной в густой и обширной роще апельсиновых деревьев.

* Письмо это приводится в упоминавшемся предисловии к переводу на португальский дневника Флоранса.

Списавшись с главою экспедиции, Л. Ридель не возвращался в Куяба, а продолжал путешествие один.

В мае мы застаем ботаника на Рио-Мадейра у знаменитых порогов и водопадов ее, которые недавно обойдены железной дорогой (гербарный экземпляр № 1270). Здесь были еще многочисленные тогда мирные карипуна (Caripunas), о встрече с которыми

Рис. 38.

Риделя свидетельствуют два предмета от них—гамак и рубашка из луба (рис. 38, колл. № 764—67). Карипуна (Martius op. соч. стр. 45 и сл.) около того же времени наблюдались другим путешественником—австрийцем Наттерером, тоже спустившимся по Рио-Мадейра. Согласно его сведениям, они носят длинную рубашку из луба *figeira*, защищающую от укусов жалящих насекомых—обычай, будто бы заимствованный у белых соседних миссионерских поселков. Рубашка нашей коллекции (рис. 38, 764—67) «Chemise des indiens Caripunas du Rio Madeira»,—гласит этикетка,—

безрукавка с сагиттальным прорезом для шеи, имеет вид прямоугольника и своей примитивностью напоминает пончо области Анд и пампы. Я думаю, что о заимствовании от европейцев не может быть и речи в отношении этой одежды, чисто американской и по крою и по материалу. Тамак (764—68), на этикетке которого значится—«*Namac des indiens Caripunas du Rio Madeira*», очень упруг и прочен. Он светлошоколадного, слегка рыжеватого цвета и сделан в виде широкопетельной сети из слабо ссученных нитей из лыка. Украшений никаких не имеется.

В июне 1828 г., как свидетельствует гербарный экземпляр № 1305, Ридель находится уже в местечке Борба на правом берегу нижнего течения Рио-Мадейра, за полтораста километров от впадения ее в Амазонку. Здесь он остается до августа, а в сентябре мы застаем его около Barra do Rio Negro (теперешний Сантос). Экскурсии по Рио-Негро обогащают гербарий. Только в ноябре 1828 г., после получения известий из Сантарема о болезни Лангсдорфа и невозможности продолжать путешествие, Ридель добирается до города Сантарема у устья Рио-Тапажос, куда еще 1 июля прибыла другая, главная, часть экспедиции с Г. И. Лангсдорфом во главе, к истории которой мы и обратимся.

ПУТЕШЕСТВИЕ Г. И. ЛАНГСДОРФА, Н. РУБЦОВА И ФЛОРАНСА

НЕГРЫ ДИАМАНТИНО. ОТ ДИАМАНТИНО ДО ЗЕМЕЛЬ ИНДЕЙЦЕВ АПИАКА

Через восемь дней после отъезда Риделя и Тонэй из Куяба. 5 декабря 1827 г., Г. И. Лангсдорф, Рубцов и Флоранс выступили на север, направляясь к первому этапному пункту своего пути—Диамантино (Nossa Senhora de Conceição do Alto Paraguaçu).

Переправившись 9-го через Рио-Куяба, 11-го экспедиция уже карабкалась на крутую Serra do Tombador. На следующий день, посетив истоки Парагвая в местности, называемой Sete Lagôas, около 4 час. пополудни, путешественники были в Диамантино.

Пробывание здесь продолжалось 3 месяца. Это селение, теперь почти вовсе не существующее, тогда еще привлекало золотоискателей и искателей алмазов.

Флоранс, не уставая восхищаться окружающей природой, отзывается неблагоприятно о самом поселке.

«Горизонт в Диамантину ограничен, окрестности не возделаны и климат слишком нездоров. Здесь царствует перемежающаяся лихорадка, о пагубном воздействии которой свидетельствует бледность жителей.

В течение нашего трехмесячного пребывания от этой болезни померло три молодых парня, молоденькая девушка, проболевшая всего три дня, два или три лица преклонного возраста и пять или шесть детей. Повсюду видишь только больных, а население не превышает и 3 тыс. душ.

Авантюристов привлекали в Диамантину только драгоценные камни—не потому, чтобы почва не была плодородной, но ведь не в центре же Америки, без дорог и средств сообщения, место для обработки земли. Кроме того, искатели драгоценных минералов («mineiros» как их называют в Бразилии) умеют только копать в земле—поэтому не видишь вовсе плантаций сверх того, что требуется потребностями местечка...».

Работа ведется при помощи негров-невольников. Каждый «минейро» имеет их десятки. На берегу какого-нибудь ручья домик, крытый травой или черепицею для хозяина и жалкие хижины для 30—40 негров, занятых поисками алмазов; в более богатых местах тут же имеются и плантации.

Негры обязаны представлять в неделю на 4 доллара 800 алмазов; иногда это позволяет им из остального составить капитал и откупиться от хозяина. «Я знал одного негра кабинда, который, собрав

Рис. 39.

денег для освобождения своего, своей жены и детей, купил, в свою очередь, рабов и алмазные копи. Этот почтенный негр уже отпустил на волю человек двадцать своих рабов и имел еще 30—всех здоровых, сильных и довольных». Путешественникам удалось присутствовать в день Св. Бенедикта—святого черного цвета*—на празднестве негритянского населения с национальными плясками, продолжавшимися целый день. На другой праздник негры проявили самую безумную расточительность, употребив полосу французского шелка, очень дорогого в Диямантинó, для ковра «королевы праздника».

С этих-то самых разношерстных по племенному составу негров-рабов, родившихся и выросших еще на неведомом в то время

* Статуэтка этого специального негрского святого находится в Музе Академии [№ 2541—2], привезенная мною. Это своеобразный пример приспособления религии к местным условиям. Св. Бенедикт изображается совершенно черным и является патроном всех негров.

«Черном материке», сделано Флорансом пять прекрасных рисунков нашей коллекции (три из них—рис. 39, 40, 41).

Рисунок 39 изображает негра племени кабинда. Кабинда принадлежат к западным банту и ввозились в большом количестве из Лоанды (С. М. Delgado de Cavalho: Geographia do Brazil, стр. 212). На рис. 40 значится: «Negre Congo»—название, дававшееся разным, повидимому, племенам, и теперь употребляемое для обозначения последних остатков привозных невольников, еще не утративших своего родного языка и не знающих португальского. Наконец, на рис. 41 негритянка Реболо с выпуклой

Рис. 40.

розеткой шрамов на лбу (о неграх в Матто Гроссо см. статью Max Schmidt. Die Negerbevölkerung des Staates Matto Grosso in Zentral-Brasilien. Koloniale Rundschau Monatschrift für die Interessen unserer Schutzgebiete und ihrer Bewohner. 1907, H. 4. April, стр. 225—242).

9 марта 1828 г. экспедиция переехала в Диамантину к пристани на Рио-Прéто, куда еще раньше был перевезен багаж ее и где надо было окончательно снарядиться для путешествия на Амазонку. Рио-Прéто—приток Рио-Аринос, впадающей в Рио-Жируэна, в нижнем течении получающей имя Тапажос.

Бразильское правительство предложило Лангсдорфу в обмен на его лодки, прибывшие в Куябá, другие три, уже находившиеся у пристани Рио-Прéто. О самом месте, где теперь поселились участники экспедиции, Флоранс в своем дневнике говорит следующее:

«Это-таки грустное место—русло реки узко и темно с черным илистым дном, как указывает само название (Рио-Прéто—значит Черная река); почва сыра; воздух тяжелый, задержанный в лесной заросли в полторы легвы в окружности и так насыщенный

перемежающейся лихорадкой, что купцы не рискуют появляться здесь раньше, чем их лодки не будут готовы к отплытию.

Несмотря на все эти неудобства, есть в этом месте что-то такое, что производит впечатление на путешественника. Хотя большие деревья и были срублены, чтобы расчистить открытое место, но при приближении к реке приходится пробираться под лианами удивительной толщины и формы; слева видны «расова» (*Heliconia*, в других местах называемая *caité*), с колосьями цветов таких

Рис. 41.

размеров, к каким мы вовсе не привыкли. Заметно, что находишься уже в бассейне Амазонки.

Вот ночь покрыла нас своим темным покрывалом. Среди леса, в тесной палатке, из которой не высунешься, так как дождь в это жаркое время года падает почти непрерывно, — что будешь делать?

Мы пишем...

Вскоре мы оказались здесь в объятиях перемежающейся лихорадки, называемой здесь «*sezoës*» — заболели Лангсдорф, Рубцов и восемь человек рабочих».

Немного спустя хворало уже 15 человек.

«31 марта 1828 года. Вот уже 22 дня как мы расположились в этом проклятом порте. Г-н Лангсдорф раздает и сам принимает рвотные и другие лекарства. Что до меня, то я, по счастью, страдал два дня только головною болью и последующей слабостью.

Сегодня, наконец, в 10 час. утра наша флотилия, из двух лодок-однодревок (*canoas*), одного баркаса (*batelao*) и маленького челна с

экипажем, в составе проводника, двух рулевых (pilotos), трех помощников и 28 гребцов, — отплыла, чтобы доставить нас в Uxitiba — пристань на Тапажосе, недалеко от его впадения в Амазонку».

Плаванье по быстрой реке среди зарослей, поваленных стволов и толстых сучьев, над самой поверхностью воды, ежеминутно грозило увечиями пассажирам. По счастью, только двое из гребцов были ранены в этот день.

1 апреля в 4 часа уже вошли в Рио-Аринос и переночевали на ее правом берегу.

2 апреля миновали таможенный пост на реке, контролирующей товары из провинции Парá и подстерегающий беглых рабов и дезертиров.

3 апреля. Рубцов настолько плохо себя чувствует, что Флоранс берет на себя наблюдения компаса.

4 апреля. Лихорадка, наконец, захватывает и Флоранса.

6-го и 7-го он отмечает в дневнике только то, что находится во власти приступов жара и озноба — на этом прекратилось правильное ведение дневника; менее страдая, чем спутники, он, однако, успевал записать кое-что на продолжительных остановках и дополнил на память по приезде в Сантарем (у устья Тапажос).

10 апреля сделали привал на «Aldea Velha» — месте прежнего селения индейцев апиакá, в земли которых экспедиция теперь вступала.

ИНДЕЙЦЫ АПИАКА

Ввиду того, что экспедиция Лангсдорфа до сих пор единственная, посетившая этих индейцев, и материал, их касающийся, тоже единственный в своем роде, — я считаю уместным несколько подробнее использовать литературные данные, правда, ничтожные по объему, касающиеся этого племени, тем более что по-русски о нем ничего не печаталось, а время, к которому они относятся, очень близко ко времени путешествия Г. И. Лангсдорфа. Апиакá (Ariacá) вступили в постоянное сношение с бразильцами в начале XIX в. Вот что рассказывает об этом в «Revista Trimensal», за 1844 г., v. VI: «Memoria sobre os usos, costumes e linguagem dos Appiacás etc.» José da Silva Guimarães, natural de Guyabá, Comendador da Ordem de Christo, e Membro Correspondente do Instituto Historico e geographico do Brasil, написанная по этому случаю и представляющая единственный до сих пор и то косвенный источник сведений о нравах этого племени*. Поводом к вступлению в сношения с этими индейцами послужило то обстоятельство, что в 1815 г. была разрешена на 10 лет беспошлинная торговля

* Я узнал об этой ценной работе по ссылкам на нее Штейнена в «Globus» В. LXV. Ввиду важности ее сведений для толкования коллекции предметов и рисунков нашего музея, я счел необходимым сделать из нее значительные извлечения, тем более, что португальский оригинал уже стал библиографической редкостью, особенно у нас в России (я пользовался экземпляром «Revista» библиотеки Академии наук).

меж провинциями Парá и Матто Гроссо по Рио-Аринос и Рио-Тапажос. Это заставило губернатора последней провинции принять меры к безопасности пути—именно: обеспечить себе расположение прибрежных жителей и ловких гребцов—индейцев апиакá. До того времени, как водилось везде, проезжие, с детства привыкшие бояться индейцев, зря стреляли в лес, чем вызывали вражду с их стороны и вполне естественное стремление избегать встреч с белыми. Получив подарки от губернатора, апиакá стали появляться путешественникам, среди которых нашлись скоро такие, что пожелали остаться в их среде, как это случалось очень часто при подобных обстоятельствах повсеместно в Южной Америке. В 1818 г. несколько юношей были привезены в Куябá с караваном, пришедшим с Амазонки, и здесь усердно обласканы и обдарены; между прочим, им даны были семена полезных растений для посевов. В 1819 г. вождь апиакá уже сам явился с группою своих соплеменников к губернатору. С ним приехал некий Braz Antonio—бразилец с Рио-Негро, пробывший у индейцев три года. Он и служил переводчиком; это ему было тем более легко, что на Амазонке все говорили даже до недавнего времени на «*lingua geral*»¹⁸, а племя апиакá (правда, согласно сведениям от него же и маленького списка слов у Кастельно; настоящих словарей от них не существует¹⁹) принадлежит к чистейшим тупи́ и говорит на том же языке. Через этого-то посредника и получены все те данные, которые сообщаются автором и которыми я буду пользоваться ниже, дополняя ими дневник Флоранса и описания предметов, привезенных экспедицией. Обратимся к дневнику.

«11 апреля. Утром, вскоре после того, как покинуто было место ночевки, мы увидели пирогу с 20 индейцами апиакá. Их появление нас удивило и обрадовало, так как мы надеялись только к вечеру добраться до их жилищ. Увидя нас, они издали громкие крики радости. Вскоре на левом берегу мы различили их «*maloca*» (большую общую хижину, служащую жилищем всем обитателям данного места). К ней мы направили наши лодки. 20 или 30 мужчин, столько же женщин и много детей высыпало на берег, чтобы увидеть наше приближение. Один из них, которого наши рабочие назвали «каси́ком» (начальником) и который издали таковым нам и показался, был в мундире и форменной шляпе, что привело к тому, что Лангсдорф надел свой мундир генерального консула России, треуголку с перьями, шпагу и ордена*. Мы вышли на берег и оказались среди этих дикарей, выражение радости со стороны которых подтверждало все, что нам раньше рассказывали о приветливости их нрава.

Предполагаемый касик, кажется, не пользовался никаким особенным уважением среди своих. Грамота или «патент» главного капитана (*capitão-mór*), которую он (как и мундир) на самом

* Переводчик считает, что тут и даже еще раньше несчастный ученый уже обнаруживал начало нервного расстройства,—основание для этого, впрочем, сомнительно; сам Флоранс указывает на начало болезни гораздо позже.

деле имел от президента José Saturnino, ему ни к чему не служили. Он нам явился в старом военном мундире, без погон, в мятой шляпе с кокардой, бумажных штанах, впрочем, без рубашки, галстука и шаги и к тому же босиком.

Они недавно поселились на этом месте, привлеченные богатым рыбою ручьем и построили большой дом, крытый «варé» (травяной соломой), где жили все вместе, хотя их было не меньше 80, считая мужчин, женщин и детей.

«Гамаки, в которых они спали, были подвешены одни над другими и их было столько, что внутри дома можно было пробираться лишь с трудом. Расположение гамаков прекрасно видно на том же рисунке, где часть внутренности жилища занимает его левую половину».

«Собственность у апиакá общая. Каждое поселение состоит из единственного большого дома, где живет вся данная группа. Индеец из одной «malosa» переселяется в другую так же просто, как покидает прежнюю, так как во всех них он у себя дома.

Все идут, когда придет время, сеять кукурузу и другие семена и сажать «mangaritó» (бататы); таким же образом во время жатвы всякий идет собирать продукт общего труда и относить его в запас на «чердак», с которого всякий может брать, сколько хочет*. Так же поступают и с добытым на охоте или рыбной ловле, с лодками, с рыболовными снастями, инструментами и т. д.

Личною собственностью у апиакá являются лишь стрелы, лук и украшения.

Что касается до внешности и забот о своей наружности этих индейцев, то в дневнике Флоранса мы находим следующее:

«Эти индейцы очень мирны, держатся с достоинством и хорошо сложены. Выражение лица не столь дикое; некоторые молодые женщины похожи даже на женщин юга Европы. Цвет кожи не столь медный, так как живут они в больших лесах и строят поместительные жилища.

Эти индейцы ходят совершенно голые, некоторые красные от уруку. Мужчины привязывают к *praeputium* колпачок из листа *Heliconia*; перевязка эта заставляяет *glans penis* войти внутрь и он становится невидным. Женщины не покрывают себя, но их движения скромны.

Мужчины татуируют на лице рисунки, которые одинаковы у всех; рисунки на лицах женщин менее сложны. Кроме этой татуировки, которая, кажется, является племенным отличием, еще расписывают по желанию грудь, живот, постоянно, однако, проводя узоры из прямых углов, параллельных меж собою.

На руках и ногах рисуют грубые фигуры животных и рыб, иногда фигуру мужчины или женщины».

* Такой «чердак» тоже виден на рис. 43 под самую крышей, и на нем видны наваленные запасы пищи.

У нас есть возможность узнать и подробности этих рисунков на коже, благодаря тому, что Флоранс сделал несколько портретов и набросков с этих индейцев еще в Диамантино и на Рио-Прэто, где они бывали на заработках или «в гостях», а потом и в их поселениях. Татуировка лица мужчины (рис. 34) состоит из трех линий от уха до уха—под носом, к углам рта и через подбородок²⁰. Она производится при помощи колючки пальмы тукум (*Astrocarium*) и сока плода женипапо. Согласно собранным графом Кастельно в Диамантино сведениям, эти линии имеют связь с достижением зрелости—у маленьких мальчиков имеются только средние, идущие к углам рта; другие две прибавляются впоследствии и составляют условие допущения к канибальским торжествам (*M a r t i u s*, *Weiträge zur Ethnographie...*, стр. 207). На руках имеются татуированные фигурки людей и животных; «На теле их,—говорит Гуимарайш, стр. 304,—искусно запечатлены их подвиги в сражениях с врагом и с дикими зверями, в которых они остались победителями». Кроме линий, имеется еще четырехугольник вокруг рта. Неясно, татуировка ли это, или же роспись. Татуировка лица женщины состоит из густой полосы прямолинейных узоров, проходящей от уха к уху через подбородок. «Кроме татуировки, которая нестираема, они еще делают роспись соком женипапо, черного цвета. Рисунки эти разнообразны и сменяются постоянно новыми, когда краска поблекнет, а это случается дней через 20 или через месяц».

«Женщины не татуируют тела, но вместо того употребляют женипапо, чтобы покрывать полосами то туловище, то ноги.

Я видел апиакá, окрашенных от пояса до щиколотки. Казалось, что они надели узкие черные штаны. Другие воспроизводили на руках род рукавов, а артистически сделанные браслеты, которые они носят, казалось, служат для поддержания этих рукавов (рис. 43).

Эти браслеты плотно прилегают к телу и иногда обрамлены тонким пухом; весьма приятны на взгляд.

Их украшения из перьев сделаны с искусством и чудесных цветов. Перья для них доставляют попугаи аарары, так прекрасно окрашенные в голубой, желтый, малиновый цвета, зеленые попугаи и некоторые другие красивые птицы.

Из орехов, семян злаков, которые обладают твердостью и блеском эмали, из зубов, когтей животных и т. д. они тоже делают себе украшения.

Этими краткими замечаниями Флоранс и ограничивается, но у нас есть возможность узнать гораздо больше об этой стороне быта племени на основании его же рисунков и привезенной экспедицией коллекции предметов. Украшения апиакá, хорошо видны на рис. 43, который составлен по наброскам, сделанным в этом и в ближайшем следующем поселках индейцев. Черновые наброски уже опубликованы были Штейненом в «*Globus*», В. LXXV. Женщины повязывают голову мотком бумажных нитей, окрашен-

ных красной краской; такие же обмотки носят они на кистях рук. В уши вставлены у них свернутые из коры (?) цилиндры, растягивающие мочку. На шее у трех девушек на переднем плане длинные шнурки с кисточками на концах. Под коленями у всех без исключения, а у некоторых — на щиколотке, тонкие перевязки.

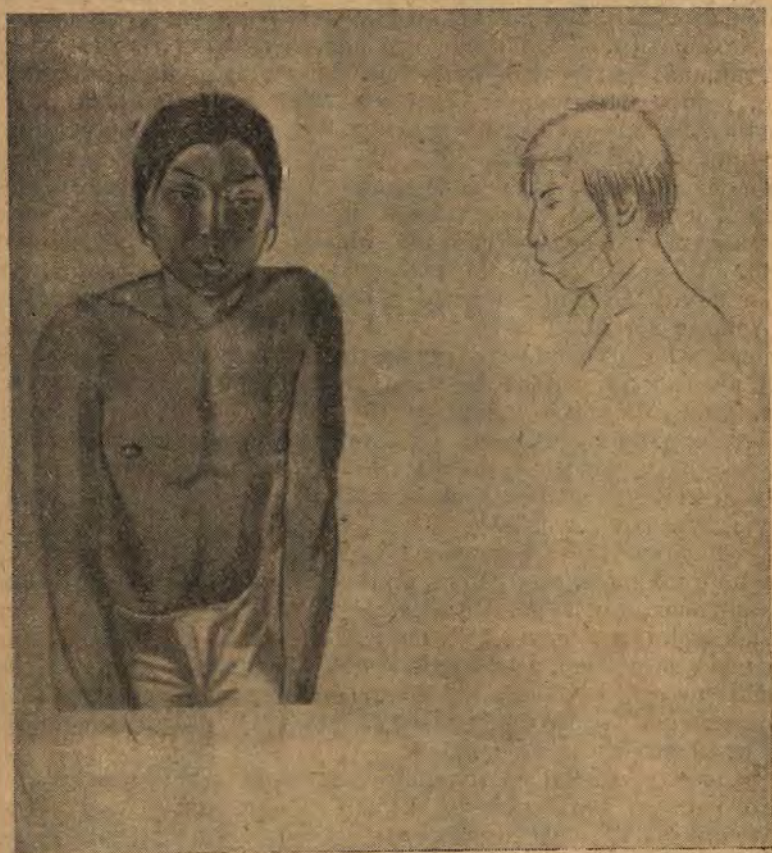

Рис. 42.

Упомянутые девушки, сверх обычной татуировки на лице, еще расписаны черной краской узором в виде продольных полос на ногах и ягодицах.

Мужчины украшены значительно больше женщин. Кроме татуировки, они тоже расписаны черной краской: у всех черные четырехугольники вокруг губ (может быть, поверх татуировки, о которой говорилось в дневнике); у двух, кроме того, вертикальная полоса через лоб, нос и подбородок. Грудь и живот

крайнего слева и стоящего во втором ряду покрыты прямоугольным геометрическим орнаментом, о котором говорит Флоранс. Вертикальные черточки покрывают бедра одного и туловище другого. Руки от кистей до плеч и ноги от сидения до щиколоток покрыты сплошной черною краскою у второго слева. Это те самые «штаны», что упоминались выше. Некоторые обильно вымазаны уруку, разведенным в масле из орехов пальмы Guassú (по Гимараэну, стр. 299). Танцевальные украшения мужчин очень богаты и разнообразны. Любопытно, что для получения материала для них, апиакá, как и муңдурукú (см. ниже), приручили некоторых птиц, например—арару. Головной убор война апиакá в виде диадемы, изображенный на картине, имеется в коллекции в двух экземплярах (№ 764—15—16 и 40—42); он состоит из плетеного венца-основы (рис. 44) в виде толстого обруча, имеющего форму желоба, и диадемы, укрепляемой на этой основе. Сама «основа» напоминает «головные обручи» племен камаюрá и мегинакú (колл. № 785—10 и 144 Музея антропологии и этнографии Академии наук). Старая этикетка венца основы гласит: «*Piece que les Apiacás portent à la tête, et ou ils mettent leurs ornements de plumes*», а на русской этикетке надпись «Langsdorf». Диадема сделана из желтых перьев (рулевые перья *jarú-Cassicus* или *Ostyrops*, употребляемые также на Шингú), с большими рулевыми красного арара по середине. По сторонам последних симметрично расположены поперечно-полосатые перья (вероятно, ястреба). Это головное украшение называется на их языке *Açoyaba* (М а р т и с, ук. соч., стр. 207).

В уши мужчины вставляют двоякого рода украшения: или толстые цилиндры, или перья, прикрепленные к кусочку камыша и свешивающиеся вниз. Последнее украшение имеется в коллекции экспедиции в числе трех пар: № 64—1, 2—3, 4—5, 6. Большое перо вставлено в нижний конец камышевой втулки, обмотанной нитью, которая придерживает мелкие яркие перышки, закрывающие место скрепления. На рис. 43 оно украшает уши крайнего слева индивида*.

На шею у одного из мужчин—раковина двусторчатого, а у другого—того, что особенно сильно выкрасился уруку и стоит во втором ряду,—надето ожерелье своеобразной формы. Это ожерелье имеется в коллекции (№ 764—9, см. рис. 45). Оно состоит из шнура, к верхней стороне которого привязаны попарно птичьи косточки, или, вернее, трубочки, из них изготовленные. Каждая пара снабжена парой кисточек из тех же хлопковых нитей, которые обматывают их концы. Всего в ожерелье 18 таких комбинаций. Кисточки мы уже видели выше на концах шейных шнурков девушек, трубки же из птичьих костей находят себе приложение, кроме указанного, еще в браслетах. Таков № 764—8

* Из соседних племен вставляют перья в уши бакаирí (см. монографию Штейнена, табл. VI). У них перья также вставляются во втулку из камыша.

(рис. 46). Старая этикетка его гласит: «Braslet que les Apicás portent près de l'épaule». Составлен этот предмет из скрепленных меж собою продетыми в них шнурками трубочек и снабжен привескою из трех раковин брюхоногого моллюска со следами пучка перышек, от которых остались одни стерженьки. Подобный браслет можно видеть у одного из мужчин на картине. Кроме этого и подобных женским красных нитяных обмоток на руках первого слева танцора имеются темносерые перевязи из плотно собранного пуха, подобные тем, что употребляют мундурукú (см. ниже).

Рис. 43.

Следует упомянуть еще капсулы из зеленых пальмовых или *Heliconia*, как утверждает Флоранс, листьев на половых членах, аналогичные таковым борорó, но они не подвязаны к поясу.

В руках разряженные представители племен держат танцевальные жезлы разных размеров и форм. Самый маленький из них в виде пучка перьев поугая арара тот, что держит в руке крайний слева, — имеется в коллекции (№ 764—7, рис. 47). Рулевые [перья] арары примотаны к камышевой палочке, а одно среднее воткнуто в ее конец. У основания перьев намотана длинная бечевка с рядом желтых перышек, образующих «обкладку» его. На одном из больших перьев имеется кисточка—привесок из половинок скорлупок, а на другом—остатки такой же. При тряске скорлупки должны шуршать и позвякивать, что весьма уместно при танцах. Другие жезлы, в виде копий с бамбуковыми наконечниками, более сложного устройства: они украшены перьями по всей длине, снабжены перьевыми кистями и розетками. Этот стиль жезлов (так же, как и браслет из перьев) напоминает мундурукú.

В коллекции имеется еще украшение, не изображенное на рисунках Флоранса—это шейные кольца (колл. № 764 13, 14, рис. 48). Мартиус (стр. 596, ук. соч.) упоминает о каких-то «Hals-

Рис. 44.

ringe» ашиакá, украшенных зубами и когтями животных; повидимому, речь идет о предметах, подобных этим. Это—большие

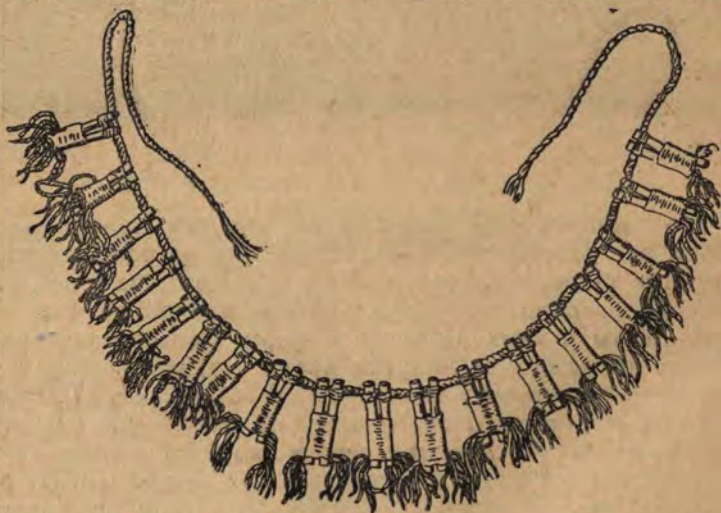

Рис. 45.

кольца (43 и 35 см в диаметре) из упругого камыша или деревянного обруча, густо усаженные зубами макак. Каждый круг снабжен шнурками—не носили ли их, скорее, как нагрудное украшение, чем как ожерелье?

Рис. 46.

Рис. 47.

Оружия нет в коллекции, оно было похищено в пути индейцами мундурукú (см. ниже); рисунки же дают лишь неполное о нем представление (см. деревянные двойко-зазубренные наконечники стрел—«Globus», стр. 31, рис. 5).

Картина Флоранса дает возможность заглянуть в домашнее хозяйство и занятия преимущественно женской половины населения.

«Что до мужчин, то они охотятся. обрабатывают землю, делают посадки и посевы, готовят оружие и ходят на войну, — говорит Гимараэс (ук. соч. стр. 304). — Только в этом состоят их занятия, между тем, как женщинам полагается полоть насаждения, собирать жатву, запасать плоды, варить, прясть и ткать». Ткут они, по его словам, главным образом, «*tapuiganas*» — гамаки, употребляемые для подвешивания мертвецов до похорон. Такое распределение функций полов в хозяйстве у индейцев, по видимому,

Рис. 48.

общее правило (см., например, книгу Штейнена и мои статьи о ботокудах и каингангах)²¹.

Оно подтверждается и Флорансом, вот что мы читаем в его дневнике об обычных занятиях индейцев, которых свидетелем ему пришлось быть.

«На следующий день (12 апреля) человек 20 индейцев отправилось на своей пироге за рыбою к заводу «*ragi*», у устья рыбного ручья на правом берегу. Я последовал за ними на челноке. Восьюмеро или десятеро гребли с силою, пирога легко скользила, разрезая волны, но вода входила через борта, которые обычно не выше двух пальцев над ее уровнем, вследствие чего другие индейцы, вооруженные «*сиа*», занимались выкачиванием ее.

Рис. 49;

Крушение ничего не значит — каждый хватает все, что ему подвернется под руку и плывет к берегу. Одного достаточно, чтобы толкать лодку и вытащить ее на берег.

В 10 минут мы достигли «раги» — как они называют изгородь отчасти над, отчасти под водою, сделанную из кольев, воткнутых в дно реки, с поперечными такими же кольями и затычками дыр из тростника. Вода поднимается и льется через край. Под изгородью делают круглые отверстия, в которые помещают «шпидеос» (капканы), которые удерживаются против течения палкою. Индейцы ныряют внутрь изгороди, возвращаются на поверхность с капканами, вынимают рыбку и снова ныряют, чтобы поставить их на места. Скоро пирога была полна рыбы, после чего мы вернулись домой, где они предложили нам часть улова.

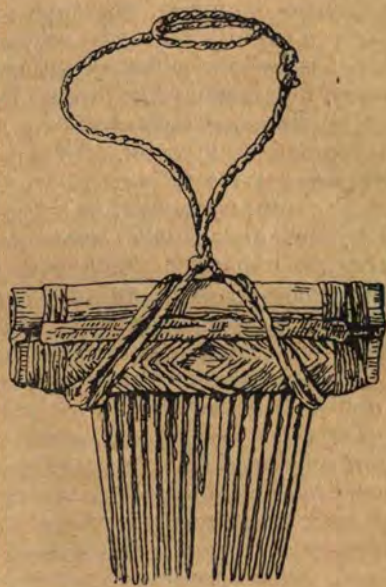

Рис. 50.

Каждое утро они отправлялись к этому «раги». По возвращении рыбу отдавали женщинам, и весь остальной день занимались только изготовлением ожерелий из семян, луков, стрел, перьевых украшений и т. д.

Женщины работают больше: ставят рыбу вариться, а когда ее много, то поджаривают на сковородках из обожженной глины; рыбу затем сушат и толкут вместе с костями, что дает «рыбную муку», которую они наполняют мешки и хранят, как запас пищи.

По Гимараэнсу (стр. 308), предметом торговли с белыми была у апиакá еще кукурузная мука и мука из маниоки; однако способ приготовления последней не описан.

Приготавливают еще *samui*—толченую и вареную кукурузу, хранимую в горшке из обожженной глины, наполненном водою. Всякий, когда захочется, подходит и черпает это питье своим ковшом из тыквы («*cuia*»).

Такой толченый маис, согласно Гимараэнсу, входит также в состав пива, приготавливаемого из сладкого вареного сока корня «*mandicaba*». И этот напиток сохраняется в глиняных горшках. На рис. 43 имеется такой горшок—он стоит слева на плетеной подставке в форме блока (еще лучше его изображение на наброске в «*Globus*», т. LXXV, стр. 34, рис. 9). Горшок с круглым дном, как все индейские горшки. Изобретение своеобразной подставки для удержания его в равновесии—большой прогресс по сравнению с обычным помещением в ямку в земле (кадиувéо, чанé, каинганги и другие племена). Флоранс с похвалой отзываясь об искусстве изготовления глиняных сосудов женщинами этого племени.

«Апиакá искусны в керамике, и глина, которую они употребляют, прекрасного качества. Горшки, в которых варят, в три ладони вышиною и столько же в диаметре; притом стенки так тонки и горшок так легок, что он весит наполовину меньше нашего горшка тех же размеров.

Горшки, кувшины, котлы обычно имеют форму двух усеченных конусов, связанных основаниями. Посуда украшена прямыми углами, параллельными меж собою, теми же, что они себе расписывают на теле, но рисунок разнообразнее».

Эти узоры видны на горшке, изображенном на картине. В другом месте дневника Флоранс указывает, что мундурукú расписывают свою посуду узором, сходным с их татуировкою (в виде ромбов—такое же единообразие узора и у кадиувéо).

«Не менее искусны они и в приготовлении корзин, употребляя для плетения их то лозу (*vime*), то тростник. Корзины, сита и решета прекрасно сплетены и округлены. Я видел в Бразилии только у этих индейцев плетеные подставки под посуду, такие, какие плетут из лозы в Провансе» (ср. выше).

Ступа и толчение в ней у всех племен Южной Америки, возделывающих кукурузу, играет значительную роль в домашнем хозяйстве*. В дневнике Флоранса об этом сказано следующее:

* [О районах распространения ступ и зернотерок различных форм см. E. Nordenskiöld. *Ei i geographische u d ethnographische Analyse der materiellen Kultur zweier Indianerstämme in El Gran Chaco. (Südamerika). Vergleichende ethnographische Forschungen*, I, Göteborg, 1918, стр. 78—84.]

«Толкут кукурузу обыкновенно вдвоем. Ступа производит впечатление работы хорошего столяра, вооруженного хорошими железными инструментами; что еще более удивительно, так это песты, которыми служат большие дубины, очень прямые и 12 футов длиною».

На картине Флоранса представлено и это занятие. Две женщины с характерными прическами заняты толчением маиса в большой ступе при помощи длинных пестов. Движения их должны быть ритмически согласованы, чтобы не мешать друг другу (у каингангов иногда, я видел, заняты бывают даже трое в одной ступке). Растолченный или размятый маис наполняет стоящие рядом, действительно великолепно сработанные большие корзины в форме правильных плоских чаш. Кроме керамики и плетения корзин, женщины этого племени знали и еще одно искусство—тканье из хлопчатобужной нити. О плантациях хлопка Флоранс не упоминает, но, очевидно, они существовали*. Об этом роде тканья вот что говорит он в своем дневнике:

«Апиакá умеют готовить очень крепкие и плотные ткани из хлопчатой бумаги, хотя и ходят нагие. В этих тканях основа скрывает уток, способом, о котором я уже писал (см. выше о гуатó). Они ткут гамаки, наручья, суспензории, но ничего такого, что служило бы для сокрытия наготы».

На картине Флоранса наглядно представлено, как ткут апиакá. Справа изображена ткачиха. Она устроилась в гамаке с большим удобством, защитив себя от солнечных лучей остроумно приспособленным навесом из пальмовых листьев. Станок ее под открытым небом весьма примитивен—не видно ни ремизок ни берда—положение его почти вертикальное, основа вверху, а готовая ткань внизу. Едва ли даже можно назвать это приспособление ткацким станком, а работу—тканьем. Это просто (как, например, у каингангов) плетение очень тонкой цыновки руками без помощи каких-либо механических усовершенствований, кроме навоев. Любопытно, что завертывание в такого рода «цыновку»-гамак мертвеца, как упоминалось выше, тоже аналогично употреблению, какое делают каинганги из своих тканей «kurú» (см. мою статью о каингангах). Ткацким искусством известны по сие время упоминавшиеся выше парессí, близкие соседи апиакá, но отнюдь не родственные им по языку.

«14 апреля 1828 г. мы покинули «малока» (дом-селение)** и достигли после полудня большого жилища апиакá, в котором было мало народу и которое состояло из единственной большой хижины, крытой соломою. Имелись собаки, две-три свиньи, несколько куриц и уток—домашние животные, привезенные сюда 10 лет назад португальцем по имени Peixoto, предприимчивым челове-

* [О посадках хлопка см.: W. Chandless. Notes on the Rivers Arinos, Juruena and Tapajós «The Journal of the Royal Geographical Society», v. XXXII. London. 1862.]

** [Общий дом.]

ком, который дошел до того, что однажды привез по речному пути прекрасную лошадь и многократно проделал эту дорогу.

Здесь имелось около 80 попугаев арара, которых эти индейцы разводили ради их прекрасных перьев и мяса. Они громоздились на коньке крыши и на ближайших деревьях. Улетали в лес, но возвращались и давались в руки, позволяя носить себя, куда угодно.

Кукурузное поле общее, так же как и жатва с него. Это жилище, как и предыдущее, было снабжено запасом кукурузы, хранившимся на своеобразном «чердаке» из настила горизонтальных палок, тесно прилежавших друг к другу под самой крышей.

У них было много «mangaritó» — клубневых корней, похожих на картофель, но приятный вкус которых производит впечатление, как будто они сварены на масле».

«21 апреля 1828. Мы увидели индейца с парализованными ногами. Он сидел на расщепленном бамбуке в двух связках; когда он хотел передвинуться, то перекладывал заднюю вперед.

За 10 дней пребывания у любезных апиакá мне трудно извлечь какие-либо выводы из моих наблюдений.

В это время пришла из первого поселения молодая девушка, чтобы повидать своего возлюбленного, который нами был законтракован, чтобы плыть с нами до Парá. Она его очень ласкала, и в момент отъезда этот аргонавт исчез вместе со своею Армидою. То же сделал и другой индеец, спрятавшийся в лесу, которого наши рабочие звали Александром. Он ехал с нами из Диамантино, сбжав от одного из жителей, который дурно с ним обращался».

«22 апреля. Первый на Рио-Аринос водопад — «Rebójo». Приходится переносить болезни и лишения».

«23 апреля. Выехав до рассвета, в 7 час. утра мы миновали устье Жюруэна слева, реку столь же широкую, как и Аринос, которая здесь теряет свое имя. После слияния их с одного берега, нельзя различить у другого пироги, полной народа. Приблизительная ширина саженьей (braças) 450. Когда ветер усиливался, нашим лодкам приходилось покидать середину реки. Именно на середине, однако, мы поймали ленивца, который переплывал Жюруэна. Мы поместили его в лодку, ночью привязали к дереву — утром он все же исчез».

«24 апреля. Весь день бесконечное количество островов. В 4 часа достигли последней малока апиакá на Жюруэна. Здесь было около ста индейцев. Дом находился среди просвета, сделанного недавно в лесу. Высохшие деревья поднимают свои стволы на непомерную высоту, другие, еще зеленеющие, разбрасывают ветви по горизонтальному направлению, как бывает в Западной Индии. Под одним из таких имелась клетка, сделанная из кольев, воткнутых в землю, и покрытая соломой, в которой находился род белого ястреба величиной с орла»*.

* Этот обычай держать в селении крупных хищных птиц, служащих им своего рода «гербом», констатирован и у других племен на Шингú и на Арагуаи (К. Штейненом и Ф. Краузе).

Разразилась гроза, и Жюруэна стала похожа на разбушевавшееся море; пришлось спрятать лодки в безопасное место. Здесь Флоранс сделал прилагаемый рисунок (51).

На нем хорошо видна внешняя форма жилища апиакá, круглого в основании и покрытого конусообразной крышей—в противоположность тому, который имеется на другом рисунке (43), где дом, повидимому, четырехугольный и крыша двускатная. Рисунок дает возможность сделать ряд дополнений к приведенному выше из дневника описанию этого поселка. Земля кругом утоптана, а пни свидетельствуют об усердной расчистке леса.

Рис. 51.

Гимараэнс (на стр. 303) указывает, что апиакá срубают деревья при помощи каменных топоров. Железо они узнали и стали воровать у проезжих только после вступления в сношения с белыми. Срубленный лес затем сжигается и устраиваются посадки маниоки, земляных орехов, бататов, бобов и пр. («бананы не упомянуты», замечает Штейнен). Каменный топор, укрепленный в углубление утолщенного на конце уступом топорича (церемониальный) изображен в руке индейца (рис. 43) и в «Globus», стр. 32, рис. 6. Его форма и способ укрепления тождественны с топорами Бакаирí и других племен верхнего Шингу́ и С. Мануэл (рис. 20 в книге К. Штейнена).

На крышу хижины взгромоздилось несколько ручных попугаев ара́ра. На берегу реки видна клетка, о которой говорит художник, где содержится большой коршун. Вправо на реке скользит лодка, вмещающая двенадцать человек, один из которых прицеливается из лука в рыбу или каймана, другой на руле и несколько отталкивают лодку или гребут.

В дневнике своем Флоранс описывает устройство лодок этих индейцев, очень похожих на лодки бакаирí на Рио-Шингú, описанные Штейненом, что вовсе не удивительно, как и сходство в других отношениях у племен, так близко друг к другу живущих. Вот что говорит художник:

«С быстротою делают они лодку; сдирают кору с дерева, деревянными перекладинами удерживают ее широко разогнутой, на концах заворачивают и укрепляют загибы лианами, и лодка готова. Что до весел, то достаточно расколоть вдоль кусок «Guatí-воса» (крупнейшего в Южной Америке вида бамбука *Bambusa*, называемого еще *tacuaguçú*, которого диаметр достигает 9 см, и готова пара их, очень крепких и легких.

Каждый человек гребет стоя или сидя одним только веслом, которое он держит обеими руками и которое никогда не укреплено у борта лодки).

Вернемся теперь к рисунку—он содержит в себе еще целый ряд поучительных деталей, касающихся быта апиакá.

Слева в дом, повидимому, имеющий два входа, возвращается охотник с добычей за плечами. Во вход, обращенный к зрителю, входит женщина, другие две беседуют, а еще две сидят на земле, одна,—ища насекомых в голове у другой. К зрителю направляется охотник с молодой женой (или дочерью, но не сыном. Ср. К. Штейнен), за которыми бежит собака. Здесь необходимо обратить внимание на одну подробность, которая упущена К. Штейненом,—это пояс и шейное украшение девочки. И то и другое имеет вид шнура, обмотанного очень много раз вокруг тела и образующего необычайно толстый вал. По счастью, в коллекции нашего музея есть разгадка этого странного убора. Это—четыре длинных шнура бус, привезенные экспедицией Лангсдорфа, №№ 764—10, 11, 12 и 54. Старая этикетка гласит: «Ornement que les Ariacas portent au cou, ou á la ceinture». Самый короткий из шнуров в полтора метра, самый длинный—в одиннадцать метров. Все состоят из маленьких черных цилиндрических бус, чередующихся с белыми бусинами или зубами. Бусы (по Гимараэнсу, ук. соч., стр. 300) «приготавливаются из скорлупы ореха пальмы «*tucuman*» (*Astrocarium?*). Скорлупу стирают о камень* до любого размера цилиндрической формы, и полученный правильный кусочек протыкают зубом рыбы, которую называют «*Rubago*». Насаживая эти бусины, получают ожерелья, из которых некоторые усажены зубами врагов; такими мужья одаряют своих жен». № 11 длиной в 3 м и есть именно такое ожерелье-пояс с человеческими зубами (коренные употреблены наравне с прочими). Чудовищной длины, в 11 м, это украшение достигает в № 12. Оно все усажено часто нанизанными в перемежку с бусинами зубами обезьян—их тут

* Из того же материала и тем же способом делают себе такие же бусы индейцы пьямбикуара с реки Жюруэна, как мне сообщал Dr. Roquette Pinto, коллекцию которого от этого племени я привез для академического музея (№ 2538).

я насчитал 1070! Такой шнур, намотанный вокруг пояса, и должен походить на изображенный на рис. 43. Гимараэнс (стр. 299. ук. соч.) сообщает, что женщины надевают эти ожерелья, идя встречать победителей, возвращающихся с похода и участвуя в плясках по поводу этого или другого какого-нибудь торжества²².

В заключение описания результатов этой части путешествия заслуживают быть приведенными еще несколько замечаний Флоранса об апиакá, которые он делает в этом месте дневника.

26 апреля. «Прежде чем оставить это последнее селение апиакá, я скажу о них еще несколько слов.

Между мужчиной и женщиной бывают супружества, тянущиеся всю жизнь. Женщина не рабыня, как у борорб; выражение лица ее любезно, ее манеры приятны. Я не видел никаких признаков полигамии.

Среди них, как и среди цивилизованных народов, встречаются женщины, которые никому не принадлежат, с тою только разницею, что эти, не имея ни платьев, ни искусства к своим услугам, оставляют на виду роковой подарок—сифилис, сообщенный им иностранцами.

Между апиакá царствует полное равенство: наши рабочие, привычные к цивилизованному состоянию, в котором всюду можно найти начальника, думали видеть касика (капитана) во всяком рослом индейце; между тем, я не заметил, чтобы такие лица пользовались большим уважением, чем прочие, или получали какие-нибудь знаки повиновения с их стороны.

В большой малока все же имелся один молодой и умный индеец, с которым г-н Лангсдорф договаривался обо всем, что ему было нужно. С ним он условился о запасе кукурузной муки, которая тотчас была истолчена и поджарена в количестве, достаточном на целый месяц. Он также велел зарезать для нас свинью.

Этот индеец составлял счастливую пару со своей женой. Они постоянно играли и ласкались друг с другом. Так как он знал чуточку по-португальски, при мне г-н Лангсдорф раз спросил его, не воевали ли они когда-нибудь с тапаньюна, своими соседями, и правда ли, что у них полагается съедать пленников. Тот ответил утвердительно на оба вопроса.

Вот и единственный след людоедства, что мне удалось заметить у этих индейцев, но я думаю, что г-н Лангсдорф должен был бы предложить вопрос иначе, справиться лишь о судьбе, постигающей пленников, чтобы избежать подсказа ответа». (О людоедстве у апиакá говорят и Гимараэнс и Кастельно с чужих, правда, слов).

«Об обществе их можно сказать то же, что о их обнаженности, питании и пр., по сравнению с состоянием народа у нас. Все у них просто, но ничто не отвратительно, никогда не одевают они лохмотий, ни грязного или рваного белья. Тело их всегда чисто, так как они по всякому поводу лезут в воду, расположенные к этому отсутствием одежды. Они не знают великого принципа

собственности; но среди них зато нет ни воров, ни убийц, ни отравителей, ни подлогов, ни плутней, ни одного из тех моральных зол, которые тяготят над цивилизованными людьми.

Среди индейцев редко видишь стариков. Только один мужчина и одна женщина казались на вид лет 50 или 60.

Апиакá говорят на гуарани или *lingua geral brasílica*.

На этом же языке говорят и все индейцы, что я встречал на реках Жюруэна́, Тапажос и Амазонке»²³.

САЛЬТО АУГУСТО. ЛЕС ТУКУРÍ. БОЛЕЗНЬ Г. И. ЛАНГСДОРФА

«26 апреля 1828. Утром мы оставили поселение апиакá, последнее этого племени на р. Жюруэна́ и на нашем пути.

28-го встретили караван с товарами из Сантарéма. Его владелец—купец—умирал от лихорадки».

29 апреля спускаются через водопад S. João da Barra. Вид этого водопада нарисован тушью Флорансом и находится в нашей коллекции рисунков.

Лангсдорф и Рубцов были так плохи, что не могли ходить, и пришлось перенести их в гамаках.

30-го достигли Сальто Аугусто. Этот водопад, также изображенный Флорансом, самый большой и трудный на всем пути. В нем едва не погибла одна из лодок экспедиции.

Здесь нужно перетаскивать лодки волоком на протяжении шагов 400, с уклоном футов на 150. Место очень дико и мрачно.

«Вблизи имеется кладбище, где в прошлом году похоронено было 40 человек, жертв малярии, которой подвергаются путешественники в этих местах. Там был воздвигнут большой крест, 20 фут. вышиною, чтобы внушить религиозное почтение к кладбищу. Шум и движение водопада еще увеличивают тяжелое чувство, делая присутствие смерти характерною чертою этого грандиозного явления природы.

Трупный запах со стороны кладбища послужил поводом к нахождению трупа индейца апиакá, который, возвращаясь с купцом из Сантарéма, умер от лихорадки за два дня до прибытия к своему племени. В трупе было отверстие, без сомнения, сделанное роем пчел, так как мы видели их вылетающими в большом количестве. Мы поспешили засыпать труп землею».

«2 мая 1828. Все наши взялись за канат, чтобы тащить первую лодку, но напрасно. У нас ничего не было, кроме одного блока, оставленного нашими предшественниками. Колесо сломалось, и остаток дня прошел в приготовлении другого, но безуспешно. Топоры и другие инструменты приходили в негодность от этих страшно твердых дорогих пород деревьев, которыми полны леса Бразилии.

Г-н Лангсдорф и Рубцов продолжали сильно хворать. Они были так слабы, что не могли выбраться из своих гамаков и совсем потеряли аппетит. Ежедневно в один и тот же час возвращался озноб,

которому предшествовали такие сильные приступы лихорадки, что заставляли их издавать прерывистые стоны и судорожно корчиться, отчего даже качались деревья, на которых были подвешены гамаки, москитаро и навесы. Я видел, как на высоте 40 ладоней дрожали листья этих деревьев, стволы которых были сантиметра 33 в диаметре.

Желая посмотреть часть водопада по ту сторону острова, я переехал в челноке, в котором были, кроме меня, проводник и один работник, в том месте реки, где она уже доступна для плавания. И в самом деле, я увидал эту вторую часть водопада, вдвое более широкую, чем первая, но не мог рассмотреть его основания, закрытого деревьями и скалами на левом берегу.

Образовалось грозное облако, которое стало двигаться на нас. Но, занятый рисунком вида водопада, я остался, тем более, что проводник развлекался ужением очень крупных размеров рыбы, которая всегда попадает вблизи больших водопадов...

Я успел только с большою поспешностью сделать набросок. Гроза разразилась над нами с такою силою, что, прежде чем достигнуть лодки, бегом по камням, мы уже были пронизаны дождем. Я разделся, думая, что мокрая и холодная одежда могла бы мне причинить вред, и пустился грести, чтобы сохранить подвижность в крови и не сдать ветру и дождю. Все же я прибыл в палатку пронизанный холодом, плащ и одеяла плохо меня согревали. Всю ночь я горел в жару, со страшною головною болью и крайнею слабостью—симптомами перемежающейся лихорадки. И в самом деле, в течение 10 дней после этого я хворал, но болезнь моя не достигла той силы, как у моих товарищей, которым я подавал руку, помогая им идти. До самого Сантарема ознобы и жар ко мне постоянно возвращались».

«3, 4 и 5-го перетащили одну лодку и принялись волочить другую. Из 34 человек только 15 здоровы и из этих лишь 8 не болели и ранее лихорадкою.

У меня еще хватило силы зарисовать рыбу «*piragága*», длиною в метр и не высоко ценимую».

6 мая. «Во время спуска баркаса он разбился в щепы о камни, а это была лучшая из лодок каравана».

«7-го и третья лодка сильно повредила себе нос, несмотря на предосторожности.

Г-н Лангсдорф страшно рассердился на рабочих и особенно на проводника, который с самого Рио-Прето был причиною многих несчастий.

Остальная часть дня и часть следующего прошли в починке лодки. В ней и в другой из уцелевших была размещена часть багажа той лодки, что погибла. Остальное осталось на суше в палатке, так как г-н консул (Лангсдорф) намеревался остановиться одну легву вниз по течению в лесу по имени «*Tucurisal*», чтобы построить лодку—тогда легко было послать назад за этими вещами и провизией».

Через час караван уже был в этом лесу «Tucurí», и Лангсдорф велел расчистить место для лагеря, для чего пришлось срубить несколько деревьев. Здесь пришлось пробыть до 20 мая, пока изготовлялась лодка-однодревка.

На третий день рабочие нашли в 300 шагах от места остановок тукури, размеров, достаточных для лодки. Они потратили целый день на то, чтоб срубить его—при этом приходилось строить леса, так как нижняя, расширенная часть ствола, не годится для лодки.

«Дерево это (*Berteletia excelsa*) необычайно хрупко—наши разбитые лодки были из него, и щепки их были мелки, как будто

Рис. 52.

это были осколки стекла. Это дерево, поднимающееся выше всех остальных и которого ветви и густая листва коронуют ствол, прямой, как колонна, достигает такой толщины, что иногда его не могут обхватить и пять человек. Оно дает плод величиной с кокосовый орех.

Эти плоды—большое подспорье индейцам и путешественникам; дерево дает их необычайно много, а каждый может насытить человека». Плоды, когда созрели, представляют опасность своим падением. «Днем и ночью при ветре мы слышали, как валялись с глухим шумом эти огромные орехи. Когда наши рабочие шли работать над лодкою, то пробегали осторожно через лес. Я сам мало доверял своей шляпе из индейской соломы и плащу—они не помешали бы мне получить страшный удар в голову или плечо; страх тем более законный, что я видел и слышал падение массы плодов и справа и слева».

«Во время нашего пребывания в Диамантино г-н Лангсдорф много радовался при мысли, что увидит тукури. Он говорил,

что это дерево почти неизвестно в Европе и что его очень просили ученые собрать всевозможные сведения о нем».

«Одиннадцать дней работали над лодкою—время нам показалось чрезмерно грустным из-за болезни и досады, что нас задержали в глухом лесу. Я вернулся в Сальто Аугусто, чтобы окончить рисунок второй части водопада (рис. 52), и через 24 часа снова был в лагере. Охота давала мало,—приходилось питаться бульоном из обезьян coatá (Ateles) и barrigudo (вид Cebus), очень многочисленных из-за спелых плодов тукуру».

«Здесь-то впервые обнаружилось несчастное состояние, в которое впал г. Лангсдорф,—потеря памяти о недавних событиях и полный беспорядок идей,—следствие перемежающейся лихорадки. Это расстройство, от которого он никогда уже не оправился, заставило нас ехать в Парá и вернуться в Рио-де-Жанейро, положив, таким образом, конец путешествию, план которого раньше этого несчастья был обширнейший. Мы должны были подняться по Амазонке, Рио Negro, Рио Бранко, исследовать Каракас и Гвианы и вернуться в Рио-де-Жанейро, пересекая восточные провинции Бразилии. Может быть, мы взяли бы и другое направление, например в Перу и Чили. Г-ну Лангсдорфу русское правительство не определило ни срока, ни пути экспедиции».

«Еще в Диамантино г-н Лангсдорф получил письмо от англичанина-путешественника Буршеля, в котором тот сообщал, что уезжает в Англию по домашним делам и предоставляет ему исследовать Касикиаре».

ИНДЕЙЦЫ МУНДУРУКУ

«На шестой или седьмой день пребывания нашего в Тукурисале прошла через лес, пограничный с нашим лагерем на другой стороне реки, партия индейцев мундурукú. Один из помощников рулевого, бывший на охоте, привез нам трех из них в челноке. Он съездил еще несколько раз за другими, и скоро у нас было 20 индейцев, среди которых две старухи и одна молодая женщина. На том берегу оставалось еще большее число, состоявшее преимущественно из женщин и детей. Переправленные через реку оставили у товарищей луки, стрелы и свой багаж.

Они выражали удовольствие, видя нас. Как и апиакá, они ходят голыми, расписывая шею, плечи, грудь и спину рисунком, напоминающим фуфайку, прилегающую к телу.

Мундурукú бреют волосы на голове, оставляя надо лбом короткий клочок волос круглой формы: сзади оставляют волосы, которые доходят до висков; так что все мужчины, старики, женщины и молодежь лысы по собственному желанию.

В каждом ухе делают две дыры, в которые вводятся цилиндры двух сантиметров толщины. Татуировка лица состоит из двух линий, идущих от рта и носа к ушам, и шахматной доски из ром-

бов на подбородке. Кроме этих несмываемых линий, они еще расписывают себя соком женипапо, цвет которого похож на чернила. Иногда проводят вертикальные линии в некоторых частях тела». Рисунок 54, сделанный именно здесь, иллюстрирует это описание, не требуя иных комментариев.

Один из индейцев принес подмышкой кусок cateitú (дикой свиньи, *Dicotylus*), изжаренный и завернутый в листья. При виде этой еды, казавшейся прекрасной на вид, во мне проснулся аппетит, утраченный с болезнью. Я попросил его у индейца и тот отдал мясо с готовностью.

* С таким же удовольствием угостились им и г-да Лангсдорф и Рубцов, еще более страдавшие отсутствием аппетита, чем я. Без соли и каких-либо приправ мы нашли это жаркое очень вкусным, этим оно обязано тому способу, каким индейцы его готовят. Они заворачивают мясо в листья и, насадив на длинную палку, втыкают его на ней в землю на рассчитанном расстоянии от огня, смотря по степени жара. Оно печется так медленно, что нужно до двух дней для готовности; но этим способом мясо остается более нежным, так как листья сберегают его сок и предохраняют от дыма.

Индейцы были изголодавшиеся из-за переходов, длившихся много дней подряд. Мы дали им хорошее подспорье для питания, и они вернулись на ту сторону реки, простившись с нами.

Они жили в нескольких днях пути отсюда на берегу реки Тапажос, где возделывали маниоку и фабриковали фаринью, которую у них скупали купцы из Парá (Бэлém).

Появление их в местах, которых они раньше никогда не посещали, объяснялось, вероятно, тем, что, как нам сообщил купец, встреченный нами 28 апреля, они убили вора-бразильца, вредившего их плантации, и боязнь преследования заставила их покинуть свои жилища, расположенные недалеко от бразильских поселений».

Багаж, оставленный около водопада, слегка пострадал от индейцев—пропала кукурузная мука, железные инструменты, луки и стрелы, подаренные индейцами ашиакá, рыболовная сеть и другие предметы.

Наконец, 20 мая новая лодка была спущена на воду, и путешествие, во главе которого теперь поневоле оказался Флоранс, продолжалось. Вечером того же дня встретилась лодка с торговцами, бросившими свой караван и поднимавшимися по реке, опережая его, чтобы не страдать от грубости экипажа каравана, ставшей невыносимой с той минуты, когда он себя почувствовал в диких местах. По этому случаю Флоранс замечает:

«Наши матросы, конечно, иногда совершали небольшие кражи, но никогда не оказывали нам неуважения—и это из страха перед консулом, который с самого начала показал себя строгим с ними. Кроме того, они считали его за генерала».

Дальнейший путь опять состоял из ряда стремнин и водопадов, через которые надо было пробираться, рискуя собою и багажом. Все были так больны, что вторично (первый раз в Тукурисале) забыли числа месяца.

На одном из водопадов отстала одна из лодок каравана, — целую ночь стреляли и трубили в рог, чтобы выручить потерявшихся,

Рис. 53.

а на следующий день пустились на розыски, но все безуспешно — она потерпела крушение, и экипаж ее, вероятно, погиб. «Все это очень огорчило г-на Лангсдорфа», — замечает Флоранс.

Одну из ночей «артель» (сагагадагем) продрожала со страху и не спала, так как им почудилось, что «кто-то» бросает камни в них с другого берега, и Флоранс был немало удивлен, найдя

их бодрствующими, и еще более удивительному объяснению их суеверного страха.

Через несколько дней экспедиция вступила в область индейцев мундурукú. Их шалаши стали виднеться по берегам. По левому берегу и внутри страны они имеют и более значительные селения. (Fl. III, p. 163).

«Сойдя на землю, мы посетили два поселка. Первый состоял из 2—3 хижин, около которых виднелась посадка маниоки и хлопка. В одну из них я вошел и нашел там пятерых женщин и такое же число детей, сидящими в гамаках и одетых только в грубые паневы (tanga), которые продают им торговцы в обмен за провиант. На шею у них были надеты ожерелья из семян злаков и стеклянных бус, которые они получают тоже путем обмена. Они, казалось, были недовольны нашим посещением, конечно, из-за отсутствия мужей, которые в это время заняты были на плантациях. Желая зарисовать эту группу, я вернулся в лодку за альбомом, но, придя обратно, нашел дверь запертою и наших людей снаружи хижины. Я тихонько открыл дверь, но не решился войти—внутри было много дыма, так как женщины развели огонь. В противоположность апиакá, по крайней мере, они пустили в ход это средство, чтобы нас прогнать».

«У пристани другого жилища мы отправились ужинать. Дом был недалеко от берега; несколько мундурукú явилось у наших лодок в сопровождении женщин и детей, они были голы. За два дешевых ножа они дали мне две корзины «савá» (*Discorea*) и «airim» (*Manihot*)...».

Здесь, повидимому, были сделаны два следующих рисунка индейца и индианок этого племени. Они необычайно ценны ввиду почти полного отсутствия изображений мундурукú в ученой литературе. На рис. 53 индеец сидит на краю лодки с ножом в руке; вероятно, за эту драгоценность он и согласился позировать под андреевским флагом. Прическа, татуировка лица и ушные украшения те же, что у предыдущего, но все лицо сплошь замазано соком женипапо. Роспись тела гораздо полнее и поучительнее. Она состоит из сплошной сети ромбовидных петель, в которой некоторые участки сплошь зачернены. Мускулистая фигура этого рослого индивида согласуется с утверждением Мартиуса (см. его «Beiträge», стр. 337), будто мундурукú необычайно рослы и сильны. Этот писатель видел мельком представителей племени в миссии Novo Monto Carmen do Sapona в немногих километрах от реки Мадейры на небольшом ее притоке в 1820 г., и все сведения, сообщаемые им, основаны преимущественно на рассказах. Тем не менее, эти сведения едва ли не единственные в литературе и приходится с ними считать асы. О татуировке всего тела, а не росписи его, как сообщает Флоранс, он говорит следующее:

«У них или все лицо было татуировано (вероятно, замазано черной краской, как у нашего индивида, рис. 53), или в середине его сделано полуэллиптическое черно-синее пятно, от которого

расходятся вниз строго параллельные линии через подбородок и нижнюю челюсть на грудь. Через широкую грудь от середины одного плеча к другому идут две или три линии, на расстоянии полувершка друг от друга, а под ними, до конца груди, находятся вертикально поставленные ромбы—то пустые, то заполненные. Остальное туловище подобным же образом, но не столь совершенно зарисовано, а на конечностях повторяются те же линии с ромбами или без них. Существуют индивидуальные отступления» (там же, стр. 387).

Несогласие в способе нанесения рисунка при полном согласии данных о нем в обоих источниках (т. е. у Флоранса и Мартиуса)

Рис. 54.

может иметь два объяснения: 1) неправильность поспешно собранных сведений Мартиуса или 2) переход индейцев от татуировки к росписи—явление, которому примером могут служить, например, племена группы гуайкуру, где абионы сплошь татуировались (и в этом отношении даже превосходили мундурукú. См. о них у Добрицгоффера), а современные кадиувéo из той же группы, когда-то татуировавшиеся, сохраняя те же узоры, наносят их лишь расписывая тело, а не татуируя его.

Прежде чем обратиться к следующему рисунку, обращу еще внимание на капсулу на половом члене индейца, не подвязанном, а свободном, как у апиакá.

На рис. 54, «Женщина и ребенок мундурукú», хорошо видны татуировка и роспись тела и лица взрослой женщины. У ребенка (девочки) есть лишь полосы на животе. Вот что говорит Мартиус (ук. соч.) об этом: «У женщин редко зачернено все лицо; они имеют

только полулунное пятно («Malha»), острые рога которого направлены вверх». Роспись тела, судя по видной на рисунке части, не отличается от мужской. Такова же и прическа женщины. Мартиус (ук. соч., стр. 388) описывает прическу мундурукú, как волосную индейскую со слегка подрезанными сзади и на лбу волосами; та же, которая изображена у Флоранса, известна была до сих пор лишь на мумифицированных этими индейцами черепах врагов (рис. 55, мумифицированной головы из коллекций МАЭ, описанной К. К. Гильзенем в IV томе Сборника Музея). Черепа эти почему-то приписывались племени паринтинтин. Мартиус упоминает лишь, что волосы срезаются женщинами мундурукú в случае смерти родных, не входя в подробности и говоря с чужих слов, конечно. Весьма вероятно, что эта своеобразная прическа связана с религиозными представлениями и подновляется лишь в подходящих случаях (например смерти, праздника, войны и т. п.), оставляя в остальное время волосы расти свободно. Если так, то противоречие между наблюдениями Мартиуса и рисунками Флоранса возникло лишь оттого, что один видел мундурукú в спокойное время, другой—при каких-нибудь чрезвычайных обстоятельствах. Я сам наблюдал, что каинганги сбрасывали брови и виски лишь накануне своих поминальных праздников, а затем оставляли их отрастать свободно. Кстати, судя по рисункам, и мундурукú удаляют всю растительность с лица. Общепринятые женские украшения—ожерелья и здесь налицо: у девочки надето ожерелье из бурых семян, у женщины—из европейских бус.

Чтобы покончить с внешностью мундурукú, надо остановиться еще на их танцевальном уборе, о котором Флоранс ни словом не обмолвился в своем дневнике, хотя имел на это право, так как даже нарисовал его.

В коллекциях, привезенных экспедицией Лангсдорфа, от мундурукú, кроме упомянутого трофея—головы, имеется еще полный танцевальный костюм и изображение его на рисунке в красках Флоранса (123)²⁴, датированном августом 1828 г. и помеченном городом Сантарём. Акварель эта изображает «вождя (tuchaua) в праздничном костюме» («Principal Mandurucú en costume de fête»).

«Мундурукú,—говорит Мартиус (стр. 289, ук. соч.),—величайшие, искусники в приготовлении перьевых украшений. Они торгуют ими. Перья тщательно сортируются, связываются или склеиваются черным воском и хранятся в корзинках. Некоторых птиц с этой целью содержат живыми. Кроме домашних кур, в их птичниках встречаются краксы, пенелопы, королевский и белый грифы, красный и синий ара, и много попугаев*. Утверждают

* Кроме ашакá и мундурукú, имеют живых птиц в селениях с той же целью и другие племена, употребляющие сложные перьевые украшения, например, Каража на реке Арагуайя (Fritz Krause. In den Wildnissen Brasiliens).

также, что у них в обычае вырывать перья у попугаев и затем смазывать лягушечьей кровью обципаные места до тех пор, пока вырастающие на месте прежних новые перья не переменят цвета—именно зеленого на желтый».

Последнее сообщение очень странно; оно придумано было, вероятно, тем лицом, у которого почерпнуто Мартиусом для

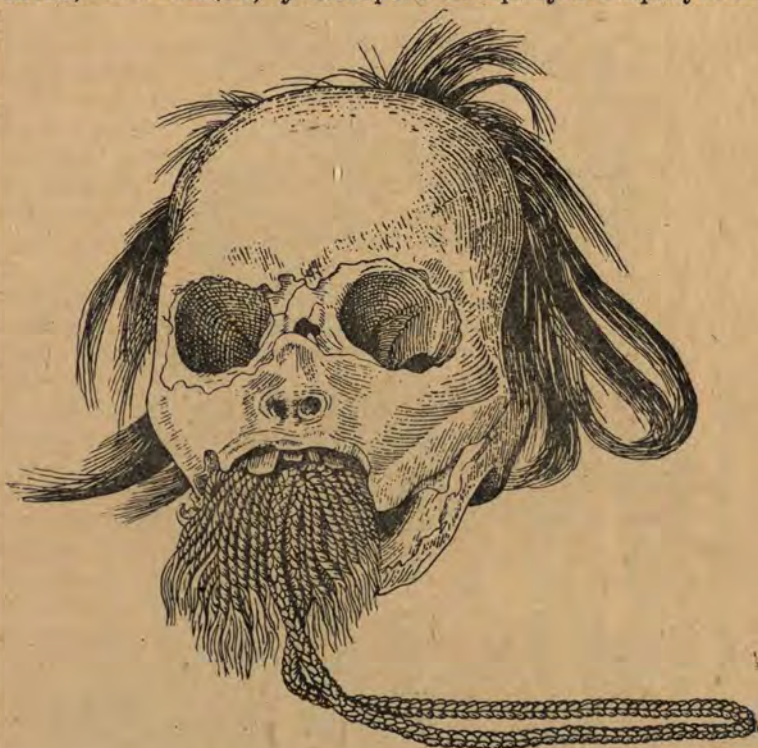

Рис. 55.

объяснения обилия желтых перышек в украшениях мундуруку, происхождение которых ему было неизвестно²⁵.

Танцевальный костюм из: 1) перьевой шапки («akeri», Мартиус) или ермолки, от которой свешивается назад род назатыльника из рулевых перьев араны с пучками мелких черных перышек на конце каждого длинного пера. На висках по подвеске из мелких черных и красных перышек с кисточкой на конце. Этот головной убор имеется в коллекции в трех экземплярах (№ 764—34, 35, 68). Головной убор (№ 35, рис. 56) отличается черным цветом перьев ермолки; основа шапки образована плотным переплетением толстых белых бумажных нитей, в котором плотно укреплены очины перышек. И черные и желтые перышки, вероятно, контурные самца и самки одного из видов кракса с половым диморфизмом. Из них и из контурных красного араны сделаны

Рис. 56.

и перевязи («раго-оага», Мартиус), составляющие вторую часть костюма. Их шесть (№ 764—72, 73, 74, 75, 76 и 77)—три черных, одна желтая и две красных. Они надеваются все сразу через правое плечо на левое бедро во время танца и напоминают род мантильи*. Третья составная часть костюма—пояс (рис. 58, колл. 764—39).

* [Перевязь № 77, рис. 57; ножной браслет № 764—27, рис. 60.]

Он приготовлен, как и ермолка, из плотно посаженных, только более мелких перышек и снабжен привесками с кистями, подобными тем, что свешиваются на висках. Наконец, руки и ноги перевязаны рядом браслетов. Выше локтя помещаются черные с подвесками, подобными вышеупомянутому (колл. 764—31, 32, 33). Один из них (рис. 59) снабжен снизу, как и на рисунке Флоранса, оторочкой из желтых перьев. На кистях рук—пуховые валики темносерого цвета с желтой поперечной полоской (колл. 764—70, 71), а под коленами такие же, но темные (колл. 764—26—30). Эти последние, повидимому, тождественны с теми, что упоминались как украшение на руках апиакá. Все браслеты завязываются толстыми хлопчатобумажными шнурами с кисточками перышек на концах. Техника укрепления перышек в них та же, что и на ермолках.

В руке у «вождя» виден жезл из синих перьев с желтыми и черными полосами тоже из перьев и черными перьевыми кисточками на конце каждого из составляющих его рулевых араны. В коллекции есть и этот жезл (колл. 764—69) и, кроме того, еще два из красных перьев (колл. 764—36, 37, рис. 61) Нетрудно усмотреть значительное сходство между этим жезлом и «скипетром» апиакá, описанным выше. В коллекции есть еще предмет (№ 764—38; может быть нагрудное украшение), назначение которого мне неизвестно. Вернемся теперь к дневнику.

«На следующий день мы пробыли несколько часов в большой хижине, полной гамаков, в которой находилось около 40 лиц. Некоторые из женщин занимались толчением маниоки, другие выжимали из нее сок, представляющий собою смертельный яд*; еще несколько сушили его на огне в огромных глиняных котлах.

Рис. 57.

* [Синильная кислота.]

Способ извлечения сока очень любопытен и показывает, как эти бедные индейцы отстали в своей индустрии.

Они подвешивают к одной из балок дома рукав, сделанный из тростника и лыка, диаметром сантиметров 20 и 2 или 3 м длиною. Он наполнен маниковым тестом так, что имеет двойную толщину против обычной. К нижнему концу рукава прикрепляют накрест две палки, на которые садятся четыре женщины и своею тяжестью его растягивают книзу и этим выжимают сок, который стекает в колоду. Легко понять, как мало вытекает сока от такого приема». В коллекции музея есть такой рукав, вероятно, привезенный экспедицией Лангсдорфа и именно от этих индейцев*.

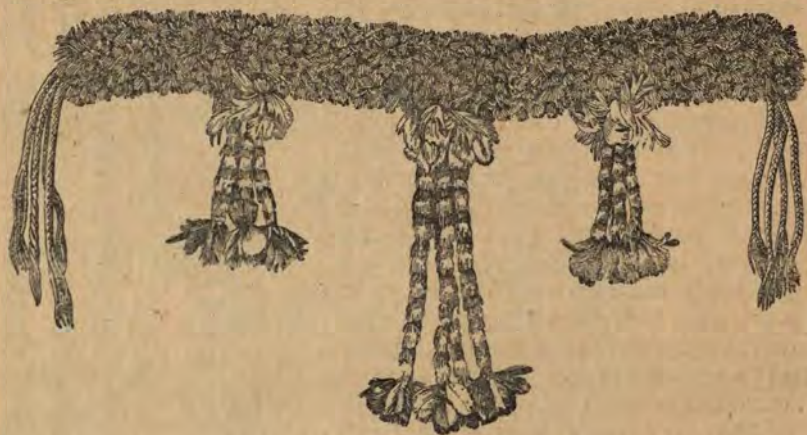

Рис. 58.

«Среди этих мундурукú я устроил ряд лавочки, чтобы выменивать у них за ножи, топоры и ожерелья всех цветов питательные корни, кур и уток—единственное, что мне удалось приобрести. Между тем, отсутствие этих средств питания было нам чувствительно, особенно из-за наших двух больных, которые были так слабы, что в лодке не могли выходить из-под навеса, а на суше вылезать из гамака».

Как и другие, хижины мундурукú, а впрочем и вообще жилища бедного люда во всей Бразилии, эта хижина была построена из вертикальных кольев, поставленных близко друг к другу, с горизонтальным переплетением из полос пальмы или бамбука, привязанных лианами (сирó). Эта решетка, набитая глиною, размятой в воде, образует совершенно плотные стены... Крыша крыта «сарé» (травяною соломою)^{2°}.

* [Такой способ обезвреживания маниоки имеется у большого числа индейских племен Южной Америки.]

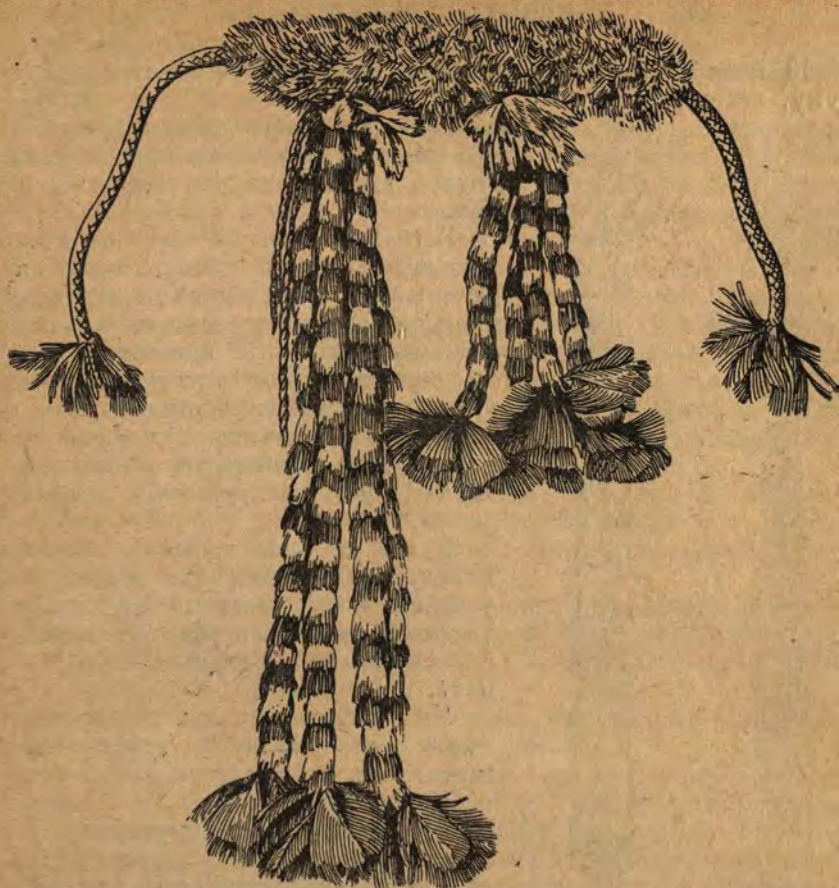

Рис. 59.

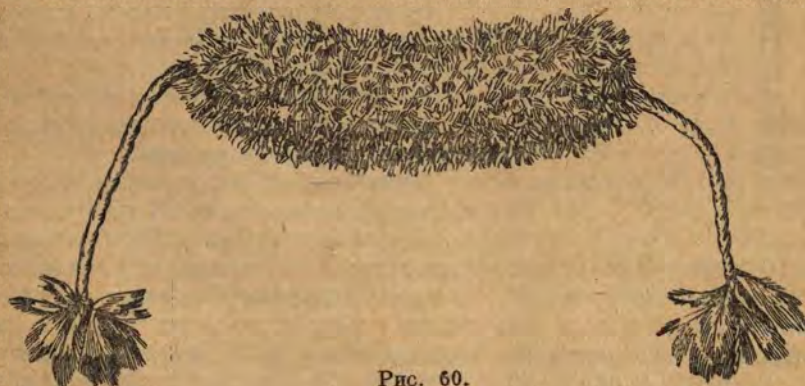

Рис. 60.

КОНЕЦ ЭКСПЕДИЦИИ

13 июня 1828 г. «С рассветом мы увидели хижины мунду-руку́, на этот раз лучше построенные, а слева другие — мауэ́-племени, отличного от первого, которое живет на этом берегу, простираясь внутрь страны, где становится более диким.

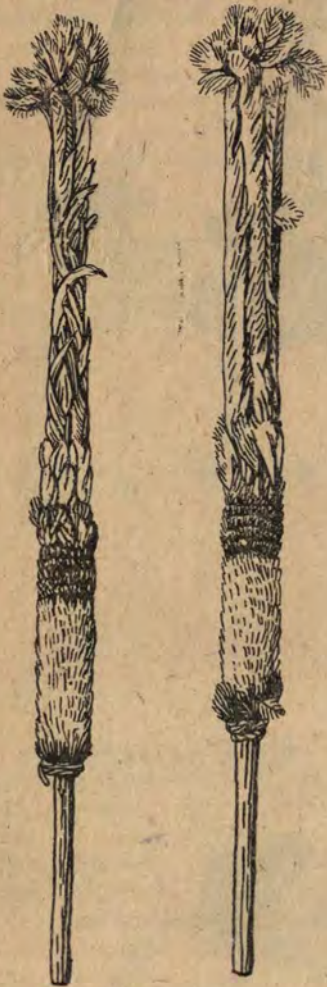

Рис. 61.

Посевы на этих местах, хотя и мало возделываемых, приятно успокаивают взоры, утомленные видеть одни пустыни. С восходом солнца мы подняли русский флаг, который встречные приветствовали выстрелами, в то время как наши работники пели и гребли, а «проегиос» (сидящие на носу лодки) ритмически стучали ногами в дно или руками в лопатки весел».

В тот же день достигли селения Итаитуба (Itaituba), где живет начальник этого округа. Это селение возникло по инициативе его самого и населено индейцами племени мауэ́.

На противоположном берегу реки лежит округ Uxituba, где главную часть населения составляют мунду-руку́.

Здесь экспедиция отпустила своих людей и пересела из лодок на небольшое парусное морское судно, стоявшее на якоре и готовое к отплытию в Сантарём.

18 июня распустили паруса и, подгоняемые бризом с берега, направились на северо-восток.

«Лангсдорф был так слаб, что мог сесть на судно лишь перенесенный в своем гамаке на руках».

Ветер был неблагоприятен и путешествие продолжалось 13 дней, и то с помощью неустанной работы веслами.

10 июля 1828 г. экспедиция достигла, наконец, Сантарёма. Этот город изображен на большой акварели Флоранса в нашей коллекции рисунков экспедиции. Как и во всех городах, на Амазонке того времени, здесь слышно было больше разговора на гуаранí (lingua geral brasílica), чем на португальском.

Вблизи города имелось и индейское поселение, которое, как и город, называлось первоначально Тапажос.

Флоранс делает экскурсии в окрестности в ожидании писем от Риделя.

Дело в том, что «состояние здоровья г-на Лангсдорфа,—говорит он,—не позволяло продолжать путешествие, и мы отправили нарочного в Рио Негро (Манаос), чтобы отвести письма г-ну Риделю, дававшие ему отчет о всем происшедшем и назначавшие столицу Балем или Парá как пункт нашей встречи».

1 сентября 1828 г. путешественники покинули Сантарém, направляясь в Балем (или Парá—столицу провинции). Амазонка встретила их бурей и волнением, причем волны, по словам Флоранса, достигали 6 м. Затем пришлось пробираться по узким рукавам, в которых ветви деревьев свисали над судном и задевали его. Пересекли устье Токантинса и, наконец, 16 сентября были в Парá, где экспедиция любезно была принята начальником войск провинции и воспользовалась его гостеприимством.

«Здесь мы прожили четыре месяца* в ожидании Л. Риделя; наконец, явился и он, тоже худой и переживший от болезней, схваченных на Рио Мадейра, где он, со своей стороны, выстрадал столько же, сколько и мы.

Так как мы уже наняли бразильский бриг, чтобы доехать до Рио-де-Жанейро, то через десять дней после прибытия этого нашего товарища, мы отплыли, взяв с собой пассажиром бывшего президента провинции.

Через пятнадцать дней после отъезда мы едва не потерпели крушение в отмелях побережья Маранью.

Через сорок шесть дней достигли мы города Рио-де-Жанейро, окончив наше полное страданий, беспокойств и несчастий странствие через внутренние области обширной бразильской империи». Как уже известно, из Рио-де-Жанейро Лангсдорф был отправлен на излечение в Европу. Флоранс ликвидировал свои обязательства, поселился в провинции Сан-Пауло, женившись на бывшей невесте Гассе и умер в 1879 г., отцом 21 ребенка от двух браков.

В 1829 г. материалы экспедиции привезены были в С.-Петербург астрономом Н. Рубцовым и размещены по соответствующим музеям и кабинетам Академии наук. О Рубцове переводчик, не указывая источника этих сведений, сообщает, что болезнь ног—результат перенесенной малярии, почти лишила его возможности двигаться, и он умер вскоре после возвращения в Россию где-то на Каспийском море. Ботанический сад Петра Великого купил тогда большую партию живых растений Риделя и отправил его вместе с садовником Лушнатом вторично в Бразилию, где в Рио-де-Жанейро было основано отделение сада, существовавшее

* Флоранс еще в декабре 1828 г. продолжал работать (отсюда в нашей коллекции рисунок ручного ягуара).

несколько лет. Ввиду богатства Бразилии лечебными растениями и первоначального «аптекарского» назначения сада, это казалось, вероятно, вполне целесообразным, однако требовало больших трат и скоро было ликвидировано. Имя Риделя, как и Лангсдорфа, оставило неизгладимый след в истории исследования бразильской флоры.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СОКРАЩЕНИЯ ЗАГЛАВИЙ ЦИТИРУЕМЫХ РАБОТ

- «В.» p.— «Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807» v. G. H. Langsdorff. 2 B. Цитируется или издание 1812 года—4° и иллюстрированное, или же—1813, «wohlfeile Ausgabe»—без иллюстрации — 8°.
- Gabany— «Galerie des Notabilités de Bade et de la Russie». «Notice Nécrologique sur le Baron George-Henri de Langsdorff, Conseiller d'état de S. M. L'Empereur de Russie, Ancien Consul Général de Russie au Brésil, célèbre Voyageur et Botaniste, Membre de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg et de plusieurs Sociétés savantes de divers pays, Chevalier de l'Ordre russe de Saint-Wladimir et de l'Ordre de Sainte-Anne de deuxième classe, Commandateur de l'Ordre du Lion de Zaehringen de Bade, Chevalier de l'Ordre du Mérite civil de Bavière, chevalier de l'Aigle rouge de Prusse, etc., etc. Mort à Fribourg en Brisgau (Grand-Duché de Bade), le 29 juin, 1852» par E. De Saint-Maurice Cabany. Extrait de Nécrologe Universel du XIX-e siècle. Paris 1853*.
- E. T. p.— «A expedição do consul Langsdorff ao interior do Brasil» por Alfredo d'Escragnoille Taunay Membro do Instituto Historico etc. «Revista Trimensal do Instituto Historico Geographico e Ethnographico do Brasil», 1875, T. XXXVIII, P. 1, p. 337—354.
- Fl. I p.— «Esboço da viagem feita pelo Sr. de Langsdorff no interior do Brasil, desde Setembro de 1825 até Março de 1829 escripto em original francez pelo 2-o desenhista da Comissão scientifica Hercules Florence traduzido por Alfredo d'Escragnoille Taunay». «Revista Trimensal do Instituto historico, geographico e ethnographico do Brasil». 1875. T. XXXVIII. Parte Primeira, p. 355—469.

* Возможностью воспользоваться этим курьезным сочинением я обязан М. П. Аделунгу, семья которого сохранила воспоминания о Г. И. Лангсдорфе.

Fl.II p.— То же—продолжение в следующей части журнала: «Revista Trimensal» etc. 1875, T. XXXVIII, Parte Secunda.

Fl.III p.— То же—продолжение в первой части следующего тома «Revista Trimensal» etc. 1876, T. XXXIX, Parte Primeira, p. 157—182.

Guimarães «Memoria sobre os usos, costumes e linguagem dos Appiacás et descobrimento de novas minas na Provincia de Matto Grosso». Por José da Silva Guimarães, natural de Guyabá, Commendador da Ordem de Christo, e Membro Correspondente do Instituto Historico e Geographico do Brasil. «Revista Trimensal», 1844, T. VI.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

СПИСОК ПРЕДМЕТОВ, ПРИВЕЗЕННЫХ ЭКСПЕДИЦИЕЙ АКАДЕМИКА Г. И. ЛАНГСДОРФА ИЗ БРАЗИЛИИ*

Племя гуатó

- 1, 2, 3 Опахала от москитов. Этикетка гласит: «Tissu dont se servent les Guatós pour chasser les moustiques». Материал, вероятно, волокна тукум. Размеры: 1—48×38 см, 2—48×38 см, 3—44×38 см № 764—62 (рис. 11), 63, 64.
- 4* Каменный топор. На этикетке значится: «Употреблялся гуатосами в древнее время». Длина 13 см (№ 765—65).

Племя борорó

- 5 Свистулька из тыквы и тростникового пищика. Изображена А. Тонэй, где обозначена, как «sifflet». (№ 764—57а—в; рис. 19). Тыковка вышиной в 10 см.
- 6, 7 Рога, служившие резонатором тростниковым пищикам, как изображено на рис. А. Тонэй (рис. 19), с надписью: «Cornets dont ils tirent des sons dans leur marche» (№ 764—58, 59).
- 8* Губное украшение в виде цепочки (№ 764—55). По списку «серьга» (?). Кольца цепочки (7) имеют 2 см в диаметре (рис. 28).
- 9* Волосяная накладка (№ 765—43; рис. 20).
- 10*, 11*, 12* Три диадемы. Племя в списке не указано (№ 765—3, 4, 5; рис. 29).
- 13, 14 Головные булавки, соответствующие рисункам Флоранса («Glo-bus», рис. 7) и А. Тонэй (№ 765—22; рис. 30; № 765—23).
- 15 Кушак девушки. «Ceinture d'une jeune fille Bororó», гласит этикетка (765—61). Ширина кушака 16 см.

* Звездочкой помечены предметы, утратившие этикетки, но, повидимому, относящиеся к той же коллекции.

В скобках помещены номера регистрации С. А. Штернберг, составленной в феврале 1911 г.

- 16, 17, 18 Ушные подвески из перламутровых полумесяцев. Соответствуют рис. А. Тонэй (№ 19) (№ 765—51, 52, 56; рис. 25).
- 19*, 20* Parico—головная диадема. Этикетка утеряна (№ 765—1, 2).
- 21* Такая же маленькая (№ 765—14).
- 22*, 23*, «Kurugúgua» (?)—диадемы борорó, носимые наклонно назад (№ 765—6, рис. 32; № 765—7, 8, 9 рис. 31).
- 24*, 25*
- 26, 27, 28 Диадемы, соответствующие рис. А. Тонэй (рис. 18, № 764—41, 43, 44).
- 29 Головной убор в виде венка из когтей ягуара. Под соответствующим рисунком А. Тонэй (рис. 32) подпись: «Couronne d'ongles d'once, des Indiens Bororós» (№ 764—45)
- 30 Нагрудное украшение из клыков *Dicotylus*, соответствует рисунку А. Тонэй (рис. 32, № 765—40). В смоляную бляху вдавлено 8 перламутровых кружков.
- 31 Нагрудное украшение из когтей *Dasypus Giganteus*. На одном из когтей подпись: «Ongles de tatu Canastra». Соответствует рис. 32 А. Тонэй. Перламутровых кружков—15 (№ 765—39). Расстояние между концами когтей 25 см.
- 32 Пояс или ожерелье из зубов *Dasypus Giganteus*. Соответствует рис. 32 А. Тонэй. Длина 72 см (№ 765—41).
- 33* Ожерелье или пояс из кусочков птичьих косточек, чередующихся с чечевицеобразными семенами, просверленными в середине. Больше 2 м длиной. (Может быть, апиакá. По списку, однако, значится «ожерелье борорó») (№ 764—50).
- 34 Пояс борорó из оленьих копытцев. Соответствует рис. 19 А. Тонэй, с подписью «Geinture de sabots de cerfe». Длина 78 см (№ 764—60).
- 35 Типичное нагрудное украшение из 4 клыков и 10 коренных ягуара (рис. 33, № 764—53).
- 36*, 37*, 38*, «Ожерелья борорó», согласно списку, из искусственных зубчиков, вырезанных из скорлупы ореха (№ 764—46, 47, 48, 49).
- 39*
- 40*, 41*, 42*, Долодца из зубов *Dasypus aguty*. По списку отнесены к племени апиакá. На длинных шнурах прикреплены к ним дощечки из мягкого дерева. Материал рукояток—пальма «aigu», а у одного—птичья кость (рис. 21, № 764—22, 23, 24, 25).
- 43*
- 44*, 45* По списку «пара серег индейцев апиакá». Рукоятка из легкого, похожего на толстый камыш материала (в этом сходство с камышевыми втулками, украшенными перьями, носимыми в ушах индейцами апиакá). По форме соответствует «Долоту из зуба капиварь», К. Штейнена, племени борорó (см. в тексте) (рис 35, № 764—17/2).
- 46* Племя в списке не указано. Маленький лучок, могущий быть игрушкой или же приспособлением для трепания хлопка (вроде изображенного в работе F. K r a u s e. In den wildnisen Brasiliens, стр. 293, от племени каража). Если верно последнее, то он принадлежит или апиакá или мундурукú. Длина—44,5 см. Подвеска из 8 низочек бус (№ 765—54).

Племя карипуна

- 47 На этикетке значится «Chemise des indiens Caripunas du Rio Madeira». Материал—древесный луб «figeira». Безрукавка. Длина 109 см (рис. 38, № 764—67).
- 48 Этикетка гласит: «Namac des Indiens Caripunas du Rio Madeira». Сплетен из нитей, плохо спученных из лыка. Цвет коричневый, без орнамента и окраски (может быть уруку). Длина 2,9 м (№ 764—66).

Племя апиакá

- 49, 50, 51, 52* Этикетка к № 51 гласит: «Ornement que les Apicacs portent au cou, ou à la ceinture». Все эти предметы—большие петли (от 1,5 до 11 м) из точеных из скорлупы черных бус, чередующихся в №№ 50, 51 и 52 с зубами. Подобные предметы описаны и Гуимарайшем в «Revista Trimensal» (т. VI, 1844). № 52 в списке отнесен к борорó (№ 764—10, 11, 12, 54).
- 53, 54 Головные обручи. Этикетка гласит: «Pièces que les Apicacs portent à la tête, et ou ils mettent leurs ornements de plumes», а на соответствующей этикетке на русском языке—надпись «Langsdorf» (рис. 44, № 764—15, 16).
- 55, 56 Диадемы, соответствующие изображенной Флорансом на рис. 43. По списку отнесены к борорó (№ 764—40, 42).
- 57, 58, 59, 60, 61, 62 Ушные украшения мужчин, состоящие из камышевых втулок, украшенных перьями. Соответствуют изображенным Флорансом на рис. 43, слева (№ 764—1, 2, 3, 4, 5, 6).
- 63 Мужское ожерелье из 18 пар птичьих косточек. Изображено на рис. 43 Флоранса. Косточки длиной 4,5 и 5 см (рис. 45, № 764—9).
- 64 Браслет. Этикетка гласит: «Brasselet que les Apicacs portent près de l'épaule». Длина косточек, его образующих,—1,5 см (рис. 46, № 764—8).
- 65 По списку «перьевой жезл апиака». Соответствует изображенному Флорансом на рис. 43. Обмотан у основания ниткою с нанизанными короткими перышками, легко снимающейся (рис. 47, № 764—7).
- 66, 67 По списку «гребень апиакó». Камыш, являющийся их основой, тот же, что и в ушных украшениях (рис. 49, № 764—20, 21).
- 68, 69 По списку «Ожерелье в виде камышевых кругов». № 68 в 43,5 см, а № 69—36,5 см диаметром. Не нагрудное ли украшение? Круги усажены зубами обезьян. Описаны у Мартвуса, «Veitträge...», стр. 596 (№ 764—13, 14, рис. 48).
- 70*, 71* По списку племя и назначение неизвестны. Может быть ушные втулки женщин апиакá, а может быть и мужчин мундурукú. Материал—птичья кость и черные перышки (№ 765—26 а—в).

Племя мундурукú

- 72* Рукав для выжимания ядовитого сока из тертой маниоки, сделанный из камыша, называемый в Бразилии «tipiti». Употребле-

- ние его описано в дневнике Флоранса (Fl. III, стр. 164). По списку назван «колчаном», этикетки нет (№ 765—53).
- 73* Мумифицированная человеческая голова—военный трофей, описанная К. К. Гильзенем в «Сборнике Музея антропологии и этнографии», т. IV, стр. 351—358 (рис. 55, № 2445—1).
- 74, 75, 76 «Buta» (Мартиус)—скипетры или жезлы для танцев. В списке №№ 74 и 75 отнесены к какому-то племени Batudo». Соответствуют изображению на рисунке Флоранса (764—36, 37 и 69). №№ 69 и 37 см. на рис. 61.
- 77, 78, 79 «Akeri» (Мартиус)—головные танцевальные уборы, № 79 черного, а остальные желтого цвета, с сине-красными назатыльниками из рулевых араара. Соответствуют изображенному на рисунке Флоранса. №№ 79 и 80 в списке относятся к какому-то племени батудо (№ 764—34, 35 и 68). № 35 см. на рис. 56.
- 80, 81, 82, «Papo-oaga» (Мартиус). Первые перевязи или шарфы для танцевального убора. Изображены на том же рисунке Флоранса. №№ 82, 83 и 84 красно-розовые, 85—желтый, а 68 и 87 черные (№ 764—72, 73, 74, 75, 76 и 77). № 764—77 см. на рис. 57.
- 83, 84, 85
- 86*, 87* То же, но по списку племя значится «неизвестным» (№ 765—17, 19).
- 88 Пояс, составляющий часть танцевального костюма, изображенного на том же рисунке Флоранса. По списку—«племени батудо» (?) (№ 764—39). См. на рис. 58.
- 89, 90 Пара браслетов, надеваемых выше локтя. Изображены на том же рисунке Флоранса. По списку «племени батудо» (?) (№ 764—31, 32). № 32 см. на рис. 59.
- 91 Браслет, надеваемый выше локтя, как видно на том же рисунке Флоранса. Отличается от предыдущих наличием каймы из желтых перьев по нижнему краю. По списку—«племени батудо» (?) (№ 764—33).
- 92, 93 Пара браслетов, надеваемых на запястье, как видно на том же рисунке Флоранса (764—70).
- 94, 95, 96 Надеваемые на икры под коленным сочленением перевязи, вероятно, также и тождественные с ними браслеты племени ашакá. Также изображены на том же рисунке Флоранса. По списку—«племени батудо» (?) (№ 764—26, 27, 28, 29, 30). № 27 см. на рис. 60.
- 97, 98
- 99 Пояс (?) или нагрудное украшение (что вероятнее). По списку—«пояс племени батудо» (?) (№ 764—39).

ПРИЛОЖЕНИЕ III

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ И РУКОПИСЕЙ АКАДЕМИКА Г. И. ЛАНГSDОРФА

1. «Commentatio medicinae obstetriciae sistens phantasmarrum sive machinarum ad artis obstetriciae exercitia facientium vulgo Fantomae dictorum brevem historiam», Göttingen 1797.
2. «Nachrichten aus Lissabon über das weibliche Geschlecht, die Geburten und Entbindungskunst in Portugal», Lissabon 1799 (1800?).
3. «Observações sobre o melhoramento dos hospitaes em geral dedicadas ao illustrissimo e excellentissimo senhor Luiz Pinto de Sousa Continho» por Jorge Henrique Langsdorff... Medico do Hospital da Nação Allema em Lisboa etc... Lisboa, 1800. БАН.
4. «Перечень письма к г. академику Крафту, с острова Св. Екатерины от 24 гевваря 1804 года». Технологический журнал. Изд. Акад. наук, т. I, ч. 3, 1804 г., стр. 181—186. БАН.
5. «Примечания о набивании и сушении рыб, представленные Академии наук от г. Лангсдорфа, оной Академии и Геттингенскаго ученаго общества корреспондента». Технологический журнал. Изд. Акад. наук, т. II, ч. II, Санкт-Петербург, 1805 г., стр. 75—88. БАН.
6. «Выписка из письма г. Лангсдорфа к академику Крафту, о Камчатке». Там же в отделе «Краткия известия», VI, стр. 156—159. БАН.
7. Langsdorf et Horner. «Observations météorologiques faites d'heure en heure entre les deux tropiques dans la mer du sud pour examiner les oscillations du baromètre». Présenté le 20 janvier 1808. Mémoires de l'Acad. Imp. d. Sc. V Série, т. 1, pp. 450—486. БАН.
8. «Описание узоров, наводимых жителями острова Вашингтона на их теле». Технологический журнал. Изд. Акад. наук, т. VII, ч. 2, 1810 г., стр. 114—127. БАН.
9. «Plantes recueillies pendant le voyage des Russes autour du monde» Langsdorff et Fischer. Tübingen, 1810—1818.
10. «Description du Tetrao intermedius n.-sp. Mémoires de l'Académie de St.-Pétersbourg, т. 3, pp. 286—294. БАН.
11. «Description d'un tétras, ou d'une espèce particulière d'oiseau très peu connue, qui se trouve aux environs de St.-Pétersbourg». Recueil de l'Académie des Sciences. 1811. БАН.

12. «Über den Kamtschadalischen Fliegenschwamm». Annalen der wetter-nischen Gesellschaft für die gesammte Naturkunde, B. I, S. 249. (Соответственный рукописный мемуар имеется в Архиве АН, по-французски.)

13. «Über die Entstehung einer neuen Insel im Aläutenarchipel» (по Рапцелю, в его заметке о Лангсдорфе в «Allgemeine deutsche Biographie», он не указывает журнала, где была напечатана эта статья).

14. «Remarques sur le Kamtschatka et sur ses productions naturelles». Mémoires de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou, т. III, Moscou, 1812. БАН.

15. «Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807». 2 B. Frankfurt-am-Mayn. 4° 1812 (с 44 таблицами). БАН.

Idem. «Wohlfeile Ausgabe ohne Kupfer»—ibid. 8° 1813. БАН.

16. «J. G. Langsdorff's Reise um die Welt» für die Jugend bearbeitet v. R. K. Gutmann. Wien, 1816. БАН.

17. «Voyages and Travels in various parts of the world during the years 1803, 1804, 1805, 1806 and 1807». 2 V. London, 1813, 14, 4 (с картою и таблицами). П. Б.

18. «Mémoires sur le Brésil pour servir de Guide à ceux qui désirent s'y établir». Dénugon. Paris, 1820. БАН.

19. «Bemerkungen über Brasilien mit gewissenhafter Belehrung für auswandernde Deutsche». Heidelberg [Verlag von Karl] Groos, 1821. БАН.

20. «Kurze Bemerkungen über die Anwendung und Wirkung der Cainsawurzel». Rio-de-Janeiro, 1827. (Соответств. мемуар в рукописи в Архиве Академии наук).

21. «Auszug aus einem Schreiben des Herrn von Langsdorff an die Konferenz der K. Akademie d. Wiss. in St.-P.» St.-Petersburgische Zeitung, № 52. 29 Junii 1828.

В Архиве Академии наук хранятся следующие рукописные мемуары академика Г. И. Лангсдорфа;

1. «Прибавление к естественной истории некоторых пород тетеревей. Соч. Г. Лангсдорфа». Без означения года [фонд 63, оп. 1, № 31].

2. «Observations zoologiques faites dans la Province de Rio Janeiro dans les années 1822—1823, par G. de Langsdorff et E. Ménétries» (Présenté à la Conférence le 25 août 1824) [фонд 63, оп. 1, № 28, л. 11].

3. «Description du rat à ventre blanc, Mus leucogaster, par G. de Langsdorff» (Présenté à la Conférence le 25 août 1824) [фонд 63; оп. 1, № 29, л. 2].

4. «Collection d'oiseaux et de Mammifères. Oiseaux récoltés dans la province de Minas Geraes pendant l'année 1824. Langsdorff».

Каталогу предшествует маленькая статья о природе формации, известной в Бразилии под именем «сапро» [фонд 63, оп. 1, № 32].

5. «Anzeige von einem in Brasilien entdeckten und bei Wassersuchten sehr wirksamen Heilmittel Caina genannt von G. v. Langsdorff» (Lu en Conférence le 11 octobre 1826). Пометка у подписи гласит: «Villa de Ytu. 6 febr. 1826» [фонд 63, оп. 1, № 30, л. 7].

Кроме того, хранятся письма его, начиная с 1802 г. (из Лиссабона), за 1803, 1804 (с острова Св. Катарина), 1805, 1807, 1808, 1809, 1810, 1812, 1814, 1815, 1816, 1818, 1822. Писем более поздних дат не имеется.

Список иллюстраций

№ рис.	Подписи к рисункам
1	14 Mai, 1824. Rio de Paraiba et Registo. Rugendas f ^t . Река Параиба и Регисто. Провинция Рио-де-Жанейро. 14 мая 1824. Рисунок М. Ругендаса, исполненный жидкой тушью. (Архив Академии наук СССР, фонд 63, опись 2, № 17). Размер оригинала 38,5×28 см.
2	30 Septembre, 1824. Vue de la (Villa) ville de Sabara, Prov ^o de Minas Geraes. Rugendas f ^t . Город Сабарá в провинции Минас-Жерайс. Рисунок М. Ругендаса. Тушь. Рисунок не закончен. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 36). Размер оригинала 36×25,5 см.
3	1824. Province de Minas Geraes. Rugendas fecit. Провинция Минас-Жерайс. Пояснительного текста нет. По описи Г. Г. Маннзера: «Дикий уголок у ручья». Рисунок М. Ругендаса. Карандаш. Рисунок не закончен. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 37). Размер оригинала 35,8×27 см.
4	Province de Rio de Janeiro. Rugendas. Провинция Рио-де-Жанейро. Пояснительного текста нет. Группа людей различных национальностей. Одноцветный рисунок М. Ругендаса. Некоторые фигуры не закончены. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 10). Размер оригинала 40×27 см.
5	Serra de Estralla. Province de Rio Janeiro. Rugendas fecit. 1824. Горная цепь к северу от Рио-де-Жанейро. Рисунок М. Ругендаса, одноцветный. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 13). Размер оригинала 42×30 см.
6	12 Juillet, 1824. Descuberta nova preto do Rio das Pombas. Cidade Imperial do Ouro Preto. Rugendas fecit. Открытие новой золотой россыпи около Рио дас Помбас. Рис. М. Ругендаса. Черная тушь. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 25). Размер оригинала 34,5×23 см.
7	Août 1924. Cidade Imperial de Ouro Preto. Rugendas fecit. Город Ouro Прéто. Август 1824. Рис. М. Ругендаса. Жидкая тушь. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 30). Размер оригинала 37,5×25,5 см.
8	23 Septembre 1824. Vue de la Villa de Kaeté. Prov ^o de Minas Geraes. Rugendas fecit. Вид города Каэтé. 23 сентября 1824. Рисунок М. Ругендаса. Жидкая тушь. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 35). Размер оригинала 36×25,5 см.
9	Riche habitant de S. Paul qui conduitses mulets chargés de sucre. Adrien Tanau, fecit. 1825. Богатый житель Сан-Пауло, сопровождающий своих мулов, нагруженных тростниковым сахаром. 1825. Акварель А. Тоная. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 3). Размер оригинала 21,5×17,5 см.
10	Août ou Septembre, 1826. Vue d'une Cachoeira du Rio Pardo. Adrien Taunay, fecit. Водопад на Рио-Пардо. 1825. Акварель А. Тоная. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 53). Размер оригинала 34×24 см.

№
рис.

Подписи к рисункам

- 11 Опахало от москитов индейцев гуатé. Из коллекции экспедиции Г. И. Лангсдорфа. № 764—62. Длина 48 см, шир. 38 см.
- 12 Au Rio Pary, près de Cuyabá. Avrie 1827. Adrien Taunay, fecit. Вид р. Пари около города Куябá. Апрель 1827. Рисунок А. Тонэя. Жидкая тушь. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 55). Размер оригинала 22,8×18,2 см. Оригинальный способ рыбной ловли описан художником на оборотной стороне рисунка (см. стр. 73).
- 13 Juin, 1827. Vue de la deserte de la serra de la Charada et de partie de la pleine de Cuyaba. Adrien Taunay, fecit. Вид пустыни в горной цепи Шапада и части долины Куябá (с восточной стороны). Июнь 1827. Рисунок А. Тонэя. Жидкая тушь. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 61). Размер оригинала 60×44 см.
- 14 Environs de Diamantino. Janvier, 1823. Embria uçu. Hercule Florence, f^t. Окрестности города Диамантино. Эмбира Усу. Акварель Г. Флоранса. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 64). Размер оригинала 49,3×35,3 см.
- 15 Juin, 1827. Autre vue prise dans le District de la Chapade. Adrien Taunay, fecit. Другой вид в округе Чапада. Июнь 1827. Рисунок А. Тонэя. Жидкая тушь. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 59). Размер оригинала.
- 16 Environs de Guimarães. Mai 1827. Hercule Florence, f^t 3me vue des Rochers de la Charada. Окрестности города Гимараэнс. Скалы Шапада. Май 1827. Рисунок Г. Флоранса. Жидкая тушь. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 62). Размер оригинала 45,5×34,8 см. Рисунок впервые был опубликован в работе В. Ф. Гнучевой. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII—XIX вв. (Труды Архива Академии наук СССР, вып. 4, М.—Л., 1940).
- 17 Indien Cabexi élevé á Cuyaba. Cuyaba. Novembre, 1827. Hercule Florence fecit. Индеец племени Кабиши, воспитавшийся в городе Куябá. Куябá. Ноябрь 1827. Акварель Г. Флоранса. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 98). Размер оригинала 22×29 см.
- 18 Ornaments de tête des Indiens Bororó. Décembre, 1827. Adrien Taunay, f^t. Головные уборы борорó из разноцветных перьев. Декабрь 1827. Акварель А. Тонэя. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 111). Размер оригинала 22×28,5 см. Изображенные предметы хранятся в Музее антропологии и этнографии (№№ 764—41 и 44).
- 19 Suite des ornements des Bororó. Décembre 1827. Adrien Taunay f^t. Предметы борорó. Декабрь 1827. Незаконченная акварель А. Тонэя. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 112). Размер оригинала 22,5×28,5 см. Изображенные предметы хранятся в Музее антропологии и этнографии. 1. Пояс из копытцев лани (764—60); 2. Свистулька из тыквы (764—57); 3, 4. Сигнальные рога (764—58 и 59); 5. Ушные подвески (764—51).
- 20 Украшение (накладка) из лошадиной гривы. Борорó. (Кол. 765—43).
- 21 Орудия для изготовления стрел. Борорó. 1. К палочке прикреплен обвязкой из растительных волокон зуб животного. К другому концу палочки двойной бечевкой прикреплена дощечка.

№
рис.

Подписи к рисункам

- Длина палочки 15 см, дл. дощечки 13,7 см. (Кол. 764—25);
2. Острие из зуба прикреплено обвязкой к трубчатой кости. К другому концу кости, двойной бечевкой прикреплена деревянная дощечка. Дл. кости 19 см, дл. дощечки 17 см. (Кол. 764—22);
3. Орудие сходное, с № 1. Длина дощечки 5 см. (Кол. 764—24);
4. Орудие, сходное с №№ 1 и 3. Длина палочки. 24 см, дл. дощечки 10 см (764—23).
- 22 D cembre, 1827. Adrien Taunay ft. Vue du village des Indiens Boror s, nomm  Pao-Seco, lequel est situ  a 7 lieues du Paraguay et sur son cot  gauche, sur la route de Villa Maria. Pao Seco—селение индейцев борор , находящееся в 7 лье от р. Парагвай, на его правом берегу, на пути из Вилла Мария в Вилла Б лла до Матто Гроссо. Декабрь 1827. Акварель А. Тонэя. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 108). Разм. оригинала 27,3×22,3 см.
- 23 D cembre 1827. Adrien Taunay fecit. Aldea des Boror s. Hutte des Bororos. Хижина борор . Акварель А. Тонэя. (Архив АН, фонд 63, опись № 2, № 109). Размер оригинала 27,8×20,5 см.
- 24 D cembre 1827. Adrien Taunay fecit. Int rieur d'une hutte des Indiens Boror s. Внутренний вид в хижине борор . Акварель А. Тонэя. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 105). Размер оригинала 27,3×20,5 см.
- 25 Ушные подвески борор . Состоят из связки колец с прикрепленными к каждому кольцу полумесяцами из перламутра ²/₃ нат. в. (Кол. 764—56).
- 26 D cembre 1827. Adrien Taunay ft. Indiens Boror s a l'entr e de la maison de MM^{rs}. Riedel et Taunay. Индейцы борор  у входа в дом, где жили Ридель и Тонэй. Декабрь 1827. Акварель А. Тонэя. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 101). Размер оригинала 22×27 см.
- 27 D cembre 1827. Homme et femme Boror s. Adrien Taunay ft. Мужчина, женщина и ребенок борор . Декабрь 1827. Акварель А. Тонэя. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 102).
- 28 Губное украшение борор . К втулке из камыша, вставляемой в губу, прикреплены 7 колец из скорлупы пальмового ореха и две перламутровые пластинки. Диаметр втулки 1,9 см, диаметр каждого кольца 2 см. (Кол. 764—55).
- 29 Головной убор борор  из разноцветных перьев. Средняя длина перьев 23—27 см. (Кол. 765—5).
- 30 Головная булавка борор . Дл. 19 см. (Кол. 765—22).
- 31а Часть головного убора борор  из коричневых перьев. Дл. 28 см. (Кол. 764—9).
- 31б Часть головного убора борор  из черных и белых перьев. Длина 33,5 см. (Кол. 765—6).
- 32 Suite des ornements des Boror s. Головной убор, нагрудные украшения и пояс (?) борор . (Кол. 765—). Акварель А. Тонэя. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 113). Размер оригинала 22,4×25 см.
- 33 Нагрудное украшение из зубов ягуара. (Кол. 764—53).

№ рис.	Подписи к рисункам
34	Flèches des Bororós. Décembre, 1827. Adruien Tanay f ^t . Стрелы борорó и орудие для их изготовления. Декабрь 1827. Акварель А. Тоня. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 114). Размер оригинала 22,2×28,2 см.
35	Орудия для изготовления стрел. Длина 14,7 см. (Кол. 764—17/2).
36	Pao-Seco, Décembre, 1827. Adrien Taunay f ^t . Quelques Bororós font une visite á M. M ^{rs} Riedel et Tanauy dans la maison qu'ils occupaient près de leur village. Борорó в гостях у Риделя и Тоня. Декабрь 1827. Акварель А. Тоня. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 103). Размер оригинала 27×22,3 см.
37	Indien Xiquito demeurant á Casalvasco. Décembre, 1827. Adrien Taunay f ^t . Индеец чикито, живущий в Казалваско. Акварель А. Тоня. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 117). Размер оригинала 28,8×22,8 см.
38	Рубашка из луба. Индейцы карипуна. (Кол. 764—67). Длина 110 см, ширина 58 см.
39	Diamantino de Matto Grosso. Fefrier, 1828. Negre Cabinda. Hercule Florence f ^t . Диамантино. Февраль 1828. Негр племени кабинда. Акварель Г. Флоранса. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 80). Размер оригинала 22,2×29 см.
40	Diamantino de Matto Grosso. Fevrier, 1828. Negre Congo. Hercule Florence f ^t . Диамантино. Февраль 1828. Негр из Конго. Акварель Г. Флоранса. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 79). Размер оригинала 22,4×29 см.
41	Diamantino de Matto Grosso. Fevrier, 1828. Negresse Rebolo. Hercule Florence f ^t . Диамантино. Февраль 1828. Негритянка по имени Реболо. Акварель Г. Флоранса. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 81). Размер оригинала 21,7×27 см.
42	Port de Rio Preto. 25 Mars, 1828. Apiacá, travaillant au Diamantino de Matto Grosso. Hercule Florence, fecit. Рио-Прéто. 25 марта 1828. Апиакá, работающий в Диамантино. Акварель Г. Флоранса. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 121). Размер оригинала 22,7×30,8 см.
43	Apiacás. Avril, 1828. Habitation des Apiacás sur l'Arinos Hercule Florence, fecit. Апрель 1828. Жилище апиакá на р. Аринос. Акварель Г. Флоранса. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 124). Размер оригинала 51×40,8 см.
44	Часть головного убора апиакá—основа, к которой прикрепляется диадема из перьев. (Кол. 764—16). Диаметр по длине 17 см; по ширине—14 см.
45	Ожерелье апиакá, из отрезков трубчатых косточек. (Кол. 764—9). Длина 1 метр.
46	Браслет апиакá из отрезков трубчатых косточек, надеваемый на предплечье. (Кол. 764—8). Длина—29,5 см.
47	Танцовальный жезл апиакá (Кол. 764—7). Длина 70,5 см.
48	Украшение апиакá из зубов и ногтей животных. (Кол. 764—14). Диаметр 35,5 см.
49, 50	Гребни апиакá. (Кол. 764—20 и 21). Длина 10,5 и 7 см.

№
рис.

Подписи к рисункам

- 51 Avril 1828. Habitation des Ariacàs sur le Juruenna Hercule Florence fecit. Дом—селение апиакá на берегу р. Жюруана. Апрель 1828. Рисунок Г. Флоранса. Жидкая тушь. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 123). Размер оригинала 30,8×22 см. Аналогичный, но схематически выполненный, рисунок Флоранса опубликован К. Штейненом («Globus», 1899, т. 75, № 2, стр. 30).
- 52 Mai 1828. Chute du Juruenna, dite Salto Augusto. 2^{leme} feuille. Май 1828. Водопад на Жюруэна, называемый Сальто Аугусто. 2-й лист. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 67). Размер оригинала 67,5×40 см. В описи Флоранса, относящейся к двум изображениям этого водопада, имеется следующее дополнение: «Название этого величественного катарракта было дано ему португальцем Томасо Франча в честь Карла Августа де Оэнхаузена, который во время открытия, около 20 лет тому назад, был главным капитаном провинции Мато-Гроссо».
- 53 Mundurucu. Aux bas-fonds appelés Tiacoron, la riv. Tapaajos. Juin 1828. Hercule Florence f^t. Мундурукú побережья р. Тапажос. Июнь 1828. Акварель Г. Флоранса. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 126. Размер оригинала 21,2×31,5 см.
- 54 Femme et enfant Mundurucús. Aux bas-fonds appelés Tiacoron, a la Riv. Tapaajos. Juin, 1828. Hercule Florence f^t. Женщина и ребенок мундурукú побережья р. Тапажос. Июнь 1828. Акварель Г. Флоранса. (Архив АН, фонд 63, опись 2, № 127). Размер оригинала 20,4×27,5 см.
- 55 Мумифицированная голова—военный трофей мундурукú. (Кол. 2445—1).

Танцевальный костюм мундурукú

- 56 Головной убор (вид сзади). (Кол. 764—35). Дл. 38 см.
- 57 Перевязь из шести гирлянд разноцветных перьев. (Кол. 764—77). Длина около 1 метра.
- 58 Пояс из перьев. (Кол. 764—39). Дл. 1 метр.
- 59 Браслет из черных и красных перьев, надеваемый на руку, выше локтя. (Кол. 764—32).
- 60 Браслет, надеваемый на ногу под колено. (Кол. 764—27). Длина плетеной части 18 см; шир. 3 см. Длина завязок 20—22 см.
- 61 Жезлы вождя из разноцветных перьев. (Кол. 764—69 и 37). Длина 71 и 70 см.

КОММЕНТАРИИ РЕДАКТОРА

1. Mate (*Ilex araguayensis*) — так наз. парагвайский чай, широко распространенный напиток, употребляемый главным образом в Парагвае и в Бразилии. Производство мате в настоящее время является одной из основных отраслей экономики Парагвая.

2. Рабство в Бразилии официально было отменено в 1888 г., однако положение современных неонов мало чем отличается от положения рабов.

3. Пропагандой эмиграции в Бразилию Лангсдорф занялся, разумеется, не только из желания «работать на пользу молодого общества страны, которая его очаровала».

Будучи человеком чрезвычайно предприимчивым и энергичным, Лангсдорф учел выгоду, которую в то время представляло использование колоссальных неосвоенных земельных угодий. Желание правительства как можно скорее поднять экономику Бразильской империи путем развития плантационного хозяйства, с одной стороны, и недостаток рабочей силы — с другой, привело к ряду поощрительных мероприятий, которыми, как видно из основного текста, Лангсдорф не замедлил воспользоваться.

Условия, на которых нанимались колонисты, и жестокая эксплуатация их труда, вряд ли оставляли место для удовлетворения «тоски по поэтическому настроению», не говоря о том, что колонисты направлялись в Бразилию, гонимые нуждой, а не желанием любоваться красотами бразильской природы.

Не исключена возможность того, что положение колонистов на землях, принадлежавших Лангсдорфу, было сравнительно лучшим, чем в других поместьях. Но две десятины, которые они обязаны были отдавать государству и помещику, не случайно навели Г. Г. Манизера на аналогию с оброком, ибо колонисты фактически превращались в крепостных.

Система неонажа, широко развитая в странах Латинской Америки, является наглядным примером фактического закабаления юридически свободных людей, существующего и в настоящее время.

4. Полевые материалы экспедиции были найдены в 1930 г. Они хранятся в Архиве Академии наук СССР.

5. Дневник этот, повидимому, был написан Флорансом в двух экземплярах, так как в Архиве АН хранится оригинал его рукописи, по тексту не вполне совпадающий с цитируемой Г. Г. Мавизером работой (Архив АН, фонд № 63, опись 1, № 9).

Часть дневника Флоранса, как указывалось выше, была напечатана в «Revista do Museu Paulista», 1929, t. XVI, стр. 880—991 (под названием «De Porto Feliz á Cuyabá» (1826—1827) (Diario de Viagem de um naturalista da expedição do Barão de Langsdorff). Отрывком из дневника предпослано введение Alfredo d'Escagnolle Taunay, в котором дается подробное описание деятельности экспедиции Г. И. Лангсдорфа. Статья была подготовлена к печати в 1928 г. Affonso de E. Taunay, снабдившим ее кратким введением, в котором сообщаются сведения о биографии Флоранса и дается весьма положительная оценка его работы в области изучения Бразилии.

В Архиве Академии наук СССР имеется небольшая, опубликованная нами в русском переводе в журнале «Советская этнография» (1936, № 6) рукопись Флоранса под названием «Esquisse pittoresque du voyage de Porto-Feliz à Cuyabá et explications des dessins si joints» [фонд 63, опись 1, № 21]. По содержанию она не совпадает с соответствующей частью дневника Флоранса и, повидимому, представляет один из черновых набросков описания этого путешествия.

Другим участником экспедиции, художником Johann'ом М. Rugendas была опубликована работа «Malerische Reise in Brasilien», изданная в 1835 г. на французском и немецком языках. Она включает в себе большое число рисунков, относящихся к ландшафтам Бразилии, быту индейцев, негров и колонистов, зарисованных автором во время длительного пребывания в Бразилии (см. ниже). Текстовой материал, написанный другом Ругендаса Huber'ом, включает данные о различных индейских племенах, неграх, и смешанном, главным образом городском, населении. Приводимые автором многочисленные интересные факты, в значительной мере обесцениваются потому, что он большей частью трактует об индейцах вообще, не указывая названий племен, что почти не дает возможности должного их использования.

О художниках экспедиции, в особенности о Флорансе, имеется ряд упоминаний в работах по этнографии Бразилии. В большинстве случаев они представляют отрывочные сведения, основанные главным образом на данных дневника Флоранса. Исключение составляет очень интересная, к сожалению мало известная статья Тен Катэ (Hermann Ten Kate) в журнале «L'Anthropologie», т. XXII, 1911, стр. 13—35. Эта же статья была опубликована в Актах XVII Международного конгресса американистов, изданных в Буэнос-Айресе в 1912 г. Как видно из ее названия «Sur quelques peintres ethnographes dans l'Amérique du Sud», она представляет сводку материалов о путешественниках или, как их называет автор, peintres—voyageurs-ethnographes, производивших зарисовки этнографического характера в Южной Америке в XVIII и XIX вв. В числе других источников Тен Катэ особое внимание уделяет подробной биографии и описанию работ Ругендаса (стр. 575—581), которого он выделяет, как единственного в своем роде художника, оставившего очень большое число рисунков.

Ввиду ценности и полноты данных Тен Катэ мы сочли возможным привести их в сокращенном виде в настоящей работе.

Кроме изучения напечатанных и неопубликованных работ Ругендаса Тен Катэ использовал данные, имеющиеся в «Allgemeine Deutsche Biographie», Leipzig, 1889, Bd. 29 и «Illustrierte Zeitung» от 31 июля 1858 г., № 787. О том, что рисунки, выполненные художником во время его работы в составе экспедиции академика Лангсдорфа, сохранились, Тен Катэ не было известно.

Иоганн Мориц Ругендас родился в семье художника в городе Аугсбурге (Бавария) в 1802 г. Специальное художественное образование он получил в школе изящных искусств, руководимой его отцом, и затем в мюнхенской Академии. Не закончив своего образования, 19 лет от роду, он принял участие в экспедиции академика Лангсдорфа в качестве художника, вскоре выбыв из ее состава, так как «характеры Лангсдорфа и Ругендаса были, повидимому, несовместимы». Терпя большие лишения, художник продолжал уже самостоятельно путешествие, возвратившись в Европу в 1825 г.

После двухлетнего пребывания в Европе (во Франции и в Италии), Ругендас снова предпринял поездку в Америку, где пробыл до 1847 г. За это время он посетил Гаити, Мексику, в центральных областях которой он был в продолжение трех лет, Калифорнию, Чили, где жил в течение шести лет, Аргентину, Перу и Боливию (с 1841 по 1844 г.) и Бразилию. Будучи очень стесненным в материальном отношении, он поддерживал свое существование выполнением на заказ художественных работ.

За время долголетнего пребывания в Америке Ругендасом было выполнено значительное число рисунков. Так, баварским королем Людвигом I в 1848 г. была куплена почти вся коллекция его рисунков. Переданная в Kgl. Kupferstich—und Handzeichnungscabinet в Мюнхене, коллекция его рисунков содержала 3025 номеров. Биографы Ругендаса называют также цифры 3253 и 3339, указывая на то, что рисунков было больше, и что, в частности, значительное число их осталось у Лангсдорфа.

Анализируя характер творчества художника, Тен Катэ неоднократно подчеркивает, что жизненные неудачи и нужда были связаны с тем, что Ругендас не закончил своего специального образования, и что это обстоятельство тяжело отзывалось на нем в продолжение всей его жизни. Его последнее желание—провести остаток своих дней в Южной Америке—осталось неисполненным. Он умер в 1858 г. в деревне Weilheim an der Teck в Бюртемберге.

Кроме подробных биографических данных Тен Катэ уделил большое внимание анализу методов его работы и суммарному описанию многочисленных рисунков. По содержанию рисунки могут быть разделены на две части: 1. Пейзажи, главным образом относящиеся к Мексике, и 2. Типы населения, изображения животных и растений. По мнению Тен Катэ, наиболее ценными в художественном отношении являются зарисовки пейзажей, так как в них в меньшей степени сказываются недостатки Ругендаса как художника. Небольшая часть его рисунков была опубликована в упомянутой выше «Malerische Reise» и в работе «Mexico und die Mexicaner, Landschaftsbilder und Skizzen aus dem Volksleben» (Darmstadt 1855).

Наиболее ценными в этнографическом отношении Тен Катэ считает неопубликованные рисунки, относящиеся к Чили и Аргентине. «Типы, боль-

шая часть сцен, которые он (Ругендас.—Н. Ш.) оживил перед нашими глазами, относятся к навсегда прошедшему. Цивилизация, как известно, прошла, как разрушающий ураган, в недавно бывшими арауканскими странами. К несчастью, этнографы пришли туда слишком поздно. Будем благодарны Ругендасу, который, как Roeffig и Ogbigny, оставил потомству некоторые изображения прежних араукав (ук. соч., стр. 580).

Одним из недостатков Ругендаса, по мнению Тен Катэ, является отсутствие документации материалов, так как во время своих путешествий Ругендас не производил никаких записей. Именно этим обстоятельством было вызвано то, что текст к «Malerische Reise» был написан Huber'ом, а к «Mexico und Mexicaner»—Sartorius'ом. О ценности работы Huber'a можно судить по лаконичному замечанию Тен Катэ: «Что касается текста к Reise, то мы ничего не потеряем, обойдя его молчанием» (ук. соч., стр. 579).

Краткие данные Тен Катэ о Флорансе, основанные главным образом на статье К. Штейнена, ничего нового, по сравнению с материалами Г. Г. Манизера, не представляют. Перечисляя рисунки, опубликованные К. Штейненом, автор особенное внимание обращает на изображения апиакá, до того времени вообще отсутствовавшие в литературе.

Кроме упомянутой статьи К. Штейнена, в журнале «Globus», неоднократно цитируемой Г. Г. Манизером и отдельных, также указываемых в тексте упоминаемых современных Лангсдорфу исследователей Бразилии, относящихся к XIX в., отметим работы, появившиеся в последние годы.

В 1926 г. на XXII Международном конгрессе американистов в Риме В. Г. Богоразом был прочтен доклад, опубликованный в Трудах Конгресса на французском языке, под названием «Le centième anniversaire des Expéditions Russes à l'Amérique du Sud». Давая описание экспозиции Отдела Центральной и Южной Америки Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР и русских этнографических экспедиций в Южную Америку, часть статьи автор посвящает изложению сведений об экспедиции Г. И. Лангсдорфа и характеристике хранящихся в музее коллекций и альбома рисунков.

В 1828 г. И. Д. Стрельниковым был доложен XVIII Международному конгрессу американистов, также впоследствии напечатанный в Трудах Конгресса в 1930 г. в Нью-Йорке доклад под названием: «The Expedition of G. J. Langsdorff to Brazil in 1821—1829». Доклад этот представляет краткое изложение биографии и путешествий Г. И. Лангсдорфа, составленное на основании публикуемой рукописи Г. Г. Манизера, а также изучения коллекционных материалов Музея антропологии и этнографии, Зоологического и Ботанического музеев Академии наук СССР, соответствующей литературы и немногих, известных в те годы, архивных данных.

Статья на эту же тему была напечатана И. Д. Стрельниковым в журнале «Природа» (1929, № 1, стр. 43—54) под названием «Русская экспедиция в Бразилию академика Лангсдорфа (1821—1829)».

Составленное нами краткое изложение содержания рукописи Г. Г. Манизера, описание альбома рисунков художников экспедиции Г. И. Лангсдорфа, а также сводка основной литературы по этнографии индейских племен, посещенных экспедицией, напечатана в журнале «Советская этнография» (1936, № 1, стр. 109—120).

В течение последних лет в печати появился ряд кратких сведений об экспедиции и описаний найденных полевых материалов: 1. Заметка Л. Б. Модзалевского в «Вестнике Академии наук СССР» за 1931 г., № 2 (Отдел «Хроника научной жизни», стр. 52—53); 2. Суммарная опись архивных фондов в книге «Архив Академии наук СССР. Обзорение архивных материалов». Труды Архива АН СССР, вып. I, Л., 1933, стр. 94; т. II, вып. 5, М.—Л., 1946, стр. 221; 3. «Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. Хронологические обзоры и описание архивных материалов». Составила В. Ф. Гнучева под общей редакцией академика В. Л. Комарова. Труды Архива Академии наук СССР, вып. 4, М.—Л., 1940, стр. 167—171. (Воспроизведен также портрет Лангсдорфа и несколько рисунков художников экспедиции.); 4. Н. Г. Ш п р и н ц и н. Материалы русских экспедиций в Южную Америку, хранящиеся в Архиве АН и в Институте этнографии, «Советская этнография», 1947, № 2, стр. 187—194; 5. О. К. В а с и л ь е в а - Ш в е д е. Лингвистические материалы русской экспедиции в Бразилию, 1821—1829, в «Научном Бюллетене Ленинградского Государственного, ордена Ленина университета», 1947, № 14—15.

Сведения об экспедиции Г. И. Лангсдорфа имеются также в научно-популярной литературе:

1. Н. Г. Ш п р и н ц и н. Первая русская экспедиция в Южную Америку, «Глобус», географический ежегодник для детей. М., 1938, стр. 193—196.

2. C h e v i g n y, Hector. «Lost Empire». The life and adventures of Nikolai Petrovich Rezanov. New-York, 1939 (Второе издание. Первое было издано в 1937 г.), стр. 356. В этой исторической повести приводится ряд данных об участии Г. И. Лангсдорфа в составе экспедиции Резанова. Интересна также заключительная глава «Freiburg im Bresgau», в которой описываются последние годы жизни Лангсдорфа.

6. Паулисты—потомки пришлого из Европы в штат Сан-Пауло населения. Некогда весьма воинственные (в частности они особенно известны своими разбойничьими набегами на иезуитские миссии и вербовкой рабов для работы на алмазных россыпях), в настоящее время являются крупными помещиками, владеющими большими кофейными плантациями.

Сан-Пауло—один из основных центров производства кофе в Бразилии.

7. Под названием *çavante*, *Еоçavante* известно несколько групп индейцев различных штатов Бразилии. Лучшие, правда, весьма краткие, сведения о шавантах штата Сан-Пауло, упоминаемых Флорансом, приводятся в указанной Г. Г. Манзером работе Н. Jhering'a.

На основании данных нескольких авторов, в том числе материалов Kurt'a Unkel, которому удалось составить словарь их языка, Иеринг приходит к выводу о том, что шаванты Сан-Пауло, называющие себя *oraie* отличаются от шавантов штата Матто Гроссо, называющих себя *oti*. Аналогичное утверждение, повидимому, основанное на данных Иеринга, приводится и Риве («Langues américaines» в сборнике «Les Langues du Monde», стр. 678). Причисляя группу *oraie* к же, что, как видно из приводимого нами анализа (см. Введение), не может быть признано удовлетворительным; Риве выделяет *oti* в отдельную лингвистическую группу, что также, повидимому, является признаком отсутствия достаточных материалов для отнесения их к какой-либо из существующих лингвистических групп

индейцев Южной Америки. Границы распространения *oti*, обозначаемые Риве, совпадают с географическими пунктами, указываемыми Флорансом для шавантов.

О малой изученности шавантов свидетельствуют попытки Иеринга дать сравнительную классификацию индейских племен и дискуссия, возникшая по поводу его доклада, которые, если не запутывают вопрос, то во всяком случае ничего нового к сумме сведений о шавантах не прибавляют.

Г. Г. Манизером и Ф. А. Фиельструпом в Музей антропологии и этнографии была привезена коллекция (№ 2546), от группы *oraie* или *faie*, из штата Матто Гроссо. В статье «Музыка и музыкальные инструменты нескольких племен Бразилии» (Сборник МАЭ, 1918, т. V) Г. Г. Манизер, приводя данные о *faie* (*oraie*), не решается безоговорочно считать их шавантами, говоря, что «группа их, встреченная нами, называлась, едва ли верно, шавантами». Какие факты дали основание Г. Г. Манизеру в настоящей работе считать, что эти шаванты штата Сан-Паулу или *oti*... родственны «фая» и «ораie», нам выяснить не удалось.

О шавантах штата Гойаш трактует П. Эренрейх в упомянутой выше работе «Materialen zur Sprachenkunde Brasiliens», посвящая им особую главу. «Die Sprache der Akuã oder Chavantes und Cherentes» (Goyaz) («Zeitschrift für Ethnologie», 1894, стр. 148—162).

Специальным лингвистическим материалам предислано небольшое введение (стр. 148—149), в котором автор, не упоминая о других группах индейцев, известных под тем же названием, утверждает, что шаванты и шеренты, называющие себя *Akuã*, говорят на диалектах одного языка, который может быть отнесен к группе же.

Настоящая сводка материалов о шавантах с достаточной ясностью показывает, насколько мало изучены некоторые индейские племена Южной Америки и как бессильна американистика в вопросах классификации этих племен.

Когда работа Г. Г. Манизера находилась в печати, была получена книга *Nimuendajú* (Kurt Unkel), *The Serente* (Los Angeles, 1942, посмертное изд.), которую нам уже не удалось использовать. В ней дается еще одна попытка классификации группы же, в том числе и различных групп шавантов, а также имеется краткая сводка исторических сведений о них.

8. *Kaipo* (Сауарó, Кауарó, Каiарó) расселены небольшими группами на значительном пространстве Центральной Бразилии. В лингвистическом отношении они, как и другие мало известные индейские племена, причисляются к группе же (введение). Описание диалектов *kaipo* имеется в работе P. E h r e n r e i c h «Materialen zur Sprachenkunde Brasiliens», гл. VI, § II, в журнале «Zeitschrift für Ethnologie», 1894, стр. 115—157.

Большой интерес для изучения языка *kaipo* представляет статья Antonio Maria Sala, опубликованная в «Revista do Museu Paulista» (т. XII, 1920) под названием: «Ensaio de grammatica Kaiaró». Статья содержит очерк грамматики, так называемых северных *kaipo* и словарь их языка.

Наиболее полные этнографические данные имеются в работе Fritz'a K g a u s e «In den Wildnissen Brasiliens», Leipzig, 1911.

Несмотря на очень незначительное время, бывшее в распоряжении автора, ему удалось собрать довольно большой материал о *kaipo*, живущих в одном из трех селений, расположенных на западном берегу реки Арагуайя. Резуль-

таты своих полевых наблюдений, а также краткую сводку литературных данных Краузе опубликовал в специальной главе упомянутой выше работы (гл. III, Die Kayaró, стр. 368—402).

Глава эта, снабженная многочисленными иллюстрациями, заключает описание районов расселения каябó, историю изучения отдельных их групп, антропологические данные, а также довольно подробные материалы по хозяйству, технике, социальным отношениям и пр.

Материалы о каябó имеются также в указанных в вводной статье общих трудах (Эренрейха, Мартиуса, Кастельно, Кудро и др.). Кроме того, мы предполагаем рядом очерков относящихся к отдельным группам.

О группе каябó, с которой встретилась экспедиция Г. И. Лангсдорфа, упоминает Мартиус в работе «Von dem Rechtszustande unter den Ureinwohnern Brasiliens» (стр. 116), где он указывает места их обитания вблизи от водопада Урубупунга и к западу от Камануана.

Позднейшие сведения о каябó имеются в статье J. V e l l a r d «Six mois au Pays des Karajas et des Cayaros» («La Geographie», 1935, т. LXIII) и в работах Nimuendaju.

9. Лингвистическая группа Guaykurú охватывает несколько племен, обитающих по берегам рек Парагвая, Параны и их многочисленных притоков, а также и области Чако. С какими именно представителями этой группы встретилась экспедиция, определить трудно. Судя по описаниям, и, в частности, по географическим пунктам, можно предполагать, что это были Mbayá-Guaykurú, Lenguá и Guatši.

Мбайя-гуайкурú, ныне называемые кадиувéо, переселились из Северного Чако в середине XVII ст. на левый берег Парагвая. Указание Флоранса о том, что «гуайкурú все всадники...»—совпадает с данными о том, что мбайя, поселившись в этом районе, «быстро превратились в племя всадников» (Риве).

Ленгуá (иначе называемые паягуá), к моменту испанского завоевания, населяли большую территорию по течению Парагвая до города Куябá. Они также прославились своей воинственностью.

Гуачí, во второй половине XIX в. жили на берегах Рио Миранда, среди гуанá.

10. В описаниях многих путешественников и даже в ряде специальных работ нередко подчеркиваются жестокость и коварство индейцев. Ряд данных приводится и в дневнике Флоранса. При изучении конкретных фактов, становится ясным, что нападения на караваны, военные посты и пр. есть одна из форм самозащиты индейцев, или единственное спасение от голода, для тех групп туземного населения, которые лишены прежних мест охоты и рыбной ловли (см., например, яркие факты в работе Г. Г. Манизера о ботокудах).

Междоусобные войны во многих случаях также являются одним из следствий колониальной политики. Факты, приводимые Флорансом, если их сопоставить с многочисленными данными об угнетении, эксплуатации и физическом уничтожении индейцев, получают иное освещение, и меньше всего являются свидетельством свирепости, зверств и воинственности индейцев.

11. Гуанá до настоящего времени очень мало изучены. Первые, неоднократно цитируемые многими авторами сведения о них, относящиеся к XVII в.,

мы имеем от иезуитов. Некоторые отрывочные материалы имеются, как мы указывали выше, в трудах путешественников конца XVIII и XIX вв.

В журнале «*Zeitschrift für Ethnologie*» в 1903 г. была помещена статья Max'a Schmidt'a, обобщающая все имевшиеся к тому времени сведения по этнографии и языку гуанá. Статья эта представляет собой сводку и систематизацию известных ему данных о гуанá, в том числе и личных материалов, собранных им во время экспедиции в Бразилию в 1901 г. Словарь нескольких групп гуанá, опубликованный в этой же статье, составлен на основании материалов автора, словарей Aguiré, Castelnau, Fonseca, Brinton'a и др., а также неопубликованного словаря гуанá, предоставленного в его распоряжение К. Штейненом.

Сравнительно лингвистическое исследование группы близких между собой языков позволили М. Шмидту подтвердить предположение К. Штейнена о том, что весьма различные в диалектологическом отношении языки гуанá относятся к группе ароваков (по терминологии М. Шмидта «группа Ну»), район распространения которых в настоящее время простирается от Боливии до Венесуэлы. Точной классификации групп гуанá до настоящего времени не установлено. Все авторы единодушно утверждают, что гуанá разделяются на ряд групп, но число этих групп, по различным сведениям неодинаково. Это обстоятельство объясняется недостаточностью этнографических и лингвистических материалов, а также и тем, что гуанá, и в том числе упоминаемые Г. Г. Манизером чапá, относимые М. Шмидтом к западной группе гуанá, с давних лет подвергались влиянию иезуитов и в значительной мере утратили свой язык.

Попытка Шмидта выяснить вопрос о происхождении гуанá, и в частности о месте их первоначального расселения, не увенчалась успехом. Тщательное изучение нередко противоречивых данных многих авторов позволили ему составить сводную таблицу мест обитания и численности некоторых групп (*Bevölkerungs Einheiten*) гуанá и высказать предположение о месте их первоначального обитания в области Чако.

М. Шмидтом была исследована, повидимому, именно та группа гуанá, с которой встретилась экспедиция Г. И. Лангсдорфа. Подчеркиваемое Флорансом влияние колонистов еще в большей степени отмечается Шмидтом, указывающим, в частности, на то, что гуанá в настоящее время (1901 г.) говорят между собой по-португальски, и лишь взрослые еще помнят свой язык.

Изложенный в весьма наивной форме рассказ Флоранса о том, что «среди женщин господствует полнейшая распущенность»... , что «мужчины простигают жен», и пр., повидимому, свидетельствует о наличии у гуанá следов группового брака.

12. Описание опыхала от москитов у гуатó см. Antonio Carlos Simoens da Silva. Une moustiquaire des indiens Guatos (Bresil). Proceedings of the 23-d Internat. Congress of Americanists. New-York. 1930, p. 792—795.

13. Подробная классификация различных типов оружия и детальное описание их, и в частности луков и стрел, упоминаемого выше Флорансом копыа zagaia, дается М. Шмидтом на стр. 83 его статьи в «*Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*», 1902.

14. В противоположность большинству других племен, изучавшихся экспедицией Лангсдорфа, гуатó сравнительно подробно изучены. Помимо

многочисленных упоминаний о них, имеющих у старых авторов, мы располагаем также рядом специальных исследований, в том числе упоминаемого Г. Г. Манвзером Ю. Козловского, и особенно Макса Шмидта. Последний имел возможность во время своих экспедиций собрать большой материал по языку и этнографии этой группы индейцев, а также произвести археологические раскопки в так наз. Aterrados, иначе называемых Sambaquis (кухонных кулах), в районе р. Каракара (приток С. Лоурэнс).

Кроме описаний путешествий и кратких отчетов, в свое время печатавшихся в различных журналах, М. Шмидт опубликовал несколько специальных исследований, посвященных гуатó. Основные из них следующие: 1) «Reisen-skizzen aus Zentralbrasilien». «Globus», В. 82, 1902. Guato, стр. 97—98; 2) «Die Guato». Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte («Zeitschrift für Ethnologie», 1902), стр. 77—89; 3) «Indianerstudien in Zentralbrasilien». Berlin, 1905; 4) «Die Guato und ihre Gebiet». Ethnologische und archäologische Ergebnisse der Expedition zum Caracara-Fluss in Matto Grosso. Baessler Archiv. 1914, В. IV, Н. 6, стр. 251—283; 5) «Reisen in Matto Grosso im Jahre 1910»; 6) Untersuchungen am Caracara-Fluss, Untersuchungen der Aterrados und Felszeichnungen, sowie ergänzende Studien über die Guato, «Zeitschrift für Ethnologie», 1912, Н. 1—II, стр. 131—146.

Несмотря на то, что в этих работах данные нередко дословно повторяются, все же они взаимно дополняют друг друга, в общем составляя комплекс чрезвычайно интересных данных о некогда большом племени, от которого осталось несколько очень малочисленных групп.

Особенную ценность представляют археологические раскопки Атеррадо, не только дающие ключ к объяснению доисторических судеб гуатó, но способствующие выяснению темных вопросов доистории туземного населения Южной Америки.

Считая, что гуатó представляют «замечательное», «совершенно единственное в своем роде... племя индейцев», Макс Шмидт подчеркивает, что параллельное изучение Атеррадо, и современных гуатó необходимо потому, что «... оно (исследование Атеррадо.—Н. Ш.) представляет также большой интерес для понимания современных отношений гуатó, так как здесь, в этой замкнутой болотистой местности, сохранилась прямая связь далекой доистории с современностью» («Reise in Matto Grosso», стр. 142).

Сравнение предметов, найденных в раскопках (грубо обработанных каменных орудий, аналогичных тем, которые современные гуатó употребляют для разбивания косточек плодов пальм, раковин, керамики), погребений и др., позволили М. Шмидту сделать ряд выводов. Основные из них следующие: 1. Атеррадо принадлежат предкам современных гуатó; 2. До соприкосновения с европейцами гуатó находились на том уровне культурного развития, «который может быть сравниваем с установленным доисториками древнейшим каменным веком».

Этнографические материалы Флоранса о гуатó почти целиком соответствуют данным позднейших авторов. В очень наивной форме изложенные им сведения о социальном строе гуатó, также не противоречат данным других авторов и, в частности, Кастельно, Козловского, К. Штейнена и М. Шмидта.

Так, К. Штейвен, цитируя акты Куябавской индейской дирекции, пишет: «Обычно они имеют по две жены, некоторые довольствуются одной»

(«Unter den Naturvölkern Zentral-Brasilien», стр. 550). М. Шмидт утверждает, что гуатó, которых я видел, жили моногамно. Когда Кастельно и другие изучали гуатó, каждый глава семьи имел нескольких жен, что совпадает с тем, что мне рассказывали старые жители этой области о прежнем их состоянии («Indianerstudien in Zentralbrasilien», стр. 316). Приводимые М. Шмидтом материалы очевидно свидетельствуют о еще сохранившихся пережитках группового брака, но никаких положительных выводов он сделать, не решился. Как это явствует даже из данных Флоранса, процесс разложения группового брака, повидимому, зашел довольно далеко (ср., например, с данными о гуанá).

Несмотря на сравнительно хорошую изученность гуатó, социальный строй этой группы, как, впрочем, и большинства индейских племен Южной Америки, остается во многом неясным. Он требует дальнейшего исследования источников и, в особенности, продолжения полевых этнографических наблюдений. В частности, специального изучения требует вопрос о так называемом «индивидуализме» гуатó, который, согласно М. Шмидту, объясняется их основными отраслями хозяйства—рыбной ловлей и своеобразной формой охоты на лесных животных с лодки.

Также необходимо дополнительное исследование вопросов разделения труда. Кроме того, до настоящего времени не ясны признаки, на основании которых современные гуатó разделяются на отдельные небольшие группы. Данные по ним не только недостаточны, но нередко противоречивы, и вряд ли могут быть всегда увязаны с уровнем культурного развития гуатó.

Другие сведения Флоранса, как, например, способы передвижения в лодках, формы торговли с бразильцами и пр. также целиком совпадают с описаниями М. Шмидта.

Отмечаемые Флорансом особенности физического строения тела и, в частности, хорошо развитая грудная клетка и слабое развитие нижних конечностей М. Шмидтом, так же как и Г. Г. Манисером, объясняются, как результат постоянного пребывания в лодке.

Предположение Флоранса о том, что их внешний облик связан с тем, что «в былое время гуатó Сан-Лоурэнсу жили среди белых и мешались с ними, е рнувшись затем из любви к примитивной жизни к старым своим привычкам», надо полагать, не соответствует действительности. Что же касается описания растительности на лицах мужчин, то оно подтверждается данными последующих авторов и многочисленными фотографиями.

Описание одежды из тканей фабричного производства и способы ее употребления, в частности ношение мужчинами брюк в виде передника, прикрепленного к пояснице кожаным поясом, подробно даны М. Шмидтом в статье в журнале «Globus» (стр. 97) и в других его работах.

Сведения о поселениях гуатó на берегах озера (Gaiba), к которым Флоранс отнесся с недоверием, подтвердились позднейшими исследованиями М. Шмидта. Численность населения этих мест в более чем 2 тыс. человек, разумеется, едва ли реальна.

Описывая посадки бананов в области озера Гаиба, расположенные в слое гумуса, покрывающем холмы, М. Шмидт считает, что они относятся к населению, жившему в этой области до гуатó. Возможно, что это утверждение М. Шмидта может быть отнесено и к банановой плантации, которую имел

случай наблюдать Флоранс, считая, что она была посажена «кем-то из давнишних путешественников на левом берегу Сан-Лоурэнсо».

М. Шмидт подчеркивает, что гуатó в определенные периоды года (с конца августа до ноября включительно) почти прекращают свои путешествия в лодках, значительную часть времени уделяя добыванию опьяняющего сока пальмы Акугí, который они потребляют в больших количествах. Не вдаваясь в подробное описание этого процесса, который изучен М. Шмидтом очень детально, укажем лишь, что употребление опьяняющих напитков, добываемых из различных растений, продолжающееся в течение довольно долгого времени, отмечено и у других индейских племен Южной Америки. Так, например, среди некоторых племен области Чако период созревания плодов алтаробы связан с организацией специальных празднеств. То же явление наблюдалось Г. Г. Манизером среди кайнгангов.

Эта сторона жизни участниками экспедиции Г. И. Лангсдорфа, повидному, не была отмечена потому, что они встретились с гуатó в последних числах декабря, т. е. после окончания указанного выше периода употребления этого напитка.

Южно-американским наркотикам растительного происхождения посвящена статья А. Ф. Гаммерман—«Материалы по изучению наркотиков южных стран. Уадé, наркотик индейцев Амазонского района». Отдельный оттиск из «Трудов по прикладной ботанике, генетике и селекции», т. 22 (1929, № 4).

Помимо специального ботанического исследования одного наркотического растения Уадé, статье предпослано весьма содержательное введение. Оно представляет обзор многих этнографических работ, в которых имеются данные об употреблении индейцами различного рода наркотиков растительного происхождения.

Краткие, обобщающие сведения об археологических, этнографических и исторических материалах о гуатó имеются в работе А. М é t r a u x. The Natives Tribes of Eastern Bolivia and Western Matto Grosso. Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology. Bulletin, 134. Washington, 1942, стр. 136—142. Автор признает, что гуатó находятся «на грани угасания», это значит, что жалкие остатки их погибнут в недалеком будущем.

15. Лучшим источником сведений о паресси-кабиши являются работы Макса Ш м и д т а. Reisen in Matto Grosso im Jahre 1910 («Zeitschrift für Ethnologie», 1912. Н. 1, § 11. Die Paressi-Kabisi im Quellgebiet des Cabaçal, Jauru, Juruena und Guapore, стр. 147—174) и Die Paressi-Kabisi («Baessler Archiv», 1914, В. VI, стр. 168—250). Основаны они на опубликованных данных авторов XVIII, XIX и начала XX вв., проверенных и значительно дополненных М. Шмидтом во время его экспедиции в 1910 г.

Произведя детальный анализ исторических, этнографических и лингвистических материалов, М. Шмидт пришел к заключению о том, что в области притоков верховьев Парагвая (Кабасаль, Жяуру, Жюруэна, Гуапорé и др.) некогда имело место смешение живших там племен, в том числе кабиши с носителями относительно более высокой культуры ароваков—парессí, пришедших с северо-востока материка. Этот далеко зашедший, не закончившийся еще и в настоящее время процесс смешения не дает возможности отделения парессí от кабиши, вследствие чего наиболее целесообразно обозначать их объединяющим названием парессí-кабиши.

Интересно, что утверждение о смешении паресей с кабаши было задолго до исследований М. Шмидта высказано Мартусом. Так, он говорит: «Parecis, Paricys,—это прежде преобладающая нация на равнине Матто Гроссо, которая по ней и носит название Campos dos Parecis. По вине португальцев, которые этот прилежный и мирный народ всюду отыскивали и уводили в рабство, они в настоящее время почти вымерли. Остатки их объединились с Cabixi и Membares» (С. F. Ph. von Martius. Von dem Rechtszustande unter den Ureinwohnern Brasiliens. München. 1832. Дополнение: «Uebersicht der verschiedenen indianischen Völkernschaften, Stämme und Horden in Brasilien») стр. 10. Сопоставляя предположения Мартуса и М. Шмидта, можно думать, что процесс смешения индейских племен этой части Матто Гроссо проходил под влиянием древних переселений на территории материка, с одной стороны, и, повидимому, в меньшей мере в результате завоевательной политики европейцев,—с другой.

Этот факт смешения до некоторой степени нашел отражение в работах художников экспедиции Г. И. Лангсдорфа; из восьми рисунков только два имеют точную документацию («Maria Francisca Indienne Pareci» и «Indien Cabexi»), остальные изображают представителей этого смешанного населения.

Указание Г. Г. Манизера о взаимоотношениях различных групп паресей-кабаши с колонизаторами, сделанное на основании упоминаемой им литературы, совпадающее с аналогичным утверждением М. Шмидта, требует уточнений. Утверждение о воинственности некоторых групп относится к периоду работы экспедиции Г. И. Лангсдорфа. Отголоском их служит в настоящее время в значительной мере потерявшее свое первоначальное реальное значение разделение кабаши на «мирных» (Zahmen) и «диких» (Wilde).

Утверждение Г. Г. Манизера о том, что «теперь паресей почти уже вымерли», повидимому, основанное на данных Мартуса, должно быть отнесено лишь к одной из многочисленных групп паресей-кабаши.

Краткая сводка этнографических материалов об этих племенах имеется в работе А. Métraux. The native tribes of Eastern Bolivia and Western Matto Grosso. Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnologie. Bulletin 134. Washington, 1942, стр. 160—170.

16. В настоящее время о борорó на русском языке изданы: «Религии наименее культурных племен». Сб. этнографических материалов. ОГИЗ. М.—Л., 1931; К. Штейнен, «Среди диких народов Бразилии». Молодая Гвардия, 1931 (имеются и другие издания). Кроме того, этнографические материалы по борорó неоднократно приводились в специальной литературе по истории первобытного общества, например, В. К. Никольский, «Очерк истории первобытной культуры», в изданиях Института истории материальной культуры и др.

17. Из числа нескольких групп борорó наибольшей известностью пользуются именно те, которые были посещены экспедицией Г. И. Лангсдорфа: восточные, или Borogos dos Campos, и западные, или Borogos sabaçaes. Они принадлежат к числу тех южноамериканских племен, о которых имеется обширная специальная литература, не говоря о многочисленных, иногда довольно подробных сведениях в работах по этнографии Бразилии и в описаниях путешественников. (Подробная библиография по борорó—свыше 50 названий—имеется в Отделе Америки Музея антропологии и этнографии.)

Не имея возможности перечислять всю эту литературу, мы ограничимся указанием на две работы монографического характера:

1. Karl von den Steinen. Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens. Reiseschilderung und Ergebnisse der Zweiten Schingú-Expedition 1887—1888. Berlin, 1894, XVII Kapitel. Zu den Bororó, стр. 440—518. Эта часть классического труда К. Штейнена еще и в настоящее время, после появления ряда специальных работ, все же не потеряла своего значения. Посвящена она описанию Bororós dos Campos (область реки Сан-Лоурансо, к востоку от реки Парагвай), т. е. той группе, которая была объектом наблюдения экспедиции Г. И. Лангсдорфа с 26 августа по 10 сентября 1827 г. (гл. VIII).

Изложению материалов, собранных экспедицией Штейнена предпослан специальный раздел, заключающий сведения по истории изучения борорó, принципам их классификации, местах их обитания, численности, истории их покорения (войны, христианизация, торговля и пр.).

Основная часть главы, посвященной борорó, представляет комплекс этнографических данных, которые еще сравнительно недавно, в сущности, представляли один из немногих подробных источников наших сведений об этом племени. Кроме того, имеются также материалы по антропологии (главным образом антропометрические данные) и по языку.

2. D. Antonio Colbaccini. Missionario Salesiano. J. Bororós Orientali «Orarimugudoge» del Matto Grosso (Brasile). Torino Società Editrice Internazionale (Contributi Scientifici delle Missioni salesiane del venerabile don bosco), XII+251+210 стр. Год издания не указан.

Книга Кольбаччини, изданная, по видимому, в 1925 году, является одним из наиболее полных источников сведений о группе восточных борорó. Она разделяется на следующие части: 1. «Этнографические очерки» (хозяйство и техника, общественный строй, религиозные воззрения); 2. «Мифы Orarimugudoge» (анализ мифов и изложение мифов классифицированных по сюжетам); 3. «Грамматика» (фонетика, морфология, этимология, синтаксис); 4. «Тексты» (главным образом легенды) и 5. «Религиозные песни» (песни, связанные с производственными моментами—охотой, рыбной ловлей и т. п., погребением и пр.).

Как видно из перечня тем, книга представляет собой монографическое описание группы борорó, которую автор—католический миссионер—имел возможность изучать в процессе непосредственного общения с ними. Не вдаваясь в анализ труда Кольбаччини, отметим, что конкретный материал по своей новизне и полноте представляет несомненный интерес. Естественно, что теоретические выводы автора, как, впрочем, и объяснения некоторых явлений (например, «тотемизма»), разумеется, нуждаются в серьезной критике.

Удачно подобранные Г. Г. Манизером выписки из дневника Флоранса представляют интерес и в сравнительно этнографическом отношении. Ряд явлений, типичных для борорó, встречается и у других индейских племен Южной Америки. Так, например, весьма примитивное орудие для изготовления стрел имеется у сирiono (E. Nordenskiöld. Die Siriono-Indianer in Ostbolivien. «Petermann's Mitteilungen». 1914, 1 Halbband, Taf. 6; R. N. W e g n e r. Ostbolivianische Urwaldstämme. «Ethnologischer Anzeiger». 1932, V. VIII, N. 8, стр. 323, abb. 1).

Аналогичного типа орудие из зубов животных имеется и у гуаяки (Notes ethnographiques sur les Indiens Guayaquis par Charles de la Hitte et descrip-

tion de leurs caractères phisiques par le d-r H. Ten-Kate («Anales del Museo de la Plata». La Plata, MDCCCXCVII, Planche III, NN 4, 6; J. V e l l a r d. Les Indiens Guayaki. «Journal de la Société des Américanistes de Paris». Nouv. Série т. XXVI, Fasc. 2. 1934, Planche V «G».

Орудия такого типа имеются и в коллекциях Отдела Америки МАЭ (например № 2225), гуаяки и др.

Игры, изображающие животных и птиц, разумеется, также характерны для большинства индейских племен (например Theodor Koch-Grünberg. Vom Roroima zum Orinoco. Strecker und Schröder Verl. in Stuttgart 1923, В. III, стр. 152—154).

Обычай удаления бровей, ресниц, бороды, части волос головы и пр.—отличительная особенность сирионó, ботокудов, апиакá, мундурукú, кадиувéо и многих других племен. В литературе имеются подробные описания способов удаления растительности с лица и тела при помощи специальных щипчиков, склеивающих веществ и пр.

Способ ношения женщинами поясов из луба сохранился и в настоящее время. Такой пояс имеется в упоминаемой Г. Г. Маннзером коллекции А. Фрича. Нескольких фотографий, показывающих способ его ношения, приводятся в книге Кольбаччини.

18. *Lingua Geral* или *Lingua Geral Brasílica*—представляет межплеменный язык—смесь диалектов тупи-гуарани, в частности северного диалекта тупи с западноевропейскими языками, главным образом с испанским и португальским. Особенно широко некогда применялся *Lingua Geral* миссионерами и, в частности, иезуитами в созданном ими так называемом «коммунистическом государстве» в Парагвае. В настоящее время он распространен на территории Бразилии и бассейна Амазонки и является средством связи различных индейских племен между собой и с потомками пришлого населения.

19. Незначительные данные о языке апиакá имеются в ряде работ. См. напр. Henri Cou d r e a u. Voyage au Tapajós. Paris, 1897; Theodor Koch. Die Apiaká-Indianer (Rio Tapajós, Matto Grosso). «Zeitschrift für Ethnologie (Verhandl.)». Berlin. 1902, гл. II, стр. 350—379).

20. Черновой набросок такого рисунка на лице, сделанный, повидимому, рукой Г. И. Лангдорфа и соответствующее описание имеется в его рукописи «Beobachtungen und Bemerkungen in der Provinz von Matto Grosso. Excursion nach der Serra da Chapada. 1827». (Архив Академии наук СССР. Фонд 63, опись I, № 5, стр. 8.)

21. Эти сведения Флоранса представляют интересный материал о разделении труда у апиакá. Это половое разделение труда обычно для обществ, находящихся на такой же ступени развития. В ряде работ по этнографии Южной Америки имеются даже специальные таблицы, наглядно показывающие сферы деятельности мужчины и женщины у различных племен (например E. N o r d e n s k i ö l d. Forschungen und Abenteuer in Südamerika. Stuttgart, 1924, стр. 138, 245; G. B o l i n d e r. Die Indianer der tropischen Schneegebirge. Stuttgart, 1925, стр. 76, 231; Theodor Koch-Grünberg. Vom Roroima zum Orinoco. В. III, 1923, стр. 90—91).

22. В описи четвертой посылки рисунков, отправленных в Петербург, Флоранс пишет: «Два индейца, находящиеся впереди, идут на охоту».

Тот, что помоложе, имеет на шее и вокруг поясицы шнурки, заполненные зубами и когтями различных животных или также бусинами, сделанными из скорлупы пальмовых плодов... Налево—виден индеец, приходящий с плантации». Там же дается подробное описание татуировки и раскраски апиакá, изображенных на рис. 49 (Архив АН, фонд 63, оп. 1, № 19).

23. Этнографические и языковые сведения об апиакá с наибольшей полнотой подобраны в статье Dr. Theodor K o s h'a «Die Apiaka-Indianer» (Rio Tapajós, Mato Grosso) «Zeitschrift für Ethnologie» (Verhandlungen), Berlin, 1902, стр. 350—379. Статья эта представляет сводку материалов различных авторов, в том числе цитируемых в тексте Гимараэса и Флоранса. Надо сказать, что факты, приводимые этими авторами, дают мало нового по сравнению с сведениями Флоранса и Гимараэса, которые в основном тексте подробно использованы Г. Г. Манизером.

Записи Флоранса, без сомнения, представляют наибольший интерес для характеристики уровня общественного развития этих индейцев.

Так, указание на то, что «предполагаемый касик, кажется, не пользовался никаким уважением среди своих», и то, что «среди апиакá царствует полное равенство», а также ряд аналогичных утверждений, повидимому, могут служить доказательством того, что институт вождей, постоянных носителей верховной власти, апиакá, как и многим другим индейским племенам Южной Америки, не был известен. Естественно поэтому, что «касик», назначенный президентом провинции, тем более не мог пользоваться авторитетом.

Впрочем, следует заметить, что Кудро, наблюдавший в 1895 г. апиакá, работавших у колонистов, на реке Тапажос, отмечает наличие «начальника племени».

Сведения Флоранса о разделении труда, о первобытных формах общинного производства и потребления и особенно о формах собственности («собственность у апиакá общая», «личной собственностью у апиакá являются лишь лук, стрелы и украшения», «они не знают великого принципа собственности» и др.)—весьма ценное свидетельство наличия среди апиакá характерных признаков первобытно-общинного строя.

Краткие данные Флоранса о форме брака, в весьма незначительной мере дополненные материалами других авторов (Кастельно, Кудро и др.), дают возможность предполагать наличие у апиакá группового брака.

Зарисовки Флоранса и его описания способов раскраски и татуировки лица подтверждаются позднейшими авторами. В частности в статье Dr. Friedrich K a t z e r «Zur Ethnographie des Rio Tapajós» («Globus» Bd. LXXIX, 1901) имеются аналогичное изображение и описание татуировки лица.

Женщины, по данным Кудро, во время его посещения также никаких одежд не носили, в то время как мужчины носили одежду фабричного производства.

Весьма ценные этнографические данные об апиакá имеются в последнем дневнике Г. И. Лангсдорфа (Архив АН, фонд 63, опись I, № 8).

24. По этому рисунку был изготовлен манекен, на котором надеты присланные экспедицией предметы украшений (Отдел Америки, МАЭ. Рисунок в настоящем издании не публикуется).

25. Сообщение Мартиуса, вызвавшее сомнение у Г. Г. Манизера, вполне соответствует действительности. Подробное описание способов искусственной

окраски перьев, применяемых индейцами, имеется в статье A. Métraux «Une découverte biologique des indiens de l'Amérique du Sud: la decoloration artificielle des plumes sur les oiseaux vivants» («Journal de la Société des Américanistes de Paris», Nouvelle Série, Paris, 1928, т. XX, стр. 181—193).

Со свойственной ему тщательностью, автор исследовал большое число литературных источников, начиная с данных XVI в. В результате этого исследования им было составлено описание различных приемов окраски перьев птиц. Специальная картограмма и обширная библиография дают наглядное представление о степени распространенности этого явления среди индейцев Южной Америки.

Способ окрашивания перьев живых птиц при помощи крови лягушек Метро считает наиболее распространенным. Он применяется индейцами, обитающими в районе бассейна Амазонки, Гвиане и др. Упомянув о наличии этого приема у мундурукү, Метро использует факты, приводимые Мартиусом, считая их, очевидно, бесспорными («Мундурукү придерживались классического способа окрашивания кровью лягушки», стр. 186).

26. Почти вымершие в настоящее время мундурукү принадлежат к числу тех племен, о которых, по верному замечанию Г. Г. Манизера, «вообще почти не имеется прямых сведений».

Отрывочные данные, приводимые Г. Г. Манизером по материалам Мартиуса, Флоранса, а также описания предметов, собранных экспедицией Г. И. Лангсдорфа, в сущности представляют основные сведения об этом племени.

Кроме указанных выше, наиболее ценным источником продолжает оставаться статья Antonio Manoel Gonçalves. Tocantins, Estudos sobre a Tribu Mundurucú, напечатанная в «Revista Trimensal» семьдесят лет тому назад (1877, т. 40).

Характерный для мундурукү обычай сохранения военных трофеев—голов врагов, естественно, обратил на себя внимание путешественников и исследователей. Так, этому вопросу посвящена статья Hermann'a I h e r i n g «As cabeças mumificadas pelos índios Mundurucús» («Revista do Museu Paulista», 1908, т. VII, стр. 179—201) и статья К. К. Г и л ь з е н а «Человеческая голова, как военный трофей у индейцев племени мундурукү» (Сб. Музея антропологии и этнографии, т. V, 1918, стр. 351—358).

Кроме фактического материала в этих работах приведена обширная библиография.

Заслуживают также внимания ряд других работ. Из числа их назовем заметку анонимного автора, помещенную в журнале «Globus» за 1871 г. (т. XX, стр. 199—201) под названием «Menschenköpfe als Trophäen bei wilden Völker» и упоминающую выше статью Friedrich' K a t z e r «Zur Ethnographie des Rio Taraçuj» («Globus», 1901, т. 79, № 3, стр. 37—41). В части, посвященной мундурукү, помимо описания обычая сохранения человеческих голов, даваемого Катцером, главным образом на основании литературных данных, приведен детальный петрографический анализ каменных орудий, фотографии которых публикуются в тексте.

Из появившихся за последние годы работ, укажу на исследование S t r ö m e r. Die Sprache der Munduruku (Linguistische «Anthropos» Bibl., T. XI, Mödling bei Wien. St. Gabriel 1932) и заметки A. Kruse: Mundurucú moie-

ties («Primitive Man», 1934, № 4, стр. 51—57); Über die Wanderungen der Mundurucú in Südamerika («Anthropos», 1935, т. XXX, № 5—6, стр. 831—836).

Материалы по численности мундурукү были опубликованы в 1933 г. в бразильском ежемесячнике «Santo Antonio». Не имея возможности ознакомиться с этой статьей, ввиду ее отсутствия в Ленинграде, приводим данные по рецензии Мартина Гузинде, напечатанной в журнале «Anthropos» в 1934 г. (т. XXIX, № 5—6, стр. 814).

В 1895 г. по данным путешественника Coudreau, мундурукү насчитывалось 1 640 чел. По подсчетам миссионеров в 1933 г. их оказалось 954 чел. Следовательно, в течение 37 лет численность мундурукү уменьшилась на 515 чел. Цифры эти, красноречиво говорящие за себя, не нуждаются в особых комментариях. Естественно, что Гузинде остается лишь лицемерно «надеяться, что миссионерам удастся удержать дальнейшее уменьшение числа населения».

СОДЕРЖАНИЕ

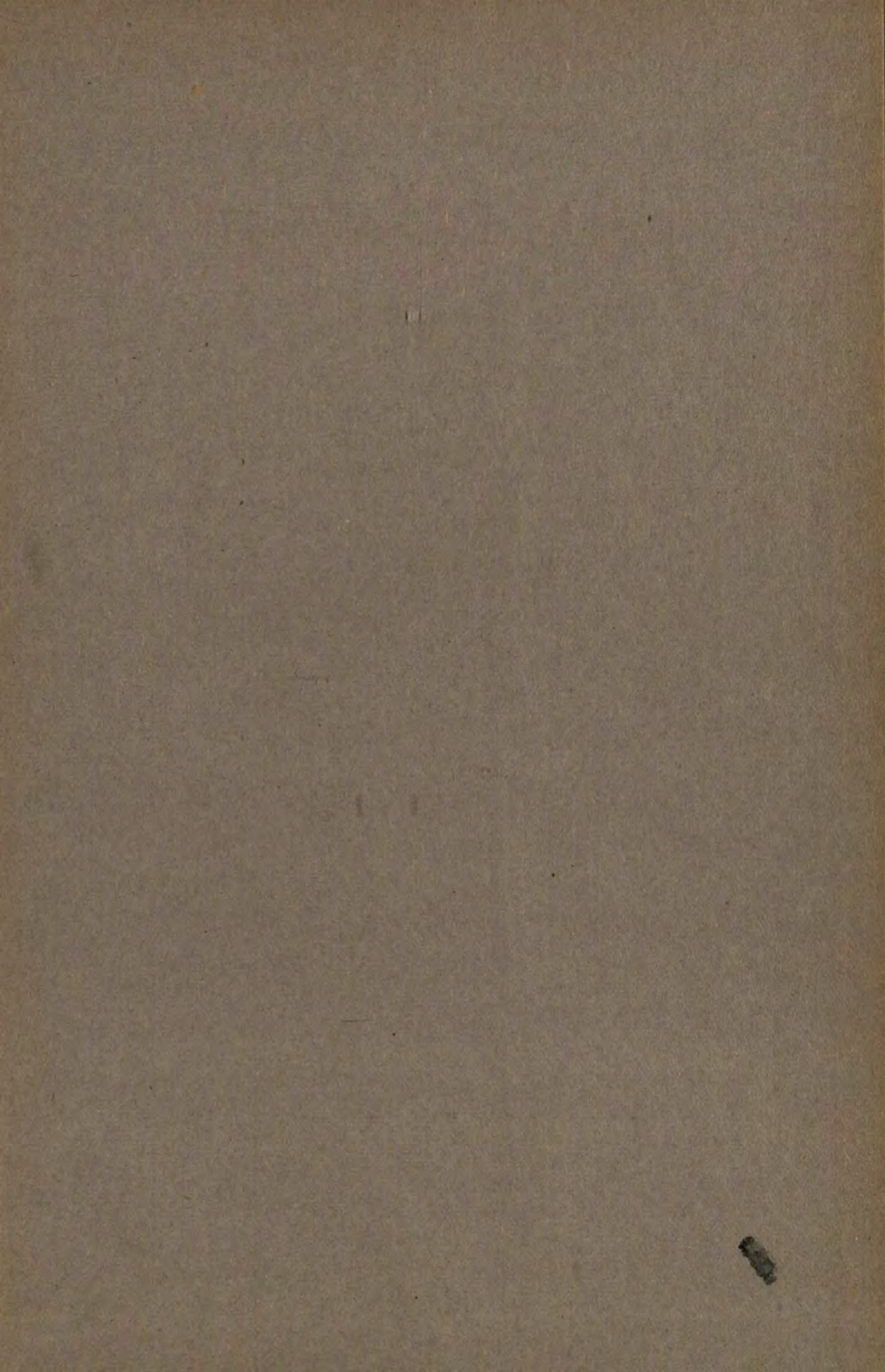
	Стр.
Введение	3
Предисловие	15
Жизнь и путешествия академика Григория Ивановича Лангсдорфа (1774—1852)	17
Очерк экспедиции в Бразилию академика Г. И. Лангсдорфа и опи- сание этнографических материалов, привезенных ею	41
Предварительные экскурсии и работы (1821—1825)	45
Начало экспедиции. Работы в штате Сан-Пауло	52
От Порто Фелис до Камапуан. Индейцы шаванты и каяпо	56
От Камапуан до русла реки Парагвая. Индейцы гуайкуру	61
Река Парагвай. Индейцы гуанà	65
Индейцы гуатò. Река Сан-Лоурэнсо и река Куяба	69
Куяба. Экскурсии на плоскогорье. Индейцы парессí	75
Экспедиция в Вилла Мариа. Первая встреча с индейцами борорò . .	81
Разделение экспедиции. Вторая встреча с борорò	90
Вилла Бэлла. Смерть Тонэй. Путь Риделя	107
Путешествие Г. И. Лангсдорфа, Н. Рубцова и Флоранса. Негры Диамантино. От Диамантино до земель индейцев апиакà	111
Индейцы апиакà	115
Сальто Аугусто. Лес Тукурí. Болезнь Г. И. Лангсдорфа	132
Индейцы мундурукú	135
Конец экспедиции	146
Приложение I. Сокращения заглавий цитируемых работ	149
Приложение II. Список предметов, привезенных от индейцев Бразилии экспедицией академика Г. И. Лангсдорфа, а также утративших этикетки, но, повидимому, относящихся к той же коллекции : :	151
Приложение III. Список печатных работ и рукописей академика Г. И. Лангсдорфа	155
Приложение IV. Список иллюстраций	157
Комментарии редактора.	162

Редактор *Я. А. Марголин.*
Худож. редактор *В. В. Шуккина.*
Технич. редактор *С. М. Кошелева*

Сдано в пр-во 9/VI 1948 г. Подписано к
печати 10/IX 1948 г. Формат 60+92/16.
Тираж 15 000. А08567. Печ. л. 11¹/₄+1¹/₄ вкл.
Учетно-издательских л. 11,85. Зак. 492
Цена 5 р. 90 к. Переплет 1 р.

16-тип. треста «Полиграфкнига» ОГИЗа
при Совете Министров СССР, Москва,
Трехпрудный, 9.

Цена 6 руб. 90 коп.

